

Платон Абсурдин

GARVM REGIVS

MMXIX

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Платон Абсурдин

Garum Regius

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55805736

SelfPub; 2020

Аннотация

Невероятные приключения Марцеллуса Писца в I веке до новой эры в римской республике. Вся правда о Спартаке, Цезаре и ещё кое о чём... Содержит нецензурную брань.

– Эй, Марцеллус, решил соскочить? – крикнул мне человек в доспехах, который появился из дорожной пыли. – Не получится! А если свалишь – я тебя найду, отрежу голову и отправлю её твоим родственникам!

– Я поранился! Идти больно!

– Вставай и дуй в строй! – сказал командир и дал мне в ухо.

Я нацепил сандалий, встал с мыльного камня, схватил свой щит, фурку с копьём, и побежал в пыль догонять колонну.

Мы шли по дороге к огромной горе, а я прихрамывал, потому что острый камень порезал мою ступню.

– А Гессор совсем озверел! Я думал, декан прирежет тебя – ему везде чудятся дезертиры! – сказал Кастул.

– Не прирежет! Им и так людей не хватает! Еле три тысячи собрали. Не знаю, на что Габр надеется. Либеры расправятся с нами, как с мальчиками, – сказал немолодой уже мужчина, которому, казалось, было за пятьдесят.

К нам подошёл декан Гессор.

– Я повторяю, но в последний раз! Если кто-нибудь решит свалить – найду и выпущу кишки! – сказал он.

– Не волнуйся, Гессор! Мы с тобой до конца! – сказал пожилой воин.

Гессор похлопал верного мужчину по плечу и пошёл вперёд.

– Шире шаг! Старина Везувий приветствует нас, парни! – крикнул он.

– Габр приказал распять каждого декана, который растеряет бойцов по дороге. Вот Гессор и переживает. У него же семеро детей, да и жена красивая! – сказал пожилой воин.

К вечеру мы разбили лагерь у подножия горы, разожгли костры и поставили палатки. Подошёл обоз с нехитрым провиантом и мутной водой.

Перед ужином нас построили, и к нам на лошади выехал седеющий человек в богатых доспехах, яркими перьями на шлеме, и с пурпурной лентой на рукавах. Красавца-мужчину освещали факелами двое всадников.

– Клавдий Габр! – шептались по рядам.

– Воины! – сказал он. – Скоро вам предстоит доказать свою верность Риму!

Полководец показал рукой на гору.

– Эти ублюдки залезли на Везувий и думают, что их там не достать! Это глупо и смешно! Долго ли они там просидят без еды и без воды? Я принял решение подождать их здесь! Скоро они слезут и попросят пощады! Или хлеба! Но они не получают ни того, ни другого! Всякий, кто посягнёт на римский образ жизни и наши традиции будет уничтожен! Боги помогут нам, потому что за нами правда и сила наших предков! Когда вшивые головы этих мудней будут нанизаны на наши острые копья, каждый из вас получит по сто сестерциев! Ну, а я приму от Сената скромный венок! А мне больше-

го и не надо! Потому что я здесь не для себя, а для римского народа! И если понадобится, я встречу смерть, но не изменю нашим скрепам, которые приняли наши предки ещё во времена Ромула и Рэма!

– Слава Габру! – завопили со всех сторон.

Полководец улыбнулся, поднял руку, и толпа замолчала.

– И если кто-нибудь из вас решит, что ему здесь не место, что римские традиции храбрости и долга перед Родиной – это не его традиции – пускай идёт домой! Я его не держу! Но нужен ли такой гражданин Риму?

– Нет! Нет! – кричали воины.

Габр снова улыбнулся и поднял руку, чтобы солдаты замолчали.

– Каждый дезертир лишится гражданства, а его семья – бесплатного хлеба! Это я вам обещаю! Риму не нужны нахлебники, которые не желают очищать его от смердящего гнилья! Слава Риму!

– Слава Риму! – подхватили солдаты.

Военачальник снова успокоил солдат жестом.

– Эй! Чего разорались? Спать мешаете! – крикнули из темноты со стороны Везувия.

– Заткнись, либерная морда! Скоро вы все сдохните! – крикнул в ответ Клавдий Габр. – Клянусь Юпитером – не один из вас не уйдёт от карающего меча римского правосудия!

– Сам заткнись, жирный боров! Вертели мы твоё право-

судие с твоим Римом в придачу! Солдаты, не слушайте лживого Габра! Такие, как он заставляют вас умирать за свои долбанные интересы!

Солдаты молчали, а полководец, вероятно, почувствовал смятение в солдатских рядах.

– Если бы сейчас светило солнце, я бы лично перерезал тебе твою паршивую глотку! – крикнул он в темноту.

– Иди накуй, Габр! – был ему ответ.

Клавдий Габр снова обратился к своему войску.

– Вы видите, как рабы растягвались? Совсем распустились, суки! Ну ничего, мы заткнём им глотки! А сейчас – ужинать! И напоминаю деканам, что если хоть один отважный воин покинет его контуберний – распну, как кусок дерьма!

На ужин нам раздали хлеб и пшено, а пить предложили затхлую воду.

Мы сели у костра, который разожгли рядом со своей палаткой. Я был голоден и уплетал булки.

– А где поска? – спросил Гессора Кастул.

– Скажи спасибо, что воды налили.

– Экономят, суки! Знают, что всем нам крышка! – сказал пятидесятилетний воин.

– Тише ты! Я не хочу, чтобы меня распяли за твой трёп!

– Почему, думаешь, Габр не хочет атаковать? Да потому что нас меньше, чем тех либеров! – не унимался храбрый солдат.

– Заткнись, Гур! Их тоже не много. Здесь единственное место, где они могут спуститься. Мы подождём, пока они оголодают. А там и подкрепление подойдёт.

– Наивный ты человек, Гессор! Думаешь, либеры не придумают, как обвести Габра вокруг пальцев?

Гессор сплюнул и промолчал, а Гур отвернулся от костра.

После ужина рожок отыграл отбой, и мы легли спать. Палатка была тесной – приходилось дышать друг другу в затылок.

– Вспоминаешь сестру, Марцеллус? – спросил меня Ка-
стул. – Она у тебя красивая.

– Да.

– А если я женюсь на ней? Как думаешь? Она согласится?

– Конечно. Вот вернёмся – сразу к ней и подвали.

– Если Габр не обманул и выплатит сто сестерциев, куплю ей подарок.

– Это правильно. Подарки она любит.

– А что ей подарить? Что она любит? Золотые фибулы? Или серьги с камнями?

– Она любит всё, что блестит.

– Но ведь всё блестит, что дорого стоит.

– Подари ей что-нибудь.

– Хорошо. Куплю ей фибулу с камнем. С двумя. Как думаешь?

– Заткнись! Дай спать!

– Ладно. Подарю ей серьги.

Я проснулся со звуком рожка. Но дудел не наш рожок, а тех парней, что сидели на горе. Их дудь так фальшивил, что резал мой музыкальный слух.

– Вот удивительно! – сказал Гессор, – Рабы, а тоже в рожки дуют! Или они считают, что у них настоящая армия? И почему наш не играет подъём?

Мы выползли из палатки и пошли умываться.

Оказалось, что наш дудь проспал, и по этой причине не смог отыграть свою партию.

Перед завтраком его казнили – отрубили голову и повесили на копьё в самом центре лагеря.

Перед нами снова выступил Габр.

– Так будет с каждым, кто не станет выполнять свои обязанности! Это хорошо, что дудь проспал, а если завтра это сделают караульные? И либеры перережут нас, как кроликов! Я не позволю превращать армию в сборище кретин, которые только и мечтают, чтобы вдоволь отоспаться, да пожрать за казённый счёт! Кстати, сегодня все лишаются завтрака из-за того упыря! Но кто ещё умеет дудеть?

Я понял, что это мой шанс. Я рассудил, что, возможно, дудь не обязан рубиться на мечах в случае атаки неприятеля, и я смогу выжить и вернуться домой.

Я вышел из строя.

– Музыкант? – спросил меня Габр.

– Да!

– Как тебя зовут?

– Марцеллус.

– Говори громче! Пусть все знают имя нового дудя!

– Марцеллус! – крикнул я.

И крикнул я с такой громкостью, что на горе меня тоже услышали.

– Что? – спросили с Везувия.

– Иди накуй! – крикнул Габр в ответ и с гордостью посмотрел на наши ряды.

– Отныне ты, Марцеллус, назначаешься дудём! Выдайте ему рожок! Пускай дудит!

Я переселился в палатку, в которой жили привилегированные воины. Со мной жил врач, писец, сигнифер, и ещё парочка парней.

Врач зашил мою ногу и наложил на неё повязку.

Прошло несколько дней. Я дудел по утрам и вечерам, получал фазанов на обед и не ходил в наряды.

Это случилось утром.

– Они уже здесь! Либеры спустились! – кричал кто-то, как резаный.

Я бросил свой котелок и схватил рожок.

Ко мне подлетел один из центурионов.

– Играй тревогу! Играй! Чего ждёшь?! – крикнул он и дал мне оплеуху.

Я принялся дудеть изо всех сил.

Начался бой. Но, скорее, эта была резня, потому что на-

павшие парни распарывали животы и отрубали головы, забивали солдат щитами, а те от неожиданности не могли дать достойного отпора неприятелю.

Вопли и печальные стоны вперемешку с отборной матерщиной на разных языках раздавались отовсюду.

На моих глазах вспороли брюхо Кастулу, который мечтал жениться на моей сестре и подарить ей серьги. Он встал на колени, схватился руками за окровавленный живот и пытался удержать свои кишки.

Я даже не успел опомниться, как уже сидел на убийце моего приятеля и бил его по голове своим рожком. Я рычал как нубийский лев, а из моего рта на лицо поверженного воина капала слюна.

Звук от ударов кочевал от ноты «ля» к «си», но не далее.

Я бил по неприятельской голове до тех пор, пока труба не потеряла свою изящную форму, а лицо убийцы Кастула не превратилось к кровавую кашу. Но встать на ноги я не смог – кто-то саданул меня по голове, и я потерял сознание.

Я очнулся и открыл глаза. Рядом со мной сидел Гур.

– Очнулся-таки? Я думал, что ты сдох, – сказал он. – Теперь нас зарежут, как свиней. И не дадут пить!

Я привстал и огляделся. Вокруг нас сидела ещё пара сотен пленных солдат.

К нам подошли двое.

– Который? – спросил один из подошедших парней.

– Этот! – ответил второй и пнул меня по голове.

Меня поставили на ноги.

Передо мной стоял невысокий мужчина со светлыми волосами да плеч и с голубыми глазами. Он был крепкого телосложения, и рука его была перевязана.

– Ты убил моего друга! – сказал он.

– Друга?

– Эномай был моим другом!

– Я не знаю, кто это.

– Не ври! Эномая нельзя было не заметить! Он был один такой! Его знали все!

Меня подвели к телу, которое было накрыто красным плащом какого-то центуриона.

Светловолосый незнакомец откинул плащ и я увидел... карлика. Да-да. Тогда я понял, почему я с такой лёгкостью одолел убийцу своего приятеля.

– Тебя ждёт мучительная смерть! – сказал второй парень и ухмыльнулся.

Он был выше голубоглазого, и волосы его были чёрными, как смоль. Кожа его тоже была тёмной, а всё тело было украшено белыми татуировками.

– Но что будем делать с остальными, Крикс? – спросил длинноволосый блондин.

– Мочить!

– Может, кто-то из них захочет перейти к нам? У нас мало людей.

– Спартак, мы же договорились! Они не щадят наших пар-

ней! Ты сам знаешь, что они с ними делают!

– Знаю, но...

– Если ты их отпустишь, я уйду!

– Хорошо, Крикс. А этого распнём?

– Конечно! И вырвем сердце! Будет знать, как дудкой либертарианцев забивать!

– Какой дудкой?

– Рожком для сигналов. Им он убил Эномая!

– Он – дудь?

– Не знаю. Какая разница?

– Как какая? Ты же знаешь, что наш Евклид не умеет дудеть! К тому же его убили в этом бою! Если мы считаем себя армией, то нам нужны её атрибуты!

– Атрибуты, – передразнил Крикс.

– В современном бою сигнализация – основа тактики! Без неё мы как без рук!

– Ты хочешь оставить ему жизнь?

– Он нам нужен, Крикс!

– Но он сломал свою трубу о голову Эномая! Она потеряла свою геометрию! Как он будет дудеть?

– Отдадим ему Евклидову дудку.

– Ну, не знаю. Давай спросим твою жену!

Они послали какого-то парня за женщиной.

– Я с детства играю. Могу любые мелодии подбирать, – сказал я.

Спартак с Криксом посмотрели на меня, но промолчали.

Пришла красивая женщина в пурпурном платье и с аккуратной причёской. И хотя платье её было порвано в нескольких местах, и не стиралось неделю или две, она носила его с достоинством.

Женщина двигалась как аристократка и привлекала мужское внимание. Ноги её отличались длиной, хоть и не были самыми стройными в лагере повстанцев.

– Корнелия, мы тут с Криксом поспорили. Я говорю, что нам нужен дудь, а Крикс хочет вырвать у него сердце. Что думаешь ты?

Женщина посмотрела на меня.

– Дудь нужен, – сказала она.

– Но он убил Эномаю! – возразил Крикс и показал на тело карлика.

– Малыш погиб?

– Он забил его рожком!

Корнелия подошла ко мне.

– Зачем так? Разве недостаточно вспороть живот? Или отрубить голову? Тебе нравится убивать с жестокостью?

Я не нашёлся с ответом.

– Дудь не нужен, Спартак! – сказала женщина и отвернулась от меня.

– Но Эномай убил моего друга, а тот хотел жениться на моей сестре! – крикнул я. – Которую я люблю больше жизни! И он тоже любил! А она любила его! Видят боги, это была лучшая пара на долбаном полуострове! Но теперь его боль-

ше нет! И сестра наложит на себя руки! Ты права, красивая женщина, – мне незачем больше жить!

Корнелия снова повернулась ко мне.

– Пускай дудит! – сказала она.

03

Крикс победил в споре о пленных – им перерезали горла, но лишь после того, как они побросали погибших в битве в канаву.

Старина Гур с таким усердием ползал на коленях и умолял пощадить его, что даже добрый Крикс простил его и отправил точить трофейные мечи и копья – он посчитал их тупыми и непригодными для борьбы за свободу.

Вся наша небольшая армия вышла к морю, захватила Геркуланум и осталась в нём на постое.

В тот же вечер воины решили отметить свой успех, и на главной площади накрыли огромный стол. Людей было такое количество, что мест не хватало, и многие стояли.

Вино текло рекой, а жареным фазанам не было счёта.

Все рабы Геркуланума присоединились к либертарианцам, чем и порадовали Спартака. Он даже решил сказать речь.

– Друзья! Я рад, что наши ряды пополняются, а наша армия крепнет! Сенат мечтает задушить наше движение и присылает к нам таких, как Клавдий Габр. Я бы с удовольствием показал вам его голову, но он сбежал! Бросил своих солдат и позорно бежал! Пока у Рима будут такие полководцы, у нас

развязаны руки! Наша цель – Рим! Мы покончим со всесильными пан-италийскими корпорациями и огромными налогами! Мы дадим свободу всем, кто готов работать на благо народа! Мы уничтожим рабство и дадим гражданство и землю всем, кто пожелает её обрабатывать!

Люди аплодировали Спартаку и поддерживали его речь одобрительными криками.

Когда веселье было в разгаре, я подошёл к Спартаку – он сидел за столом со своей женой Корнелией.

– Спартак! Я хочу спросить тебя!

– Как зовут тебя, добрый дудь?

– Зови меня Марцеллусом!

– Что за вопрос, Марцеллус?

– А правда, что ты – беглый раб и гладиатор?

– Кто сказал тебе?

– Так... в народе говорят.

– Вот тебе, Корнелия, сенатская пропаганда в действии!

Спартак ударил кулаком по столу.

– А не говорят ли в твоём народе, что я пожираю синих детей и не брезгую варварским серебром?

– Такого я не слышал, – сказал я.

– Спартак из очень знатного рода, он потомок самого Ромула, – сказала Корнелия. – Но корпорации, которыми владеют сенаторы, разорили его отца, и уважаемый род обнищал.

– И я решил посвятить себя борьбе с угнетателями! Всё

просто, Марцеллус. Я уверен, что республику можно сохранить, а экономику сделать прогрессивной, только если уничтожить олигархов и освободить человека труда!

Мы выпили за сильную республику и добрый народ Рима. А потом выпили ещё, и ещё.

Проснулся я утром, в окружении каких-то бедных женщин в богатом доме.

Я встал, удивился повязке на одной из рук Марцеллуса, оделся и вышел на улицу.

Там я встретил Спартака – он прогуливался по городу и давал указания своим солдатам. Но все его указания сводились к тому, чтобы запретить убивать жителей и прекратить насилие над местной знатью.

– А! Марцеллус! Приветствую тебя! Твоя клятва кровью произвела вчера на всех впечатление!

Он показал на мою перевязанную руку.

Оказалось, что я поклялся своей кровью, а может, заодно и чужой, быть со Спартаком и его либертарианцами до конца.

В тот же день Спартак дал мне задание разработать систему звуковых сигналов для его армии.

Я сделал это за пол-дня, а вечер провёл на пляже.

Кроме разноязычных солдат, которые набирались из рабского интернационала, в армии Спартака были и жёны, и дети бунтовщиков, которых нужно было всё время таскать за собой, чтобы враги не отомстили семьям либертарианцев.

Кроме рабов, в нашу армию приходили крестьяне и ремесленники из соседних деревень и городов.

Я, как самый грамотный из всех, не считая, конечно, самого Спартака и его жены, стал вести учёт не только личного состава, но и казны, и фуража, и нехитрого вооружения. Тогда за мной и закрепилось прозвище Писец, которое со временем стало моим когноменом.

Писание стилусом на воске мне в скорости наскучило.

В одном из богатых домов я нашёл папирус, взял перо фазана и выпросил бычьей крови у одного доброго фермера. С того дня я вёл свои записи кровью на папирусе. Спартаку такой стиль пришёлся по душе.

– С кровью у тебя проблем не будет – в нашем деле без неё никак! Да и папируса у богачей скопилось, наверняка, немало, – сказал он. – Говорят, что самые богатые ходят с ним в сортир! Зажрались, собаки!

04

Одним душным вечером Спартак решил собрать военный совет, чтобы спланировать дальнейшие действия повстанческой армии.

Меня тоже пригласили, потому что Спартак питал ко мне симпатию, и я пользовался его доверием.

Кроме меня, присутствовали ещё пара-тройка командиров, но их имён я не запомнил.

Ну и Корнелия, конечно, тоже сидела рядом со своим супругом. Её пурпурное платье отстирали и зашили – она вы-

глядела как королева.

Всем налили вина, а перед нами плясали полуголые танцовщицы под музыку какого-то старичка со струнным, но незнакомым мне инструментом.

– Я собрал вас здесь, друзья мои, чтобы сообщить добрую весть – против нас выслана ещё одна армия, – сказал Спартак.

– А что же в ней доброго? – спросил Крикс.

– А то, что мы её уничтожим, и наша слава разлетится по миру! Будем считать это нашей рекламной кампанией! Я всё просчитал: мы сможем увеличить армию в два, а то и в три раза!

– Спартак, я тебя уважаю, но иногда ты меня удивляешь своей чрезмерной самоуверенностью, – сказал Крикс.

– Сейчас ты станешь таким же самоуверенным, как и я, дружище! Ты знаешь, кто у них главный?

– Кто?

– Публий Вариний!

– Тот самый?

– Он!

– Ха! Сенаторы совсем уже ополоумели! Ну, тогда – да! Тогда мы можем выпить за успех!

– Выпьем за победу! – сказала Корнелия.

Мы не стали откладывать это предложение красивой женщины в долгий ящик.

– Этот мудень уже разделил своё войско на две части! –

сказал Спартак.

– Ох, Публий! Ох, Вариний! Я люблю этого парня! – кричал Крикс.

Потом он пустился в танец с полуголыми женщинами и с другими командирами.

Было видно, что и Спартак хотел присоединиться к своим соратникам, но супруга взяла его под руку и не отпускала.

Я подсел к борцу за свободу и справедливость.

– Что, Марцеллус, не нравятся танцы? – спросил меня Спартак.

– Я плохой танцор, – ответил я.

– Ничего, разгоним всю эту сенатскую шушару – танцевать научимся! Станем лучшими танцорами на полуострове!

– Отличная идея, Спартак! – сказал я.

– Ты лучше не о танцах думай, а о том, что будешь делать, когда расправишься с Варинием, – сказала Корнелия. – Сенаторы не оставят тебя в покое! Они, наверняка, найдут того, кто будет умнее Вариния. Красса, например.

– А что сейчас об этом думать? Пойдём на Рим! Промедление – подобно смерти! И ни Вариний, ни твой Красс нас не остановит!

– Красс кое-чего стоит. Этот мужичонка – с яйцами, – сказала Корнелия.

– Что ты, женщина, можешь знать о войне и о яйцах? Доверься нам с Криксом! Уж мы-то, наверно, лучше в этом разбираемся!

– Вы уже разобрались... с Криксом. Мы из-за вас почти месяц сидели на сухарях, а потом нас загнали на Везувий, как баранов. И если бы не я, то всех бы под нож пустили!

– А как вы незаметно спустились с горы? – спросил я.

– А Корнелия подкупила дозорных – отдала им фамильный перстень. А те закрыли на нас глаза, – сказал Спартак.

– Этот перстень подарил мне мой дед, а ему – его бабка. А она была...

– Да знаю я, кем она была! Ну, и что с того? Скоро я подарю тебе Рим со всеми перстнями и канделябрами!

– Попробуй только не подари!

Надо сказать, Корнелия не могла не нравиться – в ней было что-то такое, что притягивало сильнее фазанов с соусом. Я имею в виду не только её изумительную внешность и редкую ухоженность, её упругие ягодицы и спелые груди – одна краше другой, но и волевой подбородок, конечно же.

После танцев совет решил бить отряды Вариния по одному, а для этого использовать конницу.

Спартак приказал собрать в Геркулануме всех лошадей, каких смогли найти в окрестных деревнях, а самых способных и умелых людей, в основном германцев, военачальник посадил в сёдла. Набралась пара сотен суровых всадников – они-то и должны были стать ударной силой либертарианского войска.

Меня вооружили гладиусом, плетёным щитом и доспехами, которые до меня носил какой-то римский центурион.

Они были тяжёлыми, но я не стал отказываться от щедрого подарка.

В мои обязанности, как военного дудя, входила подача сигналов к наступлению и манёврам. Я чувствовал свою ответственность и неделю репетировал.

Наш лагерь переместился из Геркуланума на несколько миль южнее, потому что Спартак не хотел, чтобы его войско расслаблялось и теряло свою военную форму.

Через какое-то время мы атаковали первый отряд некоего Фурия – его чудесную голову я видел потом на пире, который был посвящён нашей победе.

Затем, по похожей схеме, мы разгромили и второй отряд под командованием известного римского пловца Луция Коссиния – германские всадники неслись на врага с грязными ругательствами на своём выразительном языке, чем и распугивали неприятельских солдат.

Луция Коссиния тоже решено было обезглавить, несмотря на его достижения в плавании. Крикс занял в этом вопросе непримиримую позицию, и Спартак не стал спорить со своим другом.

Спартак не ошибся в своих расчётах, и, после наших побед, армия борцов за свободу увеличилась вдвое. Да и казна пополнилась тремя десятками талантов серебра, которое было собрано в качестве трофеев и налогов с местной знати.

К нам стали приходиться даже дезертиры из побитого войска Вариния. Спартак хотел принять их в наши ряды, а

Крикс настаивал на массовых казнях. Нашли компромиссное решение – отпускали дезертиров по домам. Но это было сродни казни, потому что дома их судили за дезертирство и могли казнить. Ну, или, если повезёт, лишит гражданства со всеми вытекающими последствиями.

Дезертиры рассказали, что у Вариния осталась лишь пара тысяч боеспособных воинов, которые напуганы и находятся в полу-шаге от побега, и что Вариний построил укреплённый лагерь с глубоким рвом и высокими насыпями, чтобы его солдаты не разбежались.

Спартак и Крикс решили послать к Варинию парламентёра с предложением сдаться, чтобы не напрягать солдат своей армии кровавым штурмом римской крепости. Крикс предложил послать к Варинию меня, но Спартак был против.

– Если ему отрубят голову, мы лишимся не только прекрасного дудя, но и преданного нашему делу борца и настоящего либертарианца! – сказал он.

– Пускай покажет, что он умеет не только дудеть, но и дела делать! – ответил Крикс.

А Корнелия поддержала Крикса.

– Крикс прав. Пускай докажет, что достоин править Испанией.

– Испанией? – удивился я.

– Да, – сказал Спартак. – Мы тут поделили римские владения между собой, пока ты спал. Когда мы победим, я сяду в Риме, Крикс получит свою любимую Азию, а тебя отпра-

вим в Испанию. Там беспокойно, но я уверен, что ты справишься.

– А как же республика? Мы же, вроде, за неё и боремся! Вы собираетесь покончить с ней? – спросил я.

– Ты что?! Конечно, мы сохраним республику! Только Сената в ней не будет. Все вопросы могу решать я сам без помощи разных мудней. Или я, по-твоему, убогий неудачник, и не могу решать вопросы?

– А народ?

– А что народ? Народ любит своих спасителей! Он будет голосовать за меня раз в четыре, а лучше в шесть лет. И никаких проблем! Или ты не согласен?

Я сказал, что согласен.

– Испания – прекрасная страна! Тебе там понравится! А завтра съезди к этому чудиле и предложи ему сдать. Если он решит тебя обезглавить, скажи, что тогда мы сделаем то же самое с его милой семейкой.

Утром меня усадили на белую лошадь.

Мне дали проводника – местного пастуха, и я попросил его идти помедленнее.

Мы вышли к реке, а за рекой был виден лагерь Вариния.

– Это здесь, – сказал мой проводник на языке, которого я не понимал.

Я ответил, что не хочу добираться вплавь, потому что плаваю хуже, чем это делал Луций Коссиний.

Пастух выпросил для меня лодку у местного крестьянина.

Я обещал заплатить, но после своего возвращения, а добрый лодочник поверил мне и переправил к укрепленному лагерю Вариния.

– Кто такой? – крикнули мне из-за насыпи.

– Марцеллус Писец. Я пришёл от либертарианцев говорить с Публием Варинием!

Меня пустили в крепость и провели в белый шатёр. Там, за столом, сидел пожилой уже человек и пил калиду. Он был в белой тоге, но с пришитой к ней пурпурной лентой. Рядом с начальником стоял его помощник в доспехах.

– А ты уполномочен? – спросил меня Вариний.

– Меня послал сам Спартак! Знаете, кто это?

– Рабы уже научились посылать! Куда катится Рим?! – сказал седовласый мужчина. – Ну говори, что у вас там стряслось?

– Это не у нас стряслось, а у вас. Мы наслышаны о ваших проблемах и предлагаем вам сдаться!

– Понтий, у нас проблемы, оказывается, – обратился старик к своему подручному. – Проблемы у тебя, потому что я намерен тебя обезглавить, а твою голову отправить твоему... Как его? Сартаку.

Я собрался с духом и сказал так, как учил меня Спартак.

– Если ты меня обезглавишь, то либертарианцы обезглавят всю твою семью! – сказал я.

Старик вытаращил свои глазёнки – он едва не потерял дар речи от удивления и возмущения.

– Что? Рабы угрожают мне? Мне?

Он вскочил.

– Разреши, я отрублю ему голову прямо здесь и сейчас! – сказал военный человек в доспехах и схватился за меч.

Боги снова пришли мне на помощь – в шатёр влетел какой-то запыхавшийся, но счастливый солдат.

– Подкрепление на подходе! – крикнул он.

Вариний с помощником отвлеклись от меня и переглянулись.

– Слава Юпитеру! И всем остальным богам тоже! – сказал Вариний.

– Будем наступать? – спросил подручный человек.

– А как же! Рим ещё вспомнит о старине Публии Варинии! Зря они списали меня со счетов! Я ещё въеду в арку на белом коне!

– А с этим что будем делать?

– Этого казнить пока не будем – казним позже! А пока что отправим его обратно к рабам с посланием! Садись, пиши!

Понтий снял свой шлем, сел за стол, взял лист папируса и перо какой-то неведомой, но красивой птицы.

– Пиши! Дорогой... как его? Сартак!

– Спартак, – поправил я.

– Да какая разница! Раб ведь! А ты подожди на улице! Что встал?! – сказал Вариний и пнул меня ногой под зад.

Мне не понравилось такое отношение к парламентёру, но я вышел из шатра и решил погреть уши.

– Дорогой – подчеркни! Пишу тебе, чтобы сообщить, что пришёл твой конец! И твой, и тех вонючих рабов, которые возомнили себя свободными людьми! Не пройдёт и трёх... Нет! Пиши – двух недель, и я развешу вас на столбах. И те, кто не сдохнет сразу, будет умолять меня о пощаде! Но я не занимаюсь благотворительностью!

– Благотворительность пишется через «о» или через «а»?

– А я знаю?! Какая разница! Мы же не в Сенат пишем! Не сбивай меня! Пиши! Всем вам вспорют животы и выпотрошат, как фазанов! А тебя лично я привезу в Рим в клетке! И ты будешь сидеть в ней до конца своих дней на потеху добрым римлянам! Но есть и хорошая новость. Ты можешь заплатить мне тридцать талантов серебра в качестве компенсации за моё время, которое я потратил на написание этого письма, распустить своих головорезов и прийти ко мне с повинной. Обещаю не убивать тебя, а поступить с тобой как с дорогим рабом. Я продам тебя на Восток по очень хорошей цене! А если накинешь ещё десяток талантов, то сможешь покинуть пределы римских владений как свободный человек. Выбирай, или проиграешь! Публий Вариний, усмиритель всех рабов и спаситель Великого Рима. Ну как?

– Отлично написано!

– Я тоже так думаю! Отдай папирус этому рабу, и пускай сваливает к своему вожаку! Эй, морда, иди сюда!

Понтий запечатал письмо и сунул его мне в руки.

– Передашь моё письмо Сартаку! Вот тебе пара монет.

Только отдай ему в руки и так, чтобы никто не видел!

Я пообещал выполнить просьбу Вариния, и меня выпустили из лагеря.

Крестьянин с лодкой всё еще ждал меня у насыпи, и я поделился с ним монетами, а он, счастливый, переправил меня на другой берег.

Я кое-как залез на кобылу.

Всю дорогу я размышлял о том, стоит ли отдавать письмо Спартаку или уничтожить его. Оно, конечно, было оскорбительным, но оно же могло спасти тысячи жизней, если Спартак пошёл бы на сделку с Варинием.

В общем, я всё решил за Спартака и порвал письмо. И даже съел его, для верности.

А незачем было Варинию пинать меня ногой под зад! Не было такой необходимости!

05

Я вернулся в лагерь либертарианцев в приподнятом настроении.

Крикс удивился, что мне не отрубили голову.

– А ты везучий, сукин сын! – сказал он.

Честно сказать, он был прав, этот Крикс.

Мы собрались в нашем штабе – крестьянской хижине, но уже без танцующих и полуголых женщин.

– Что он ответил? Рассказывай!

– Он сказал, что сдаваться не будет, и посоветовал нам самим сдаться. Он угрожал.

– Ну, наглец! Надо будет преподать ему урок! – сказал Спартак.

– К нему пришло подкрепление, и он настроен решительно! – сказал я.

– Да плевать мне, как он настроен! Угрожать мне я не позволю никому!

– А вот таким ты мне нравишься, Спартак! – сказал Крикс. – Их нужно мочить! И без всякой пощады!

Он подскочил и обнял Спартака.

– Мы им покажем на что способны пламенные борцы за долбаную свободу! – крикнул он. – Марцеллус, налей нам вина!

– Может, не следует пороть горячку, а прикинуть наши шансы? Мы даже не знаем сколько их, – сказала Корнелия.

– Да сколько бы их не было, с таким «гениальным» командиром, как Вариний, их ждёт позорный разгром!

Мы выпили вина, но Корнелия оказалась права – подкрепление, которое получил Вариний было значительным, и следующая битва была нами проиграна.

Даже матерящаяся во всё горло германская конница не спасла нашего положения.

Я дудел изо всех сил – но это моё старание тоже оказалось недостаточным.

Мы потеряли несколько тысяч человек убитыми, а ещё тысяча оказалась в плену. Всех пленных Вариний казнил.

Он поставил свой лагерь в какой-то полу-тысяче шагов от

нашего, но не атаковал.

Вероятно, он хотел показать нам, что не даст либертарианцам уйти без его согласия.

Кроме того, он устроил нам проблемы с продовольствием – уведомил местных крестьян, что за продажу нам хлеба их ждёт смертная казнь. Крестьяне почему-то поверили Варинию. А мы не могли отбирать хлеб силой, потому что это могло попортить нам репутацию и грозило перебоями с новобранцами.

– Борцы за свободу не могут грабить крестьян! – сказал Спартак. – Это против правил!

– Нас гонят, как баранов! – убивался Крикс.

– Вариний хочет сделать себе карьеру! Долбанный плебей! – говорил Спартак.

– А ну, пойду-ка я и прикажу казнить всех пленных! И всех подозрительных тоже!

Спартак был так печален, что не стал останавливать своего друга.

Я налил ему вина.

– Что делать, Корнелия? – спросил главный борец за свободу.

– Уходить. На юг. Там мы сможем пополнить войско. И там есть хлеб.

– Как уходить? Эта плебейская морда села нам на хвост и морит голодом! Если мы начнём есть лошадей, то германцы разбегутся – они уже привыкли воевать верхом! И нас мало!

Мы не можем атаковать!

Корнелия обняла Спартака и дала ему бокал с вином.

– И не нужно атаковать. Нужно перехитрить.

Спартак выпил вина.

– Говори!

Корнелия изложила свой план – он понравился и Спартаку, и Криксу, но я, честно говоря, был от него не в восторге.

Боевая подруга нашего военачальника предложила поставить на место караульных трупы и оставить в лагере дудя, чтобы он продолжал дудеть и поддерживать огонь в кострах для задымления. По её мнению, такой спектакль должен был усыпить бдительность врагов, пока все живые либертарианцы двинутся на юг.

– Мы выиграем несколько дней. Так мы оторвёмся от Вариния! – сказала Корнелия.

– А что, если не оставлять дудя? – спросил я.

Все трое посмотрели на меня.

– А чего ты испугался? Подудишь пару дней и нас догонишь! Мы оставим тебе лучшего коня! – сказал Крикс.

– Это приказ, Марцеллус! – сказал Спартак. – Уверен, что ты справишься!

– Не бойтесь потерять Писца? – спросил я.

– В случае чего, Корнелия займётся документами.

Корнелия кивнула.

– Когда нас догонишь, можешь требовать, чего захочешь!

В пределах разумного, разумеется, – сказал Спартак.

Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Ночью выставили трупы на места караульных, а утром все либертарианцы со своими семьями двинулись на юг.

Я дудел наши обычные сигналы и кидал дрова в костры.

Два дня я не спал, а потом решил, что с меня хватит, кое-как залез на лошадь и поскакал догонять своих друзей.

Через три дня я настиг либертарианцев у Кум.

Спартак обнял меня и пригласил отобедать тем, что послали добрые боги.

Надо сказать, питание восставших улучшилось – на обед подали диких кабанов, устриц и, конечно, фазанов с лучшим в мире соусом.

– Вот, Марцеллус, специально для тебя задушили двух последних птиц. Я знал, что ты вернёшься к нам!

Мы разлеглись на диванах, как аристократы, а прислуживал нам тот самый Гур, который выпросил себе пощаду. Мне он не нравился, но я молчал.

– Как прошло? Вариний так ничего и не заподозрил? – спросил меня Спартак.

– Нет. Я был на высоте!

– Не сомневаюсь! Выпьем за Марцеллуса Писца, нашего друга и соратника в нелёгкой борьбе!

Мы лежали, пили прекрасное вино, наслаждались прекрасной едой, и нас развлекали танцовщицы.

– У нас всё тоже хорошо, как видишь. Армию за три дня увеличили вдвое! А к нам всё идут и идут! Уже оружия не

хватает – выдаём вилы и дубины. Нам бы ещё обучиться как следует! Ну, думаю, на этот раз старина Вариний получит по зубам, сука! – сказал Спартак.

– Мы выбьем ему его гнилые клыки, будь уверен! – сказал Крикс.

Мы выпили за победу.

– Спартак, ты обещал мне выполнить любую мою просьбу, когда я вернусь!

– Конечно! Проси чего хочешь, Марцеллус! Ты заслужил самый щедрый подарок!

Крикс ухмыльнулся, а Корнелия швырнула в него устрицу.

– Если мне придётся взять на себя ответственность за Испанию, то было бы неплохо присовокупить к моей зоне ответственности и Галлию с Британией.

– Британией? Это где?

– Это севернее Галлии, через пролив. Нужно будет присоединить этот остров к республике! Там есть много полезного.

– Хорошая идея! Что думаете, друзья?

– А не жирно ли будет? Ничего ли не треснет у нашего доброго дудя? Я беспокоюсь за него, – сказал Крикс.

Такой подход к делу меня разозлил.

– Я же не прошу Германию! – сказал я.

Крикс подавился вином.

– Ты её поди завоюй сначала! Ты видел, как германцы ма-

теряются?

– Германию тоже поставим на колени! – сказал я. – А потом...

– Что потом?

– Потом пойдём дальше на Восток и выйдем к Понту со стороны Колхиды!

– Мда... Дудю больше не наливать! – сказал Крикс. – Губу раскатывать он мастер!

Меня обидела фраза Крикса, потому что мне нравится вино, а в особенности – палермское красное.

– А тебе, Крикс, вся Азия? А сдюжишь ли Азию подмять? А может, кишка тонка у храброго Крикса?

– Эй, дудь! Я сейчас выпущу твои...

– Друзья мои, не нужно ссориться! Я полагаю, Галлию мы доверить Марцеллусу сможем. А что касается этой... Британии и Германии, то не будем спешить, – сказал мудрый Спартак.

– Не сегодня-завтра Вариний появится, – добавила Корнелия.

– В самом деле. Стоит ли выпускать друг другу кишки из-за какой-то Британии, которую и не видел никто?

Я доедал последнего фазана, когда в наш триклиний вбежал испуганный Гур. Он показывал на дверь и от волнения не мог сказать, что хотел – шевелил губами и пускал слюну.

– Ну, чего тебе? Говори уже, морда! Или я проткну тебя своим ножом! – сказал Крикс.

– В самом деле – не томи! – поддержал друга Спартак.

– В городе волнения! Народ собрался, требует наказать!

Грозят прекратить плести щиты и душить фазанов!

– Что? Кого наказать? Что ты мелешь?

– Того, кто это сделал!

– Что сделал?

– Обесчестил...

– Пойди разберись! – сказала Корнелия Спартаку.

– Пойдём глянем, что за буза, Крикс!

Я пошёл с ними, а перед домом стояла толпа горожан. Люди кричали невпопад.

Спартак поднял правую руку, и толпа успокоилась.

– Что случилось? Чего вы хотите?

– Требуем наказать виновного! – крикнул какой-то мужичок.

Толпа поддержала его рёвом.

– Кто виновен? И в чём?

Люди расступились, и к нам подкатили телегу с женским трупом. По виду, женщина принадлежала к знатному роду и была не самой молодой в городе. И не самой красивой, пожалуй, тоже.

– Она повесилась, – сказали из толпы.

– Зачем?

– Её обесчестили! Это матрона Виталия, дочь Гнея Скрупула. Она была самой уважаемой женщиной в городе!

– И всегда помогала нам!

– И не убила ни одного раба!

– Но кто её обесчестил? – спросил Спартак.

– Один из твоих воинов!

– Где он?

– Прячется в термах!

– Его покрывает твой заместитель и не отдаёт нам!

– Кто? Крикс?

Спартак посмотрел на Крикса.

– Да. Я приказал не выдавать его! А что такого? Она же из тех самых!

Спартак поднял свою руку.

– Успокойтесь! Сейчас его приведут ко мне, и мы во всём разберёмся!

Он приказал солдатам привести злодея.

– Крикс, пойдём – поговорим.

Мы вернулись в триклиний. Корнелия всё так же лежала на диване и пила вино.

– Что случилось, дорогой? – спросила она.

– Какой-то хмырь обесчестил местную матрону. А она взяла и повесилась! А Крикс покрывает насильника!

Крикс взял бокал и выпил вина.

– Корнелия, а что такого? Раньше на это не обращали внимания, а теперь – нате!

– Раньше мы были кучкой борцов за свободу, а теперь у нас целая армия, Крикс. Если наша армия будет насиловать население, то нас не будут поддерживать, – сказала Корне-

лия. – Ты это понимаешь?

– Понимаю! Но почему им можно, а нам нельзя? Что они делают с рабами – всем известно! А тут из-за какой-то сражной матроны целый скандал! Он её даже не убил!

– Убил – не убил – не важно! Он запятнал нашу репутацию! Он не мог сходить в бордель? Вчера всем было выплачено жалование! На шлюх его хватает с избытком!

– Корнелия, я не понимаю тебя! Вспомни Эномая! Тут только Марцеллус не знает, почему он был таким маленьким! А я ему расскажу! Один рабовладелец в Этрурии держит рабских детей в бочках, чтобы они не росли! И в бочках они живут по десять лет! А потом продаёт по завышенной цене! Я до него доберусь и, клянусь богами, самого в бочке замариную и выброшу в море!

Повисла пауза.

Но тут привели того самого мерзавца, из-за которого мы прервали свой обед.

Это был плюгавенький человечек, с маленькими бегающими глазками. Казалось, что он не мог не только обеспечить матрону, а даже поднять пустую амфору.

– Этот? Это кто же такого в нашу армию зачислил? – спросил полководец.

– Мы сейчас всех берём, Спартак. Кроме пленных. Нам нужны люди! – сказал Крикс.

– Нам нужны воины, а не... Как ты смог это сделать? Тебе помогали?

Злодей смотрел в пол и молчал.

– Отвечай! Из-за тебя я не доел своих устриц! И мясо остыло!

– Она спала, – сказал человечек.

– Ты залез на спящую? Представляю её удивление, когда она тебя увидела! А ведь её можно понять, Крикс! – сказал Спартак.

Они с Криксом посмеялись.

– Клянусь Юпитером, если бы на неё залез Крикс, она бы не наложила на себя руки! – сказала Корнелия.

Мы засмеялись все вместе, кроме, пожалуй, того маленького человечка, который чувствовал свою вину за недоеденных великим полководцем устриц.

– Ну, вот что! Думаю, нужно отдать его толпе – наша армия не много потеряет, если лишится такого бойца! – сказал Спартак.

– Это верно, – сказала Корнелия.

Крикс отвернулся и принялся отрезать себе мясо от кабаньей туши. Спартак взял одну устрицу, открыл её и сунул моллюска в рот маленькому человечку.

– Ел когда-нибудь устриц? На, попробуй!

Потом он взял его за шею и повёл к толпе.

– Ну вот и всё! Дело прояснилось! Злодей признал свою вину! Можете спать спокойно – больше такое не повторится! – крикнул Спартак. – А теперь делайте с ним всё, что хотите!

Он толкнул бедолагу в народные объятия, и преступник был тут же разорван горожанами на части ко всеобщему удовольствию.

Люди ликовали и славили Спартака.

– Справедливость торжествует! Обожаю такие моменты! – сказал нам вождь либертарианцев. – Пойдёмте допивать вино! Всё-таки палермское красное – лучшее на всём полуострове.

06

Через два дня наша армия разбила войско Вариния. Этот храбрый полководец бежал. Он бросил оставшиеся отряды своих людей на произвол незавидной судьбы.

Мы захватили рекордное количество пленных и не знали что с ними делать. Крикс упёрся рогом и ни в какую не соглашался пополнять ими наше войско. Часть пленных, у которых за душой не было и асса, он казнил, другую часть, побогаче, отпустил за выкуп.

– Остальных – в театр! – сказал он.

Темнокожий заместитель Спартака задумал устроить самое крупное представление с участием гладиаторов, в роли которых он видел пленённых солдат.

– Рим такого ещё не видел, Спартак! – говорил Крикс, и глаза его горели. – Мы анонсируем наше представление и будем продавать билеты за неделю! Или лучше за две! Пускать будем всех – и детей тоже! Вот увидишь, народу понравится!

Я думаю, Крикс мог бы сделать себе иную карьеру, если

бы более всего на свете не любил добиваться справедливости любимыми доступными средствами.

Спартак одобрил задумку своего друга, и через пару недель в местном амфитеатре должны были состояться гладиаторские бои.

Билеты были распроданы ещё за неделю до начала представления, хотя и стоили как годовой абонемент в местный бордель.

Крикс попросил меня разрисовать рекламные щиты, которые сколотили из досок добрые плотники. Я, как мог, нарисовал гладиатора, который перерезал горло другому гладиатору, а кровь, как и положено, текла рекой и разливалась в озеро. Я написал: «Самое кровавое представление от создателей либертарианского движения за свободу! Не пропустите!» Криксу мой плакат понравился.

– В целом – неплохо, – сказал он. – Но крови можно и побольше. Народ это любит.

В назначенный день в городе яблоку было негде упасть.

На входе в театр возникла давка, и до смерти была задавлена несколько несостоявшихся зрителей, так что Криксу пришлось самому руководить организацией запуска напористой толпы.

Но, несмотря на грамотное руководство темнокожего человека, все желающие не поместились в театре и пара сотен человек осталась снаружи. Но они ещё надеялись попасть в театр, когда места чудесным образом освободятся – если

кто-нибудь помрёт от резкого наплыва впечатлений или отдаст концы под лучами палящего солнца.

Крикс посетовал на малые размеры амфитеатров в Риме и обещал построить после нашей победы по-настоящему большие площадки.

В самом театре Крикс, за небольшой процент, разрешил продажу цереса местным производителям этого полезного и вкусного напитка.

А я подкинул идею со ставками – Крикс был от неё в восторге.

Открывал игры сам Спартак. Ему аплодировали, и встречали полководца, как героя.

Спартак поднял правую руку, и толпа тут же успокоилась. Мы с Криксом и Корнелией сидели с ним в одной ложе, и я мог хорошо его слышать.

– Народ Рима! Под словом «народ» я имею в виду не только граждан. Каждый, кто живёт и работает на территории Рима, вправе причислять себя к римскому народу. Некоторые, наверное, скажут, что сейчас не время для развлечений – идёт война. Да, это так! Но война эта идёт за свободу! И за справедливость! А что такое свобода? Не знаете? А я вам скажу! Свобода – это возможности! Возможность выбора, возможность доброго заработка, возможность наплевать на классовые предрассудки и, конечно, возможность хорошо развлекаться!

Речь Спартака понравилась зрителям, и они хором при-

нялись кричать «Спар-так! Спар-так!» Атмосфера общего праздника способствовала ощущению единства.

Потом выступил Крикс. Его речь была не такой блестящей, но понравилась народу не менее, чем речь Спартака. Он пообещал, что драться гладиаторы будут насмерть, и что оставшиеся в живых будут бить друг друга до тех пор, пока не останется лишь один победитель.

– И он получит свободу! – сказал Крикс. – Это достойный приз!

Толпа взревела от удовольствия.

Крикс уже собирался сесть, но посмотрел на Корнелию, успокоил народ взмахом руки и продолжил.

– Но это ещё не всё! – сказал он. – Я решил добавить в наш чудный праздник побольше специй!

Все застыли в ожидании специй от Крикса.

– Я сам буду биться! – крикнул он.

Я не смогу описать того восторга, которым зрители встретили слова темнокожего воина с белыми татуировками.

– Ты с ума сошёл, Крикс! – сказал Спартак. – Я запрещаю!

– Так нужно, Спартак! Во имя нашей борьбы! – сказал

Крикс и направился вниз к гладиаторам.

Этот неожиданный ход народу понравился.

Но более всех он понравился Корнелии. Она ничего не сказала, но посмотрела на Крикса так, как не смотрела даже на Спартака.

А много ли женщинам нужно для восхищения? Пожалуй,

нет. Какого-нибудь героического подвига, как правило, хватает с избытком.

Гладиаторов выгнали на арену – набралось две сотни пар воинов, и они с трудом умещались в овальной песочнице.

Бойцы были раскрашены в пёстрые цвета, и им выдали нехитрое оружие: кому-то достался гладиус, кому-то пилум, некоторым подогнали крестьянские вилы, а кто-то получил обычную дубину. Щиты раздали не всем – их заменяли кинжалами или рыбацкой сеткой.

Гладиаторы были разного возраста. Это были и профессиональные солдаты, и юнцы из ополчения. У последних шансов выжить не было, поэтому они выглядели удручёнными.

Крикс выбрал себе крепкого и откормленного оппонента с гладиусом и щитом, и расположился с этим мордоворотом перед нашей ложей. Сам темнокожий воин взял себе лишь дубину – щитом он решил пренебречь. Вероятно, он посчитал, что так будет эффективнее.

Спартак встал и поднял правую руку. Трибуны замерли, а гладиаторы приготовились.

И полководец махнул. Оркестр из музыкантов с дудками и трубами, которых я обучил незатейливой, но бодрой мелодии, задули в свои инструменты, и шоу началось.

Битва была не на жизнь, а на смерть. Юнцы из ополчения выбыли из игры уже через пару минут. Арена заполнялась трупами, а народ веселился от души. Победители боя собирались в правой части манежа и ждали начала следующего

тура.

Толпа, как и положено, ревела, аплодировала и свистела.

Крикс бился со своим мордоворотом дольше других. Кажалось, он играл в спектакле и рисовался перед зрителями, как обласканный искушённой публикой актёр.

Он то и дело бросал косые взгляды на нашу ложу. А если быть точнее, то на Корнелию. И та следила лишь за Криксом – она сложила свои прелестные ручки у волевого подбородка и переживала до самых слёз.

То и дело, она совала пальцы в рот и свистела. Надо признать, свистела она так, что заглушала рёв трибун, и нам со Спартакoм приходилось прикрывать уши руками.

Когда Крикс, наконец, закончил, и забил-таки своего оппонента дубиной, было объявлено об окончании первого этапа соревнований.

Победившие унесли тела проигравших, а зрители смогли купить себе цереса.

Оставалось сто пар гладиаторов.

Места на арене прибавилось, и бойцы получили пространство для манёвра.

Нам в ложу принесли вина и жареных фазанов с хрустящей корочкой. Мы со Спартакoм взяли себе по птице, а Корнелия ограничилась бокалом вина.

Она не отрывала своего взгляда от Крикса, который ходил вдоль трибун и собирал атрибуты народной любви. Кажалось, что всё представление было задумано как его бене-

фис, а остальные участники кровавого шоу были лишь статистами.

Спартак заметил, что его супруга не отрывается от Крикса и разозлился.

– Корнелия, съешь фазана! – сказал он.

Она отказалась. Тогда он встал, посмотрел на меня и запустил свою недоеденную птичку в трибуны. Она улетела на приличное расстояние и стала чудесной закуской к цересу.

– Заканчивай перерыв! Сигналь второй тур! – крикнул Спартак своему помощнику.

Прозвучал сигнал, и гладиаторы заняли свои места. То же самое сделали и зрители.

Спартак махнул правой рукой, и музыканты заиграли.

Второй тур длился дольше первого, потому что оставшиеся после первого этапа бойцы были не пальцами деланные и не лыком шитые, и, надо отдать им должное, боролись за свою жизнь как звери.

Но сколько бы они не старались, всё равно половина осталась валяться на манеже с перерезанными глотками и распоротыми животами, а кое-кому даже умудрились отрубить в пылу борьбы руку. Как я выяснил позже, подобные случаи на гладиаторских турнирах – не такая уж и редкость.

Крикс был единственным темнокожим участником, и его потное и мускулистое тело выделялось на фоне белокожих воинов.

Партнёр Крикса, хотя и был вооружён копьём и щитом,

не сумел одолеть смуглого великана – он был так же забит палкой, как и его предшественник. Полагаю, никто из присутствующих не ожидал иного исхода их поединка.

Перед третьим туром публике было предложено делать ставки. Для этого гладиаторов поделили на команды и обозначили их красными и белыми лентами, которые бойцы напялили на свои головы. Между рядов трибун ходили ответственные за сбор ставок и обученные мною сотрудники и собирали деньги.

Крикс был за красных и ещё раз прошёлся вдоль трибун. – Крикс! Крикс! – орали поклонники его таланта.

А темнокожий исполин и успешный спортсмен купался в лучах народной славы. И, конечно, он не забывал посматривать в сторону Корнелии. Она отвечала ему тем же, а Спартак бесился – выпил всё вино и приказал принести добавку. В тот момент я начал переживать за либертарианское движение и бороться с мыслями о побеге.

Третий тур с участием пятидесяти пар гладиаторов отличался продолжительностью – то ли бойцы почувствовали усталость от борьбы за свою жизнь и двигались медленнее обычного, то ли желание выйти в четвёртый тур оказалось сильнее спортивного задора и превратилось в соревнование по выносливости.

Единственным воином, который не растерял азарта, был, несомненно, Крикс. Он парил вокруг противника, как мотылёк, и наносил точные и болезненные удары своей окровав-

ленной дубиной. Он и закончил свой поединок первым.

На этот раз Крикс, перед тем, как нанёс свой последний удар по голове лежащего на песке бедняги, поднял обе руки и издал душераздирающий вопль. И только после этого опустил свою волшебную палочку.

Крикс заметил, что другие пары не торопятся заканчивать бой и принялся носиться по манежу и дарить гладиаторам удары палкой направо и налево, чтобы подзадорить бойцов.

– Шевелись! Шевелись, скотина! Бей! Ну, убей его! – орал он на весь театр.

Это понравилось зрителям, и они зааплодировали.

По очкам победила команда красных, и счастливые зрители, которые ставили на красный цвет, получили выигранные деньги.

После окончания третьего тура был объявлен большой перерыв и народ отправился справлять нужду в специальные дыры в стенах и заправляться цересом.

Публика выглядела весёлой – с пеной у рта люди обсуждали наиболее яркие поединки, и не раз охранникам приходилось разнимать дерущихся женщин, которые таскали друг друга за волосы на потеху своим мужчинам.

Крикс пришёл отдохнуть в нашу ложу.

– Зачем ты это делаешь? – спросил его Спартак.

Крикс выпил вина и полил себе на голову воды из ведра. Корнелия смотрела на него, как на героя, а я пил вино. Меня разрывали на части противоречивые чувства, но я пред-

почитал молчать.

– Спартак! Ты это видел? Народ счастлив! Мы же этого хотели! Или я ошибаюсь?

– Конечно! Но ты рискуешь собой! Я не хочу, чтобы тебя заколол какой-нибудь мудень!

Я тогда подумал, что Спартак может и лукавить, как и любой другой человек. Порой, лукавят даже великие полководцы и народные герои, скажу я вам.

Но Корнелия встала на защиту темнокожего бойца.

– Спартак, кто его заколет? Ты посмотри с какой лёгкостью он пробивает им головы!

– Это потому, что их три дня не кормили! Думали, что это пойдёт на пользу – злее будут. А Крикс-то жрал в три горла!

– Это не так важно! Никто об этом не знает. Важно, что народу нравится! Твой народ счастлив! – сказала Корнелия.

– Мой народ?

Спартак опечалился и выпил вина.

– Ну... Спартак, если хочешь, я больше не выйду на эту долбаную арену. Стоит ли так расстраиваться из-за пустяка, друг мой?

Полководец молчал.

– А мы спросим Марцеллуса! – сказала Корнелия. – Пусть он разрешит наш спор! Марцеллус, что думаешь? Продолжить ли Криксу проламывать гладиаторские головы на радость народу и нам, или пускай он сядет в этой ложе вместе с нами и накачается дешёвым цересом, чтобы завтра мучить

всех своей головной болью и дерьмовым настроением?

– Шоу должно продолжаться, – сказал я.

Я считал, что мы должны пользоваться любой возможностью для роста нашей популярности у населения. А тем более, я был против раскола в нашем либертарианском лагере.

– Спартак, не нужно останавливаться на половине пути! – сказал я.

– Хорошо сказал, Марцеллус! – похвалила меня Корнелия.

– Валяйте! Если нужно для дела, – сказал Спартак.

– Ну вот и чудненько, – сказала Корнелия. – Эй, сигнальте четвёртый тур!

07

Четвёртый тур прошёл в быстром темпе – гладиаторы отдохнули и убивали с высокой скоростью. Но Крикс в этот раз не спешил. Вероятно, его задела слова Спартака о трёх криксовских горлах.

Даже когда его соперник уже валялся в кровавой луже, но был ещё в сознании, он не торопился покончить с ним.

– А ведь я могу оставить ему жизнь! – кричал он трибунам.

Толпа ревела.

Женщины бились в истерике, мочились под себя и падали в обмороки, а мужчины орали и до крови сжимали кулачки.

– Убить или сохранить? – кричал Крикс. – Я не слышу! Убить или сохранить? Громче! Я не слышу!

Народ жаждал крови.

– Хорошо! Воля народа – закон! – крикнул Крикс и добил своего противника.

По мере того, как дело шло к финалу наших игр, росли и ставки.

Ставили уже стада баранов и целые поместья. Участники выступали уже не командами, а в индивидуальном порядке.

Конечно же, Крикс дошёл до финала, но дубина его не выдержала такой интенсивности использования и разлетелась в мелкие щепки, когда встретилась с головой последнего противника.

Криксу вынесли новую палку, но он решил ещё раз, как он выражался, добавить специй в наше представление, и выбрал на финальную встречу всего-навсего небольшой нож. Я думал, что в тот день его таки обожествят и запишут в заслуженные олимпийцы на вечные времена.

Его противник был вооружён вилами и сетью. Он не стал испытывать судьбу и отказываться от своего нехитрого оружия, чтобы уравниваться со своим оппонентом. Его можно понять – он три дня не ел. Ему предстояло либо убить Крикса и получить свободу, либо позволить Криксу убить себя.

Мужчина был таким же рослым, как Крикс. Он был опытным воином – его тело украшали жуткие шрамы, которые, вероятно, остались на добрую память о былых сражениях.

– Как зовут тебя, великий воин? – спросил своего противника Крикс, когда они вышли на арену.

– Аставий Руст, – ответил великий воин.

Зрители зааплодировали.

– Чего ты хочешь? – спросил Крикс.

– Убить тебя! – ответил Аставий Руст.

Гладиатор снова сорвал аплодисменты.

– Но зачем тебе моя смерть?

– Чтобы получить свободу!

Крикс поднял руки и поворачивался во все стороны.

– Свободу! Он хочет свободы, как и все мы! Свобода или смерть! Свобода или смерть! – кричал Крикс, а толпа повторяла эту кричалку вместе с ним.

Поединок был тяжёлым для Крикса – он пару-тройку раз был на волосок от смерти, а Аставий умудрился поранить красивое мускулистое тело своими тупыми вилами. Рана кровоточила, и Крикс начал прихрамывать, но он не мог позволить себе отступить. И его можно понять – на кону была его честь, ну и ещё кое-что, пожалуй.

А в какой-то момент Аставий набросил на Крикса сетку и повалил его на песок. Это напугало всех, а в особенности Корнелию.

– Остановить! Остановить! Сука! – кричала она.

Но Спартак коротким жестом приказал не прерывать боя.

Аставий уже был готов нанести последний удар, но Крикс чудесным образом сумел выпутаться из сетей и встать. Всё-таки он был упорным малым, этот Крикс.

А вот Аставий оступился и упал на колени. Крикс вос-

пользовался небрежностью великого воина и полоснул его ножом по руке, да так, что вилы Аставия упали на песок.

Зрители ахнули и замерли.

Теперь долгожданная тишина давила на уши. Было слышно лишь биение сердца Корнелии.

Крикс схватил Аставия за длинные волосы и приставил свой нож к его горлу.

– Проси пощады, великий воин!

Но великий воин молчал.

– Проси! И я дам её тебе!

Аставий упорствовал и ничего не просил.

– Я дам тебе свободу! Проси!

Но Аставий молчал, и трибуны молчали вместе с ним.

Казалось, что и сам Крикс замешкался, и не знал, что ему делать.

– Убей его! – крикнула Корнелия.

– Убей его! – подхватила толпа.

Спартак молчал, а Крикс колебался.

– Воля народа – закон! – крикнул он, наконец, и перерезал горло великому воину.

Аставий лежал на песке, держался за окровавленное горло и бился в конвульсиях. Крикс воткнул свой нож ему в живот и ушёл с арены под громкое народное одобрение.

После грандиозных гладиаторских игр популярность Спартака, а в особенности Крикса, выросла до невероятных размеров.

Я не успевал записывать добровольцев – за какие-то пару недель в моих учётных книгах числилось более семидесяти тысяч человек.

Идея Крикса о невиданном представлении принесла такие дивиденды, которые нам даже не снились.

Казалось, не сегодня-завтра Рим падёт на свои мозолистые колени, и я поеду править Испанией и Галлией.

08

Но Рим падать на колени не спешил, и нам пришлось искать место для зимовки – воевать зимой не принято, а нарушать традицию Спартак не решился.

Зимовать мы остались на юге полуострова. Для этого захватили Метапонт, чтобы театр был под боком – на гладиаторские бои Спартак делал большую ставку, когда его армии требовалось пополнение.

Для спектаклей старались захватить как можно больше пленных. Но если запас пленных иссякал, Спартак делал гладиаторами и провинившихся бойцов своего войска, так что с развлечениями у жителей Метапонта и близлежащих городов и деревень проблем не было. Ну, а мы, взамен, получали новых солдат, таланты серебра и народную любовь.

В перерывах между гладиаторскими играми опытные воины обучали новобранцев военному делу. Заведовал обучением сам Крикс.

Крикса уважали и боялись, а крестьяне приходили к нему советоваться, когда хотели завалить кабанчика – им нравил-

ся криксовский стиль, и они подражали ему во всём – забивали свиней палками, и даже затемняли чем-то свою белую кожу. Это выглядело забавным, но кое-кто видел в этом всём что-то иное.

Спартак не показывал своих чувств, но у него начал дёргаться правый глаз.

Если ранее Корнелия всегда была рядом с великим полководцем, то в последнее время у неё находилось множество причин, чтобы оставить его одного: то кто-то обещал ей шить новое пурпурное платье, то подруга родила двойню и не может без её помощи придумать детям рифмованные имена, то ей нездоровится и нужно показаться лекарю.

Я подозревал, что, возможно, а вероятнее всего, так оно и было на самом деле, причиной её нового поведения был не кто иной, как темнокожий чемпион. Об их связи поползли слухи, потом эти слухи начали ходить, и в какой-то момент они перешли на бег.

Я старался пресекать беспорядок, но домыслы и сплетни не поддаются ни уговорам, ни запретам – такое у них свойство.

Спартак становился молчаливым и раздражительным, в особенности в общении с Криксом и Корнелией. Да и со мной он едва перекидывался парой-тройкой слов за целый день, а то и за два.

Весной решили, наконец, идти на Рим. Но оттуда пришли хорошие вести о том, что против нашей армии Сенат послал

аж две армии.

К нам в штаб, который располагался на вилле какого-то казнённого чиновника, влетел Крикс.

Великий полководец сидел в атриуме и наблюдал за мухами, которые уже проснулись после зимней спячки, а я проверял отчёты фуражиров и отбирал из них кандидатов в гладиаторы за недостачу. Корнелии не было – её отсутствие уже стало для нас привычным.

– Спартак! Ты слышал новость?

– Зачем ты так кричишь, Крикс? Я не глухой.

– Сенат собрал сразу две армии – четыре легиона отборных солдат!

– Ну и что?

– Как что? Нам нужно их как-то обломать, я полагаю. Или у тебя есть другие идеи?

– Идей нет.

Крикс налил себе из кувшина вина и выпил его.

– Я думаю, нам пора поговорить. Марцеллус, выйди!

– Марцеллус, останься! У меня нет от него секретов. Говори, Крикс, если тебе есть что сказать.

Спартак убил зазевавшуюся муху, налил себе вина и сделал глоток.

Крикс сел напротив Спартака и тоже убил муху.

– Так больше не может продолжаться. Нам пора решить...

Нам нужно сделать... А что, если... Мы должны...

– Думаю, правильнее будет спросить её саму.

– Хорошо. Марцеллус, позови Корнелию!

Я стрелою вылетел искать красивую женщину.

Я нашёл Корнелию в прачечной – она давала наставления прачкам о том, какую мочу следует использовать для отстирывания старых пятен.

– Чем темнее – тем лучше отстирывает. Концентрация имеет значение, – говорила она. – У тех, кто злоупотребляет цересом – самая никудышная.

– Корнелия, тебя зовёт Спартак! – крикнул я с порога. – И Крикс тоже!

– Что? Оба?

– Да!

– Я так и знала!

Мы побежали с ней в штаб.

Когда мы вошли, Спартак с Криксом так и сидели напротив друг друга и, видимо, не сказали ни слова за то время, пока я отсутствовал.

Корнелия села между ними, а я налил всем вина, сел в стороне, взял папирус с отчётом и сделал вид, что не слушаю.

– Корнелия, Крикс хочет что-то сказать.

– Да. Я... Я считаю, что так продолжаться больше не может, и тебе нужно сделать выбор.

– Выбор?

– Да. Выбирай одного из нас. К чему скрывать, если все уже знают?! Мне надоело скрываться и делать вид, что ничего не происходит!

Но она колебалась, или делала вид, что она в затруднении, и выпила вина.

– Я не хочу выбирать, – сказала она.

– Но тебе придётся это сделать, Корнелия, – сказал Спартак.

– Я или мой друг! Выбирай! – сказал Крикс.

– Но вы мне оба нравитесь. Я не знаю.

– Крикс, хоть и бывший раб, но достойнее человека я не встречал, – сказал Спартак. – Я уверен, что он будет лучшим правителем Азии.

Эти слова полководца помогли Корнелии определиться.

– Спартак, я останусь с тобой.

Крикс разбил свой бокал о стену и выбежал вон.

– Я знал, что ты не оставишь меня в трудное для нашей борьбы время. Только отныне забудь о Криксе!

Корнелии не оставалось иного, нежели пообещать Спартаку то, о чём он просил.

Крикс напился вином и цересом и скрылся в самом модном в Метапонте борделе, который назывался «У сестёр».

На следующий день было решено разделить на две армии. Первая, под руководством Спартака, должна была идти на Север, а второй, которой командовал Крикс, предстояло укрепиться на горе Гарган и оттянуть на себя одну из римских армий.

Я остался со Спартаком.

Крикс справился со своей задачей, правда, погиб смертью

храбрых в том сражении вместе с большей частью своих людей.

Когда мы узнали об этом, Спартак выступил перед своим войском.

– Братья и сёстры! Враги убили нашего чемпиона, нашего Крикса!

Спартак пустил скупую слезу. Корнелия стояла рядом с ним и сделала то же самое.

– Он был мне больше, чем брат! И я знаю как вы любили его! Мы никогда не простим римским собакам его смерти! Так поклянёмся же мстить за Крикса до тех пор, пока последний из этих позорных псов не будет уничтожен!

Армия дала клятву, но дела наши ухудшались.

Красса всё-таки назначили нашим главным врагом, и он взялся за дело с огоньком.

Для укрепления дисциплины в своей армии он ввёл децимацию – древнюю римскую традицию, по которой казнили каждого десятого солдата, если легион бежал с поля боя. Причём, в роли палачей выступали товарищи жертвы неудачного жребия. Надо сказать, такой стиль руководства армией принёс плоды – легионеры перестали даже думать о побеге от нас и дрались с удвоенным упорством. Римская армия сжалась в крепком крассовском кулаке.

А нас Красс решил взять измором – он не вступал в открытые столкновения с крупными силами либертарианцев, а гонял их по полуострову.

Так продолжалось около года.

В итоге мы оказались запертыми в Регию у сицилийского пролива. Армия Красса вырыла глубокий ров на перешейке, и мы оказались отрезанными от большой земли. Снабжение провиантом затруднилось и начался голод.

– Что будем делать? – спрашивал Спартак на военном совете своих командиров.

Они не знали и были готовы паниковать.

– Почему не получается наладить снабжение морем? – спросил Спартак самого ответственного командира, который отвечал за питание целой армии.

– Римляне прислали флот – они блокировали местные воды – пускают только пиратов. Но киликийцы не согласятся возить нам хлеб – им незачем ссориться с Римом, пока их товар пользуется здесь спросом.

– Суки! Глупо сдохнуть от голода после полутора лет блестящих побед! – сказал Спартак. – Почему вы ничего не предлагаете? Я для чего вас держу?

– Спартак, мы...

– Что вы? Вы только и можете, что в кости играть! Когда вы в последний раз разбили легион? Не помните? А я напому – три месяца назад! Теперь вы сдулись! Только и делаете, что отступаете! Так мы никогда не доберёмся до долбаного Рима!

Военачальники потупили свои суровые командирские взгляды и молчали. Это расстраивало Спартака, и он всех

выгнал.

– Корнелия, эти мудни молчат! Что мне с ними делать? Ума ни приложу...

– А ты попробуй децимацию. Говорят, помогает, – посоветовала верная супруга.

– Ну, это уж слишком! Меня не поймут!

– Ты предпочитаешь погубить наше движение своим бездействием? Нужна твоя решительность, Спартак!

– Я поговорю с киликийцами. Может, они согласятся переправить нас на Сицилию.

– Ты хочешь довериться пиратам?

– Корнелия, на Сицилии мы пополним армию – там много недовольных Верресом – это наш шанс!

– Спартак...

– А ты спроси Марцеллуса! Марцеллус, что лучше: обезглавить каждого десятого борца за свободу или попросить пиратов переправить нас на Сицилию?

Я выступил за сделку с киликийцами.

Но, думаю, даже если бы я поддержал идею с децимацией, Спартак всё равно не решился бы рубить головы своим людям. Не такое было у него воспитание!

Через пару дней мы со Спартаком принимали пиратов. Они прибыли к пирсу на триреме с позолоченными парусами, а вёсла, казалось, были сделаны из серебра. Мы удивились такой роскоши.

– Приветствую вас! – сказал Спартак. – Спускайтесь на

берег —мы приготовили для вас отличный ужин!

– Какой ужин вы можете приготовить? – спросил старший пират с рыжей бородой, серьгой в каждом ухе и татуировкой на всю шею, которую к тому же украшала массивная и золотая цепь. – Говорят, вы уже лошадей сожрали. Вы скоро друга друга жрать начнёте!

Пираты засмеялись, но Спартак не смутился.

– Если вы не голодны, то всё равно спускайтесь – попьём воды, поговорим в непринуждённой обстановке.

– Спускаться мы не будем! Потому что не доверяем рабам! Говори, чего хочешь!

– Я хочу, чтобы вы переправили меня и моих людей на Сицилию!

– И всего-то? А ты и есть тот самый Сартак, беглый раб и гладиатор?

– Меня зовут Спартак! И я не раб!

– Ладно, мне всё равно, кто ты! Если, конечно, у тебя водятся деньжата. Как у тебя с деньгами, парень? Успели почистить римских фраеров?

– Деньги у нас есть.

– Сколько ты готов нам заплатить? Ты же понимаешь, что дело рискованное. Тут повсюду крассовские корыта.

– У нас есть пятьдесят талантов серебром.

– И всё?

– Всё.

– Сколько людей?

– Тридцать тысяч.

Бородач задумался.

– Хорошо. За пятьдесят перевезу половину. Будете сидеть на вёслах! Только серебро – вперёд! Такое у нас правило, дружище. Ну что? Идёт?

– Почему не всех?

– На пятьдесят талантов мне проще продать рабов, чем с вами тут возиться. У меня всего дюжина кораблей. Соглашайся, пока я не передумал.

– Мне нужно время!

– Подумай! До утра. Утром дашь ответ! До завтра!

Пираты уплыли, а мы побрели в наш шатёр. Спартак не хотел обсуждать сделку со своими командирами – мы были в шатре втроём.

– Ну что твои пираты? Согласились? – спросила Корнелия.

– Они готовы перевезти половину.

– А что с другой половиной? Подаришь их Крассу?

– Оставим их пока здесь. На Сицилии соберём армию и вернёмся.

– Ты с ума сошёл! Ты же знаешь, что с ними будет! Они либо сдохнут от голода, либо римляне их перережут, когда узнают, что ты их бросил! Красс не станет ждать, пока ты наберёшь армию!

– Что ты предлагаешь, Корнелия?

– Наступать, Спартак! Наступать!

– Тогда это будет последняя наша битва! Люди устали!

– Для поднятия духа я уже предлагала тебе эффективное лекарство!

– Я не стану убивать своих же людей, Корнелия! Как ты не понимаешь?! Я не готов!

– А бросить их ты, значит, готов? Их убьют! И ты это прекрасно знаешь!

– Я вернусь с подкреплением!

– Делай что хочешь, Спартак!

Корнелия вышла вон.

– Спартак, послушай, я тоже думаю, что довериться пиратским мордам – не лучшее решение, – сказал я.

– И ты туда же! Вы сговорились, что ли?! Всё равно будет по-моему!

Полководец ударил кулаком по столу, да так, что наши бокалы опрокинулись, и вода разлилась.

Утром Спартак дал пиратам положительный ответ.

– Отлично! – сказал бородач. – Тащите серебро!

Спартак приказал расплатиться с пиратами, и серебро погрузили на пиратский корабль.

– Как стемнеет, переправим первую тысячу в одну тихую бухту. Там их не обнаружат! Пускай они вечером соберутся здесь.

– Хорошо!

– Не скучай, Сартак! – крикнул татуированный бородач, когда корабль отошёл от пирса.

Мы вернулись в лагерь, и Спартак отобрал тысячу воинов. Он был в приподнятом настроении, и даже пошучивал.

Отобранным бойцам он приказал собраться вечером у пирса.

– Сами пойдём в последней партии, – сказал мне вождь либертарианцев.

– А что скажешь тем, кто останется? – спросил я.

– Скажу, чтобы готовились к переправе.

Но ни вечером, ни ночью, ни даже к полудню пираты не появились.

Спартак понял, что его обвели вокруг пальцев.

– Суки! Пиратское отребье! – кричал он в шатре. – Когда возьмём Рим, я всех их пушу на дно!

Корнелия ухмыльнулась, а я сочувствовал Спартаку. Да и всем остальным либертарианцам, пожалуй, тоже.

Мы остались без денег, без еды, и надежды у нас оставалось с горчичное зерно.

Нам нужно было выбирать: или сдаться, или прорываться через укрепления Красса на восток.

Спартак выступил перед войском и сказал, что иного выхода нет, и нужно идти на прорыв.

– У нас мало сил! И многие из нас останутся в крассовом рву кормить стервятников. Но те, кто вырвутся, продолжат нашу борьбу! Это ещё не конец, друзья мои! Победа будет за нами!

Войско поддержало оратора вялым «Да здравствует Спар-

так!»

– А если кто-нибудь из вас увидит пирата – пусть он отрежет ему уши! – закончил полководец.

09

Ночной прорыв был кровавым и драматичным.

Я заиграл, и в один момент тысячи голодных людей с ругательствами и улюлюканьем устремились в глубокий ров, чтобы потом карабкаться на римские укрепления.

Многие из них, как и обещал Спартак, были убиты во рву римскими лучниками и копейщиками, или завалены камнями, которые римляне с удовольствием сбрасывали с насыпи.

Те, кому удавалось вступить в рукопашную схватку с врагом, дрались как безумцы. Ну, или как герои – кому как нравится.

Я швырнул щит с мечом на землю и сбросил свои нехитрые доспехи, чтобы догнать вырвавшихся вперёд парней. Но рожок, который висел у меня на спине я сохранил – всё-таки он кормил меня последние пару лет.

Я ни о чём не думал. Я бежал и спотыкался о поваленных товарищей и перелезал через них.

Если я падал, то вставал и бежал снова. На просьбы о помощи я не откликался, потому что в темноте искать пострадавших времени не было.

Помню, я перепрыгивал через какие-то препятствия, кого-то душил руками и ногами, а кого-то обматерил.

Я очнулся на берегу реки – там собирались все, кто выжил

той ночью.

Я нашёл Спартака – он выглядел уставшим, но счастливым. На лице его была кровь.

– Ты ранен? – спросил я его.

– Это не моя кровь! Пустое! Главное, что мы прорвались!

– А что с Корнелией?

– С ней всё хорошо. Я и не знал до сегодняшнего дня, что она так быстро бегает. Я еле поспевал за ней! Она ещё умудрилась на бегу убить несколько римлян! Вот это женщина! Вон она делится впечатлениями!

В реке мылись женщины, и я увидел среди них Корнелию. Она была перепачкана кровью, и красно-чёрное платье её напминало, скорее, лохмотья бродяжки, чем наряд супруги выдающегося полководца. Корнелия о чём-то рассказывала своим подругам и размахивала руками.

– Корнелия! Марцеллус – живой! – крикнул Спартак.

Она помахала мне рукой и продолжила свой увлекательный рассказ.

После переключки выяснилось, что прорвалась лишь треть либертарианцев – остальные погибли или попали в плен, или пропали без вести.

Я был удивлён, что спасся тот самый Гур, которого я невзлюбил ещё с момента нашей первой встречи у Везувия. Никогда бы не подумал, что такой неуклюжий и пожилой уже человек сможет остаться в живых в такой заварушке.

Я не понимал, почему он до сих пор с нами, а не сбежал

к римлянам – у него было множество возможностей это сделать, но он с упорством следовал за нами и точил оружие солдатам Спартака даже когда его не просили, и сам подавал нам вино на штабных совещаниях. И он не был беглым рабом.

Как-то, помню, ещё в Кумах я выпил пол-пифоса вина и встретил его на улице.

– Почему ты с нами, Гур? Ты же ни хрена не понимаешь в долбаном либертарианстве!

– А зачем мне понимать? Я уже старый.

Я тогда не понял его ответа, но пытаться Гура не стал и пошёл спать.

Вечером у костра Спартак собрал уцелевших командиров.

Снова было решено сопротивляться до последнего и ни в коем случае не сдаваться крассовским головорезам. Дали клятву кровью.

Все понимали, что конец не за горами, но озвучивать эту мысль никто не отважился.

Вероятно, никто не хотел расстраивать Спартака. А он сам, похоже, всё ещё верил в свою удачу. Но быть может, он считал неприличным признаться в обратном. Всё-таки он – потомок Ромула, как-никак.

Какое-то время мы ещё поболтались по югу полуострова – пытались не вступать в бой с крассовскими легионами, но Красс таки достал нас.

Последний бой либертарианцев был коротким – склады-

валось впечатление, что они сами накалывались на копья римлян и подставляли свои шеи под вражеские гладиусы. Это было похожем на массовое самоубийство.

Те, кому не хватило духа принести себя в жертву своей прекрасной идее, были пленены римлянами.

Сама по себе свобода – штука и относительная, и до глубины личная. Свободу нельзя измерить – её можно лишь ощутить, пожалуй.

Я отбил лошадь у одного всадника – вероятно, он устал рубить крепкие либертарианские тела и потерял бдительность.

Рожок дудя снова сыграл Марцеллусу добрую службу и был использован мной как грозное оружие.

На этот раз я сначала дал дудкой по морде лошади – она взбрыкнула и сбросила с себя крассовского солдата. Но после многократного контакта с головой сбитого всадника, инструмент пришёл в негодность, и мне пришлось его выбросить.

Я матерился, но кое-как залез на кобылу и поскакал за Спартаком и Корнелией – они неслись вдвоём на одной лошади к голубому заливу.

Супруги пересекли поле и скрылись в лесной чаще. По-видимому, враги не обратили внимания на беглецов, потому что хотели побыстрее закончить утомительную резню, и не отвлекались на пустяки.

У каменного обрыва, с которого открывался живописный

морской пейзаж, беглецы спешили и обнялись.

– Марцеллус! Хорошо, что ты здесь! – сказал Спартак, когда я подъехал.

– Куда теперь? Найти лодку? – спросил я.

– Не нужно лодки. Мы останемся здесь.

– Но они нас схватят! Нужно бежать!

– Беги! Только сначала сделай последнее доброе дело для нас с Корнелией, дружище!

– О чём ты, Спартак?

– Мы не хотим, чтобы наши головы украшали римские колонны! – сказала Корнелия. – Ты понимаешь?

– Понимаю, но...

– У нас мало времени! Когда мы закончим, спрячь нас! Чтобы ни одна римская собака не нашла! – сказал Спартак.

Я пообещал выполнить их просьбу.

– Спасибо, друг!

Спартак обнял меня, а Корнелия поцеловала в щёку.

Великий, но поверженный полководец снял с пояса длинный нож. Я из деликатности отошёл в сторону и старался не смотреть на этих двух симпатичных мне людей, чтобы не мешать им насладиться последними мгновениями жизни.

Они ещё раз обнялись, и Спартак направил лезвие в своё сердце.

– Дай мне, – сказала Корнелия и с женской аккуратностью взяла нож из рук супруга.

Они смотрели друг другу в глаза, но в их взглядах я не

увидел ни страха, ни печали.

Корнелия с силой вдавила нож в свой живот и на пурпурном платье появилось тёмное кровавое пятно.

– Не больно, Спартак, – сказала она. – Только жаль, что он так и не увидел света.

Спартак прослезился.

Картина была трогательной, и неудивительно, что на моих глазах тоже появились слёзы.

Корнелия закрыла глаза и осела в объятиях Спартака. Он поцеловал её, положил на землю и достал из её тела окровавленный нож.

Потом он повернулся к морю и перерезал себе горло.

Я уже собирался захоронить тела, как заметил бегущего ко мне человека. Он махал мне рукой и что-то кричал.

Когда он подбежал, я узнал в том человеке того самого Гура, которого знал ещё с Везувия.

– Думал, опоздаю! Хорошо придумал, Марцеллус! Скажем, что замочили ублюдков, и поделим денежки пополам! Ты ведь не хочешь забрать всё себе?

– Ты о чём Гур?

– Как о чём? О вознаграждении! За их головы обещали десять талантов серебра! Десять, Марцеллус! По пять на брата!

– Не брат ты мне!

– Брось, друг! Головы будем отпиливать, или так сдадим?

– Будем, – сказал я.

Я поднял нож Спартака с земли.

– Не успеем! – сказал я и показал своей рукой в сторону леса. – Смотри! Они уже здесь!

Гур повернулся к лесу, а я схватил его за шею и всадил нож под рёбра.

Потом я привязал уздечками и ремнями от сёдел камни к телам Спартака и Корнелии, и сбросил их с обрыва в море. В тот день они исчезли навсегда.

Гура я сбросил без камня, потому что его плавающее, как дерьмо, тело вряд ли смогло бы кого-нибудь заинтересовать – такого добра в прибрежных водах всегда в достатке.

Я прогнал лошадей, а сам доверился воле богов и побрёл вдоль берега навстречу неизвестности.

10

Когда я устал идти и подумал о ночлеге, то увидел одинокую лачугу, которая стояла у самого берега.

Я постучался в дверь и добрый рыбак впустил меня в свой неказистый дом.

Рыбак был сухим и пожилым уже мужчиной, но жил один. Лишь дохлый пёс заморской породы и с язвами на шкуре кое-как скрашивал его одиночество.

– Я накормлю тебя ухой, – сказал старик. – В последнее время мне везёт с уловом! Хорошо, что ты зашёл, а то мне старику и поговорить не с кем!

– Спасибо тебе, добрый человек. Но я так устал, что вряд ли стану интересным собеседником, – сказал я.

– Отдыхай, сынок. Говорить буду я.

Меня это устроило, и я сел за небольшой стол.

– У тебя липкий пол, – заметил я. – И стул.

Старик промолчал и разлил уху по потрескавшимся от старости тарелкам. Он не забыл поделиться и сдохлым псом, но пёс даже не понюхал предложенную хозяином похлёбку.

Я стал с жадностью есть нехитрое, но сытное угощение – уха была жирной и приятной на вкус.

Я попросил добавки, и старик не отказал бедному путнику.

– Я смотрю, жизнь и тебя потрепала, – сказал мне старик, когда я принялся за добавку.

– Да.

– Ну, ничего. Главное – живой. Твою драную одежонку мне заменить нечем, разве только могу предложить тебе иголку и нитки. И постирать можешь в морской водичке.

– Отлично!

– Куда идёшь?

– В Помпеи, – назвал я первый город, который пришёл мне на ум.

– Не бывал. Но слышал о нём. У тебя там дела?

– Да. Кое-какие...

Старик встал, куда-то вышел, но вернулся и принёс белый кувшин.

– Это церес. Не откажешься?

– Нет, что ты! Обожаю церес! – сказал я.

Я хоть и привык к палермскому красному вину, и в глу-

бине души недолюбливал церес, но не хотел обижать доброго хозяина.

После ухи церес показался мне вкуснее обычного.

Я повеселел.

– Вкусный церес! В жизни не пил такого!

– Пей – не стесняйся! Я хоть и беден, но церес у меня есть всегда. Иначе – что за жизнь?

Я согласился со стариком, что жизнь – дерьмо, и выпил пару-тройку кружек чудесного напитка. Старик тоже повеселел, и наш разговор перешёл в дружеский формат.

Но через какое-то время весёлое расположение духа сменилось на обратное.

– Ты не представляешь каково жить в старости одному! – сказал рыбак и пустил слезу. – Ноги не ходят, сети не достать! Долбаную рыбу приходится на удочку брать! И некому мне помочь!

Я растрогался и пожалел рыбака.

– А где твоя семья? – спросил я.

Старик загрустил пуще прежнего.

– Когда-то у меня была семья, – сказал он. – И семья, и положение, и таланты... Я про серебро...

Я удивился такому крутому повороту, потому что считал старика обыкновенным неудачником, и попросил его рассказать свою историю.

– Случилось так, что я убил свою жену, – начал он свой рассказ. – А у меня была лучшая жена в городе – из знатного

рода, красавица, и грамотная, к тому же. Я не хотел убивать её – всё получилось само собой. Я тогда был судьёй. И в тот день мы как раз приговорили пару десятков рабов к смерти, за то, что они утопили своего хозяина. И хотя было доказано, что они не делали этого, что он сам накачался вином и полез в бочку купаться – нырнул в неё головой, а вынырнуть не смог, нас попросили признать рабов виновными. Ну и заплатили, конечно. Такое случается, когда в деле замешан кто-нибудь из влиятельных граждан.

Старик принёс ещё один кувшин с цересом.

– Оказалось, что у этого семейства были милые доброжелатели, которые хотели ослабить таким образом своих конкурентов. А раб тогда стоил – не то что теперь! За хорошего раба можно было дом просить! Ты понимаешь?

Я ответил, что понимаю, и хлебнул цереса.

– Ну мы это дело отметили вином. Потом зашли в попин и добавили цереса. Там же подрались с какими-то центурионами. Я тогда часто отмечал с друзьями смертные приговоры и мог не возвращаться домой по несколько дней. В общем, домой я вернулся, но уже под утро, злой, пьяный и с разбитой мордой. Но жены я дома не обнаружил. Я допросил рабов – они сказали, что жена ушла. Она подумала, что я, как обычно, не вернусь и свалила! Сука! Меня эта новость вывела из себя и я принялся искать её по всему городу. В конце концов, я нашёл её в объятиях какого-то чернокожего раба. Раба! А ведь я любил эту стерву! Ты понимаешь?

Я снова признался бывшему судье в том, что понимаю его.

– Ну, я взял и порешил обоих! Зарезал, как свиней.

Рыбак замолчал, потому что задумался – волнительные воспоминания не давали ему покоя, но потом он выпил кружку цереса одним глотком и продолжил.

– Дело, как говорится, житейское – за раба я заплатил хорошую компенсацию его хозяину, но вот с жёнушкой пришлось сложнее. Её папаша, вредный старикан, решил меня засудить. И, несмотря на то, что совокупление жены с рабом, а тем более измена мне в такой грубой форме оправдывали мои действия, суд встал на сторону моего тестя. В общем, меня признали виновным, лишили должности и заставили выплатить штраф и компенсацию тестю. Я выплатил всё до последнего асса! Но эта тупая морда требовала для меня смертного приговора! Он продал дом, или даже два, чтобы подмазать судей. Я решил не дожидаться исхода дела, потому что был уверен в «неподкупности» служителей закона, и бежал на юг вместе со своим сыном. Ему тогда было пятнадцать.

Тем временем за окнами рыбацкой лачужки уже стемнело, и лунный свет едва освещал наш скромный стол.

Рыбак зажѐг лучину и подкинул дровишек в небольшую печку.

– Но где сын теперь? – спросил я.

– Не торопись. Я расскажу. А у тебя крепкие нервы, парень? Или ты из тех, кто теряет сознание от внезапного пуга?

Этот вопрос меня и напугал, и заинтересовал.

Полутьма, безлюдное место, шум моря и старый отшельник в доме – всё это располагало к особенному восприятию.

Я уверил рыбака, что крепче моих нервов лишь мои мускулы. Старик мне поверил и продолжил свой рассказ.

– Мы приехали сюда и построили этот дом. Я думал, что здесь нас не найдут. Сын во всём помогал мне. Прошло несколько лет – мы научились ловить рыбу и охотиться на беглых рабов. В общем, жизнь наладилась – мы перестали голодать, и у нас стали водиться деньжата.

И тут у рыбака задрожали руки.

– А потом мой сын утонул. Вот так просто взял и утонул! Сука! Внезапно налетел сильный ветер и начался шторм! Он проверял сети и...

Старик разволновался, а потом разошёлся не на шутку – вскочил и заходил по дому, и даже смахнул свою кружку со стола.

Я попросил рыбака успокоиться.

– Успокоиться? Да ты не знаешь, о чём говоришь! Я посмотрю на тебя, когда ты увидишь...

Он не договорил, но взял новую кружку и сел за стол.

Старик трясущимися руками налил себе цереса.

– Шторм так же внезапно стих, как и начался. Снова появилось солнце, но лодки уже не было видно. Я не смог найти объяснения этой неудаче и напился.

Старик стукнул кулаком по столу – церес вылился через

края наших кружек, а лучина потухла.

Но бывший судья снова зажёл лучину.

– Вечером ко мне пришёл один вонючий и горбатый старик. Вонял он рыбой и морской тиной. Скользкий такой типчик, с водорослями в запутавшихся длинных и седых волосах, и в мокрой рубашке до самых пят. Он сел за стол, выпил цереса, который разбавил морской водой, и сказал, что пришёл по поручению Нептуна, и что моего сына забрали в море по распоряжению самого Юпитера. Я не знал, чем я насолил Юпитеру и спросил об этом старика. Тот ответил, что один мой поступок Юпитера разочаровал, и он хочет, чтобы я купил свою вину.

Старик снова выпил церес одним глотком, встал и посмотрел в окно. Там была видна луна и море – и всё.

– Что стало с тем стариком? – спросил я.

– Я его больше не видел. Он ушёл. В море.

– По-моему, ты заливаешь, – сказал я. – Старик, ты мне симпатичен, но не нужно лепить горбатого! Знаешь, я всякого повидал, но в такой рассказ поверить не могу!

– А я не прошу тебя мне верить. Ты сам просил рассказать. Но когда он придёт – не падай со стула – сломаешь шею!

– Кто придёт?

– Мой сын.

Рыбак снова подошёл к окну.

– Ты сбрендил, старик. Давай-ка закругляться и ложиться спать – у меня был тяжёлый день!

– Если хочешь спать – ложись. Вон там!

Он показал мне на грязный топчан, который вонял рыбой, как и всё остальное в доме доброго рыбака.

Я улёгся, а хозяин продолжил сидеть за столом. Он пил церес и потушил лучину.

Шум морского прибоя убаюкивал меня, и я уже начал погружаться в сон.

Но тут за дверью залаял дохлый пёс. Потом он принялся скулить, как будто его добрый хозяин отдал богам душу.

Это, конечно, насторожило меня, и я забыл о том, что устал и хочу спать.

Послышался удар, и собака заскулила ещё тревожнее. Я приоткрыл глаза.

– Пошла вон, мерзкая тварь! – сказал кто-то низким голосом.

Старик не реагировал на звуки и продолжал пить церес, как ни в чём ни бывало, а мои пальцы сжались в кулаки.

В дверь постучали так, что она едва не слетела с петель.

– Зачем стучишь? Ты же знаешь, что открыто! – сказал старик.

Дверь открылась, и я увидел силуэт человека. Он освещался лишь луной со спины, поэтому лица его видно не было.

– Всё сидишь? – пробасил незнакомец.

Рыбак промолчал, а человек зашёл в дом и сел напротив старика. Смерд мертвечины вперемешку с вонью неизвест-

ного происхождения с такой силой ударил в мой нос, что я тут же почувствовал приступ тошноты.

– Зажги огонь! Я хочу видеть твоё лицо!

– Сам и зажигай!

– Ты же знаешь, что у меня одна рука!

Старик зажёл лучину. Я увидел, что за столом сидел полусгнивший труп, или кто-то похожий на него.

Его лицо было без носа, кожа местами свисала с черепа, а волосы торчали редкими клочьями.

Одна рука была укорочена наполовину и болталась за ненужностью. Но глаза незнакомца, при всём этом безобразии, излучали красный свет.

Старик старался не смотреть на незнакомца.

– Когда ты перестанешь ходить сюда? Я устал от тебя! – сказал он.

– Когда ты отдашь мне деньги, сука? Я сгнил уже наполовину, а денег всё нет! Я сам устал видеть твою морщинистую харю! Но вынужден делать это каждый день! Ты не представляешь, какая это м-у-у-к-а-а-а!

Незнакомец заревел про муку на самых низких частотах, которые может уловить ухо человека.

– Хватит! Ну зачем тебе деньги? Зачем?

– Не твоё дело! Налей мне цереса!

– Всё равно прольёшь!

– Налей, говорю, долбаный жмот!

Старик налил цереса в мою кружку. Труп, или тот, кто был

похожим на мертвеца, взял её мокрой рукой с двумя короткими пальцами и опрокинул в то место, где ещё находился какой-то рот. Но церес вылился на стул, на котором сидел пришелец, и начал стекать на пол.

– Ну что, попил цереса? – спросил старик.

– Сука! Ты ещё издеваешься? Сука!

Незнакомец поднял свою культю и махнул ею. Вероятно, он хотел ударить по столу, но длина руки не позволяла достать до него. Тогда он схватил своей двупалой и длинной рукой мою кружку и разбил её о стену.

– Пёс сдох, – сказал старик.

– Он уже начал гнить! Скоро твоя псина будет выглядеть и вонять совсем как я! Ха! Ха! Ха!

– За что мне всё это? – крикнул старик и вскочил.

– Боги решили, что ты должен ответить! Сколько раз повторять?! Это из-за тебя я стал похожим на ветошь! Гони деньги!

– Нет у меня денег! Нет!

– Найди, старый мудень! И покончим с этим!

И в этот момент меня стошнило. Сердце моё сжалось, а дыхание остановилось.

– Кто это? – спросил незнакомец.

– Путник. Славный малый, – сказал старик.

– А ну-ка, давай посмотрим, что за путник! Думаешь, боги ему помогут?

Похожий на мертвеца незнакомец встал и медленным, но

тяжёлым шагом направился к топчану.

11

Я очнулся от сильного удара в бок.

– Это не Сартак! Вставай, либерная морда!

Я открыл глаза и увидел солдат – они стояли у топчана и улыбались мне.

– Или ты встанешь, или я отсеку тебе руку! – сказал один из них.

Я решил сохранить руку и вскочил на ноги.

Солдаты вытолкнули меня пинками на улицу. У скромной лачужки на неприметной завалинке сидел рыбак и гладил своего дохлого пса.

– Не обижайся, сынок, но мне нужны деньги, – сказал старик и подмигнул.

Солдат кинул ему монету.

– Если ещё объявится кто – сразу сообщи!

– Обязательно! Не извольте беспокоиться, господин центурион!

– Я не центурион!

– Вы обязательно им станете!

Храбрые воины с удовольствием и с остроумными солдатскими шутками отвели меня в лагерь для пленных.

Пока они вели меня, то били руками и ногами, хотя я не сопротивлялся.

Кроме меня, в лагере собрали ещё несколько сотен живых участников либертарианского движения.

Горячего питания нам не предложили, потому что ещё не решили что с нами делать.

Я расположился на краю лагеря, чтобы при первой возможности бежать.

Все ждали Красса, и к вечеру он появился.

Он был мужчиной средних лет, в богатых позолоченных доспехах и со шрамом на левой щеке, а его серая в яблоках лошадь была украшена красными и белыми перьями.

– Вот это я понимаю! Это все? – спросил Красс одного из своих командиров.

– Почти. Оставшихся ещё вылавливают по окрестностям. К утру всех соберём!

– Отлично! Утром приедет Кайсар – будем решать что с ними делать. А пока – отдыхать! Мы все хорошо потрудились, парни! Палермское привезли?

– Полсотни амфор.

– Всем вина! За мой счёт!

Солдаты заплотировали военачальнику, и им раздали вино. Ну, а мы легли спать на холодной земле, избитые и голодные.

Утром приехал молодой, но мелкий чиновник с каким-то поручением от Сената. Ему было не более тридцати, он был одет в модную белую тунику с отливом и держался как истинный патриций – с высокомерием и нарочитой серьёзностью.

– Приветствую тебя, Красс! – сказал незнакомец и вытя-

нул вперёд правую руку.

– Взаимно, Кайсар! – сказал Красс и сделал то же самое.

Кайсар посмотрел на пленных, и улыбнулся.

– Мне сказали, что на этот раз либеры кончились.

– Да. Полная победа!

– А где их главарь? Этот.. Как его.. Спартак.

– Его пока не нашли. Среди трупов не опознали, и здесь его нет. Если сбежал, то его скоро сдадут местные пезанты – я назначил за его голову вознаграждение в десять талантов.

– Прекрасно, друг мой! Теперь в Сенате, наконец, признают, что ты – лучший полководец! И достоин быть консулом!

– Да, отныне эти говноеды будут знать, с кем имеют дело. Да и тебя протащим повыше! Но что будем делать с пленными, Кайсар?

– А что ты предлагаешь?

– Продать в рабство на восток. За либеров можно двойную цену брать – за два года они себя отлично разрекламировали!

– Марк, ты неисправим! Думаешь только о деньгах!

– Если бы я о них не думал, у меня бы их не было!

– С этим не поспоришь. Но серебряных талантов у тебя и так предостаточно, а политика сейчас превыше всего! Думаю, лучше распять этих либеров вдоль дорог, чтобы другим не повадно было нарушать государственный покой. Мы должны показать всем силу Рима! У нас ведь большие планы! А, Красс?

– Ты как всегда прав, Гай. Хорошо! Уговорил! Но только потому, что я и так богат. Я пожертвую своей выгодой ради Рима! Но кресты – за твой счёт! Пойдём завтракать! Привезли палермское красное – твоё любимое!

– О! Вот за это – спасибо!

Я решил действовать.

– Палермское вино – лучшее вино в мире! – крикнул я.

Красс и Кайсар обернулись, а ко мне подбежали солдаты, сбили с ног и принялись колотить.

– Остановитесь! – сказал им Кайсар.

Солдаты подчинились начальнику и поставили меня на ноги.

– Кто такой смелый? – спросил Красс. – Отвечай, либерная харя!

– Марцеллус Писец, – сказал я и сплюнул кровью.

– Писец? Почему Писец? – спросил Кайсар. – Грамотный?

– Ещё как! Могу писать на латыни, читать по-гречески, и хорошо считаю деньги!

– Послушай, Марк, а давай-ка я заберу этого с собой!

– Зачем он тебе? Мы же договорились, что распнём всех либеров к чертям собачьим!

– Понимаешь, мне нужен грамотный помощник. Оформим его рабом, а ты закроешь на это глаза.

– Но Кайсар...

– Я куплю его у тебя.

– Сколько?

– Сотня!

– Это несерьёзно, Гай! Он же пишет на латыни, читает по-гречески... Пятьсот! И не ассом меньше!

– Хорошо. Три сотни, но остальных – на кресты!

– Ох, Кайсар... Ну что мне с тобой делать... Триста и ту испанскую кобылу, которая мне понравилась. Ну, помнишь?

– Конечно, помню. Я согласен, Марк. Мы ведь друзья! Я не могу отказать своему другу! По рукам!

Кайсар жестом подозвал меня.

– Сегодня твой день! Благодарю богов! Я отдал за тебя лучшую лошадь, поэтому если что-то мне не понравится – не взыщи – будешь распят вместе с остальными. Теперь ты – мой раб. Полагаю, это лучше, чем болтаться на кресте и молить богов о скором конце.

Я согласился и пообещал быть отличным рабом, а меня за это отмыли и переодели в чистую одежду.

Меня позвали на завтрак Красса и Кайсара в шатёр полководца, но выделили мне отдельный стол и приказали прислуживать.

Я не привык быть слугой, но старался исполнять новые обязанности с безупречностью.

На завтрак подали жареную рыбу и фазанов.

Я расставил блюда, налил вино в кубки и сел за свой небольшой и скромный столик.

Еды мне на дали – рабу предлагалось доесть то, что останется от господских блюд. Но я не унывал, а со смирением

ждал окончания завтрака.

– Надо сказать, рыба сегодня удалась! – сказал Красс.

– А вот фазанов не прожарили! – сказал Кайсар. – Я же говорил, чтобы до корочки! Никому нельзя доверять!

– Кстати, Кайсар, о фазанах. Как твоё термопольное дело?

Фазаньи крылья приносят ли доход?

– Растём понемногу. На прошлой неделе открыли десятый термополий в Риме. Фазаны по моему рецепту идут на ура. Теперь, когда либерам заткнули глотки, будем окучивать Сицилию и Кампанию – Сенат дал добро. Только вот с гарумом...

– А что такое с гарумом?

– Никак не могу найти надёжного поставщика. Те, что есть, предлагают откровенное дерьмо. Нет, Марк, мои фазаны требуют гарума наивысшего качества! Иначе не оценить их вкуса!

– Да. Понимаю тебя, друг мой, – сказал Красс и отпил из кубка. – Вино отличное! Когда-то я так же долго искал подходящее железо. Я тогда подрядился вооружить три легиона, получил деньги из казны, собрал лучших мастеров, а меня чуть не засудили, потому что мои гладиусы, видите ли, гнулись, как бронзовые! Говорили, что, мол, я ставлю под угрозу безопасность целой республики! А плевать я хотел на республику!

– Тише, Марк...

– А что я мог сделать, если железо – гавно?! Хорошо, что

брат жены моего управляющего посоветовал купить руду у германцев. А вообще, пора уже расширяться, Гай. Чего стоит государство, если оно не расширяется?

– Да, республика переживает не лучшие времена.

– По мне, так лучше один сильный правитель надолго, чем ежегодные выборы двух мудозвонов, которые зачастую ни на что не способны! Отсюда и гражданские войны, и либерские бунты! Сколько этот Спарма... Спард...

– Спартак.

– Сколько этот мудень гонял армию? Два года, Гай! Два! Куда это годится?! При диктатуре никто бы ему не позволил! И в армии пора навести порядок! Распустились, суки! В атаку приходится самому гонять!

– Опасные разговоры, Марк. Проскрипции ещё никто не отменял...

– Надоело молчать! Накипело!

– Эй, Писец, ты ничего не слышал! Понял? – сказал мне Кайсар.

Я кивнул.

– Налей-ка нам вина! – сказал Красс.

Я наполнил кубки.

– Давай-ка, напишем письмо в Сенат, раз теперь у тебя есть Писец. Пускай отрабатывает свою пайку. Заодно и посмотрим, как он пишет, – сказал Красс.

Кайсар согласился и приказал выдать мне папирус, чернила и перо.

– Пиши! В Сенат от Великого полководца Марка Лициния Красса доклад, – сказал полководец.

– Нет. Не доклад. Они подумают, что ты перед ними заискиваешь. Доклады пишут низкие подчинённые. Великий полководец не может докладывать. Нужно дать им понять, что ты делаешь им одолжение. Пускай почувствуют твою силу. Пускай боятся!

– А как тогда?

– Уведомление.

– Точно! Уведомление! Пиши! В Сенат от Великого полководца Марка Лициния Красса уведомление.

Кайсар кивнул, откинулся на спинку своего кресла и закрыл глаза.

– Сим письмом уведомляю уважаемый Сенат, что бунт рабов подавлен мною окончательно. Десять тысяч либеров уничтожены.

– Пятнадцать.

– Ты прав, друг мой. Двадцать тысяч либеров уничтожены моими легионами. В плен я взял несколько... тысяч боевиков. По моему приказу пленных распнут вдоль дороги в Рим в знак назидания сочувствующему населению. Что ещё?

– Про главаря, – сказал Кайсар.

– Главарь бунтовщиков по имени Спарта... Как?

– Спартак, – подсказал я.

– Молчи, раб! – сказал Красс и швырнул в меня свой кубок. – Будешь говорить, когда позволят! Спартак не найден!

– Плохо, Марк, – сказал Кайсар.

– А что?

– Получается, что ты упустил главаря боевиков. Чтобы он снова собрал себе банду. Да тебя заключают!

– Вот суки! Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю выбрать подходящего либера из пленных, взять его голову и отправить её в Сенат как голову Спартака. Там вряд ли его кто-то видел.

– Вот за что я тебя люблю, Гай, так это за твою изобретательность. Из тебя бы мог получиться грамотный диктатор. А ну-ка, раб, тащи сюда мой кубок! И наполни оба!

Я сделал всё так, как приказал Красс.

– Так и поступим, пожалуй. Сколько ему было лет?

– Не больше тридцати, – сказал я. – Ну, может, тридцать два...

– Вот. Выберем примерно такого возраста и...

– А пусть Писец и выберет, – предложил Кайсар. – Он же видел Спартака. Подберёт нужную голову.

Эта идея так понравилась Кайсару и Крассу, что они закончили завтрак и повели меня выбирать голову Спартака для отправки в Рим.

Пленных либертарианцев построили в один ряд, и мы втроём пошли вдоль этого строя.

– Эй, Писец, тебе нужно выбрать похожего! Ты не понял? – сказал Красс и за волосы поднял мою голову. – Смотри на их морды!

Я глянул на пленных, но один из них плюнул мне в лицо.
– Продался, гнида! – сказал он.

Красс достал из ножен свой гладиус и проткнул недовольного либертарианца. Тот осел, изо рта его пошла кровь, и он забился в судорогах.

– Так будет с каждым, кто плюнет или вякнет! – сказал Красс.

Мы прошли весь строй, но у меня так и не поднялась рука, чтобы на кого-нибудь указать.

– Что? Нет похожего? Или ты показываешь нам двойника, или я отсеку тебе руки! – сказал Красс.

– Но тогда он не сможет писать! – вступился Кайсар.

– Тогда ноги. Ходить Писцу не обязательно! Пошли обратно!

Я подумал, что пора заканчивать эту неприятную процедуру, и указал на самого невзрачного либертарианца. Я решил, что ему всё равно не жить, а умереть без мучений выгоднее, чем на кресте.

– Этот?

Я кивнул.

– Что-то не верится, что Спартак был таким... Ты ничего не перепутал, Писец?

– Этот не пойдёт, – сказал Кайсар. – Главный бунтарь не может быть с такой незначительной харей. И маленькой головой, к тому же. Нас не поймут! Решат, что ты хочешь обвести всех вокруг пальцев!

– Суки! Давай тогда этого! Этот побольше. Да и морда у него выразительная! – сказал Красс.

– Нет. У него страх в глазах. Вот! Вот кто нам подойдёт! Смотри, с какой ненавистью он смотрит! Прямо-таки готов разорвать нас и съесть без гарума! То, что нужно!

– Отличный выбор, Кайсар! Эй, отделите голову и принесите мне!

Солдаты схватили выбранного Кайсаром пленного и потащили выполнять приказ, а я выдохнул с облегчением.

Мы дописали письмо в Сенат и упомянули в нём, что Спартак повержен Крассом в кровавой схватке, что полководец, хоть и получил серьёзные ранения, совместимые с его драгоценной жизнью, но сумел-таки лишить главного либертарианца головы одним ударом своего позолоченного гладиуса.

– Ну-ка, дай поставлю подпись, – сказал мне Красс, когда я нарисовал жирную точку.

Красс прочитал то, что я написал.

– Ну что же, хорошо. Мне нравится. Если и есть ошибки – не беда, главное – почерк красивый и понятный. А не то, что у сенатского секретаря – сразу не поймёшь, что он там нацарапал – всем легионом разгадываем, – сказал он. – Поздравляю с отличным приобретением, Гай!

Кайсар с удовлетворением кивнул головой.

Красс капнул расплавленного сургуча и перстнем пропечатал на письме свой знак.

– Ты куда теперь, Гай? – спросил Красс. – Если в Рим, то захвати моё письмо в Сенат, и голову Спартака заодно. Тебе доверяю, как себе!

– Хорошо, Маркус. Чего не сделаешь для друга!

– Я закончу с либерами – и тоже в Рим. Пускай готовят венок и консульский курулис!

Они обнялись.

Кайсар доверил мне везти голову Спартака – её упаковали в ящик и закинули на тощую кобылу, которую выделили мне как кайсарскому Писцу.

– За голову либера ответишь своей! – сказал мне Кайсар, когда мы отъезжали из лагеря Красса.

Полководец помахал нам рукой и пожелал счастливого пути.

12

До столицы доехали без приключений.

Город поразил меня своей грандиозностью – здания были огромными, в особенности храмы с величественными колоннами.

Многоэтажные белые инсулы и узкие грязные улицы – вот, пожалуй, основные римские черты.

А ещё толпы людей резали мои глаза – на узких улицах проходим, порой, было не разойтись. А повозки могли встать в пробке, если у какой-нибудь из них отваливалось колесо.

Телохранители разгоняли прохожих матерными криками,

а в сложных случаях прикладывались своими плёточками.

Когда мы, наконец, добрались до дома Кайсара, уже стемнело.

Дом был на удивление небольшим и стоял в Субуре, а встречать Кайсара вышла его жена в сопровождении двух служанок-негритянок. Она не была красавицей, но её знатное происхождение было заметным даже в темноте. Даже низкий рост женщины не мог сбить с толку внимательного наблюдателя.

– Почему так долго, Гай? – спросила она.

– Навещал Красса. Он покончил с либерами.

– Не удивительно. Красс – дельный плебей!

Кайсар спешил и поцеловал супругу.

– Сейчас будем ужинать, – сказала она.

– Что на ужин?

– Твоё любимое.

– Фазаньи крылья, надо полагать?

– Они.

– Отлично. А это мой новый раб. Он – Писец, – сказал Кайсар.

Супруга посмотрела на меня с любопытством.

– Хорошо пишет?

– Его почерку позавидует сам Кикеро с его Тираном! Мой слог, да его почерк – и мои письма будут лучшими во всём Риме! Это – Помпея, моя жена. Её приказ – мой приказ! Понял?

Я кивнул, и мы пошли в триклиний на ужин.

– А это что? – спросила Помпея.

– Это голова Спартака. Ну, того раба, что два года Риму покоя не давал. Везу от Красса в подарок сенаторам.

– Ух ты! Дай-ка посмотреть!

– Писец, покажи моей жене голову Спартака!

Я достал из ящика голову и положил её на стол.

– Не красавец, конечно, но симпатичный, – сказала Помпея.

Кайсар и Помпея легли на аккуратные диванчики, а меня посадили за столик в углу – на этом настояла супруга. Вероятно, она хотела изучить нового раба.

Негритянки принесли огромное блюдо с жареными фазаньими крыльями, вазы в фруктами и большой кувшин с вином. Вино разлили в кубки – мне тоже дали небольшой бокал. А пару-тройку крыльев мне уложили на тарелку.

– Что с гарумом? – спросил Кайсар.

Помпея махнула своей маленькой ручкой.

– Так себе. Я думаю, что мы не будем продлевать контракт с этим сицилийским мошенником. Пускай сначала научится делать как следует! Он думает, что нам можно продать даже его дерьмо. Тем более за такую цену!

– Да. Цена кусается.

Кайсар взял самое большое крыло.

– Ты права, дорогая. Этот не годится. Нам нужен лучший гарум! Я бы сам занялся, да времени нет!

– Виктория говорила, что в Африке можно найти. Забыла, как город называется...

– А можно ли этой дуре верить?

– Она, может, и дура, а пожрать любит! И о еде она знает больше всех! И стол у них ломится, хоть её муж всего лишь помощник квестора!

– При таких должностях не только столы ломаются, но и хари трещат!

В своём углу я уплетал фазаньи крылья.

– А ты что скажешь, Писец? Тебе нравится? – спросил он.

– Обожаю фазанов! – ответил я.

– Я про гарум спрашиваю! Фазаны в нём замачивались!

– Гарум прекрасен!

– Откуда ему знать вкус настоящего гарума, Гай? Он же раб, – сказала Помпея.

– Ты права, дорогая, – сказал Кайсар и вздохнул. – Впрочем, как всегда.

Кайсар задумался. Он пил вино, а Помпея налегала на фрукты,

– Возьми себе ещё крыльев, Писец, если хочешь, – сказал Кайсар.

Я поблагодарил его и положил в свою тарелку не менее десятка сочных крылышек.

– И вина налей! – сказала Помпея.

Я налил всем вина.

– А что слышно про Илония? Так и сидит на двух точ-

ках? – спросил Кайсар супругу.

– Да. В Риме ему не разрешают открываться, а он упёрся и говорит, что, мол, пока не покорит Рим своими булками, в провинцию не пойдёт.

– Дурак этот Илоний! Без связей в Риме делать нечего. А на покупку сенаторов денег у него нет!

– Это же надо додуматься – свиное вымя зажимать булками! Он всерьёз думает, что покорит этим Рим?

– Он глуп, и не понимает, что мало прожарить вымя на гриле и положить его между булок. Отдадим ему должное – жарит он хорошо, да и вымя у него нежное. Но всё дело – в гаруме, а он у него хуже нашего! Берёт его в Далмации. В Далмации брать гарум – себя не уважать!

– Зато дешёво!

– Так и будет две точки окучивать! А с хорошим соусом можно даже ослиное дерьмо продать по цене брундизийских устриц! Выпьем за наш успех, Помпея! За Сицилию с Кампанией! За «Жареные крылышки Кайсара»!

Они ударились своими кубками и выпили за успех.

Я тоже выпил и почувствовал, что захмелел.

– А Кретиный опять попался! Спёр мою любимую золотую фибулу! – сказал Помпея.

– Ту, что я подарил тебе ко дню нашей свадьбы?

– Её!

– Сука! Эй, зовите Кретиния! Сейчас я ему покажу!

– А за неделю до фибулы пропали мои белила!

– Они всё равно из крокодильего дерьма!

Помпея подавилась вином.

– Ты знаешь, сколько белила стоят?! Они хоть и из дерьма, но любая римлянка душу за них продаст!

В триклиний вошел грузный человек. Он был до неприличия громадным и с длинными, но редкими и немытыми волосами. Толстяк источал неприятный запах пота вкупе с мочой.

– Как же от тебя воняет, Кретиний! Почему ты не моешься? Термы открыты для всех! Даже для таких, как ты!

Большой раб молчал и смотрел на Кайсара с безразличием.

– Молчишь. Помпея говорит, что ты снова попался на воровстве. Я тебя предупреждал, скотина!

Раб не реагировал, а продолжал смотреть на Кайсара, как баран.

– Мало того, что ты жрёшь барабульку за пятерых, воняешь как долбаная клоака летом, да ещё и воруеть! У кого воруеть?! У меня! У меня, скотина!

Кайсар вскочил на ноги и дал толстяку по морде.

Большой раб и бровями не повёл.

– Помпея, я не знаю что с ним делать! Он меня достал!

– Продай его к чертям собачьим!

– Кто его купит? Ты посмотри на него! И принюхайся!

У тебя насморк, что ли? И потом, он лучше других умеет сворачивать фазанам головы, а это, знаешь ли, большое ис-

кусство! Ты видела как он это делает? Это просто песня! Не поверишь, но те фазаны, с которыми поработал Кретиний, лучше прожариваются и вкуснее получаются!

– Ну, ты преувеличиваешь, дорогой.

– Нисколько! Боги даровали ему талант!

– Если всё оставить, как есть, то он со своим талантом вынесет из дома даже твои фамильные веночки! И пойдём мы с тобой по миру!

Кайсар вздохнул.

– Ты права, Помпея.

– Раз его не продать, нужно его куда-нибудь деть, но с выгодой! Не выбрасывать же его на Долиолуме!

– Да. Но куда выгодно деть?

– Ты хотел писать рекламацию на гарум.

– Я и теперь хочу. Но что с того?

– Напиши, что качество гарума настолько отвратительное, что даже рабы дохнут от его употребления.

– Точно! Пускай возместит его стоимость! Так! Зовите Фаллакуса и Терebinия! И пускай они притащат амфору с гарумом из последней партии!

Кайсар потёр ладони.

– Ох, Помпея, как мне с тобой повезло! Эта скотина заплатит мне за своё дерьмо!

Явились два здоровенных раба с амфорой. Один из них был ярким африканцем, а второй был рыжим и смахивал на германца.

– Хватайте Кретиния и валите его на пол!

Здоровяки замешкались, но Кайсар пнул одного из них ногой.

– Что, оглохли?

Рабы схватили толстяка, но повалить его оказалось делом не простым.

– Эй, Писец, помоги им! – крикнул мне Кайсар.

Я вскочил, запрыгнул на спину Кретиния и схватился за его необъятную шею своими руками.

Наконец, толстяк был повержен.

– Держите его! А ты, Писец, наливавай мне гарум из амфоры в кувшин.

Я вскрыл амфору и принялся выполнять приказ.

– Открой рот, скотина!

Кретиний рта не открывал.

– Я прикажу выпороть тебя, долбаный воришка! А потом Фаллакус с Теребинием вскроют твоё брюхо и нашпигуют тебя фазаньими крыльями! А потом они прожарят тебя...

– Гай, не так, – сказала Помпея, подошла к толстяку и склонилась над ним. – Говори, толстомордый, куда дел мои белила!

Кретиний с ужасом смотрел то на женщину, то на Кайсара.

Рабыни-негритянки стояли в дверях и прикрывали свои белозубые рты руками.

– Говори, где белила, жирная тварь! Говори! Говори! –

кричала Помпея.

– Я не брал! – вымолвил раб, наконец.

– Где белила, Кретиний? Где они? Куда ты их дел? – вопила обиженная женщина.

– Я не бра-а-ал! – закричал толстяк.

– Лей, Гай, лей! А ты – открой рот, если не брал!

Кретиний открыл рот, а Кайсар принялся вливать в глотку толстяка гарум.

Когда Кретиний начинал захлёбываться, Кайсар переставал лить соус, и в дело вступала Помпея.

– Где белила? Где они? Кретиний, говори!

Толстяк снова заявлял своим криком о невинности, а Кайсар опять лил соус в его глотку.

Таким образом в Кретиния было влито три с половиной кувшина гарума. Перестали наполнять толстяка лишь когда соус начал выливаться из толстяка.

– Их взяла Ангелия, – сказал Кретиний и испустил дух.

– Ангелия? Сучка! Где она? – крикнула Помпея и выбежала из триклиния.

Служанки-негротянки последовали за ней.

– Ну вот. Фаллакус, зови лекаря! А ты, Терebinий, сгоняй за судьёй Дредусом!

Рабы убежали выполнять приказ, а мы с Кайсаром выпили ещё вина.

Пришёл лекарь – пожилой уже человек, но с умными и добрыми глазами.

– Что случилось, Кайсар? Я думал, что ты при смерти, раз меня требуют посреди ночи! А ты...

– Не сердись, старина, – сказал Кайсар и дал лекарю пару звонких монет.

– Что это? – сказал старичок и кивнул на тело Кретиния.

– Этот раб подавился гарумом.

– Он мёртв?

– Конечно. Ты бы тоже отдал концы, если бы попробовал это дерьмо.

– По-моему, он не только попробовал, но и выпил не меньше половины амфоры. У него только из ушей гарум не льётся.

– Увлёкся, собака. Сейчас сюда явится судья Дредус – мне нужно заключение о том, что причиной его смерти стал этот соус.

– Зачем тебе, Кайсар? Это же раб. Спиши на внезапность и непредсказуемость, да и пёс с ним!

– Так нужно, – сказал Кайсар и дал лекарю ещё пару звонких монет.

– Ну, нужно – так нужно! Давай папирус и чернила. Перо ношу своё!

Старичок нацарапал что-то на папирусе и поставил свою печать.

– Ну, если я больше не нужен, то пойду. Спать хочу, Кайсар. В моём возрасте сон – это...

– Да, да, конечно, старина. Иди. Вот тебе ещё. Добрых

СНОВ!

Лекарь ушёл, а Кайсар с заботой скрутил папирус и положил на стол.

– Ну, где этот Дредус? Всю ночь его ждать? Всего лишь судья, а важности как у претора! Писец, неси ещё вина!

Я принёс вина, и мы с Кайсаром выпили.

Судья всё не приходил, но вернулась довольная Помпея.

– Что с белилами? Нашла? – спросил Кайсар.

– Нашла! Ангелия прятала их между ног! Дура! Думала, что меня так просто можно взять и обвести вокруг пальцев! Дура! Налей мне вина, Писец!

Я налил Помпее вина, а она выпила половину своего кубка за пару глотков.

– Хорошо! – сказала она.

– Что ни говори, а ноги у Ангелии красивые, – сказал Кайсар. – Таких стройных и длинных ног у патрицианок не бывает! Не растут! У них либо длинные, но кривые; либо стройные, но короткие. Я не понимаю, в чём дело.

– В таком случае, я позабочусь о том, чтобы у Ангелии ног больше не было!

– Помпея, ты как всегда...

Семейный спор прервал подошедший, наконец, судья. Он выглядел сонным, но весёлым.

– Дорогой Кайсар, рад тебя видеть!

– Приветствую тебя, Дредус! Как дома? Жена не болеет?

– Она умерла месяц назад.

– Я не знал, Дредус. Соболезную.

– Я говорила тебе, Гай, – сказала Помпея.

Кайсар махнул на неё рукой и дал судье свой кубок с вином.

– Отчего она умерла?

– Про такие болезни не говорят вслух, Кайсар, – сказал Дредус, засмутился и выпил вина.

Помпея ухмыльнулась.

– Да что ты! Изменяла?

– Да. Сука! Лекарь нашептал мне по секрету о её... Ну, ты понимаешь!

– А ты-то как? Здоров?

– Я к ней с того дня больше не прикасался.

– Повезло.

– И не говори. Но что у тебя за дело?

– Да вот, раб сдох.

– Я вижу. Это бывает, Кайсар. Но зачем тебе я? Это же раб! Зарой его за городом – и дело с концом. Оформи как смерть от переедания – смотри, какой жирный! Ух!

– Ты с ума сошёл! Да меня засмеют – мол, рабы у Кайсарадохнут от переедания! Я любые выборы проиграю!

– Ну тогда...

– Лекарь уже дал заключение, что причиной смерти стал некачественный гарум. Я хочу, чтобы ты вынес судебное решение в мою пользу. Хочу требовать компенсацию у производителя ядовитого соуса.

– Кайсар, ты мне друг, но побойся богов! Если бы от соуса помер какой-нибудь патриций, или, скажем, богатый плебей, или даже какой-нибудь задрот, но с римским гражданством, тогда – без вопросов. Но тут раб! Кайсар, я...

– Да какая разница? Это моё имущество! Я потерял своё имущество, Дредус!

– Но будет прецедент!

– Плевать! Зачем сейчас думать о том, что, может быть, когда-нибудь будет?!

– Кайсар, я не знаю...

– Зато я знаю, Дредус! И я поделюсь с тобой своим знанием, – сказал Кайсар и сунул в судейскую руку серебряные монеты.

– Как-то... не удобно... мне..., – сказал судья и покраснел.

– А так? – спросил Кайсар и сунул ещё монеты.

– Хорошо. Зайди ко мне завтра в магистрат – я подготовлю бумаги. Давай заключение лекаря!

Кайсар отдал судье лекарский папирус.

– А заодно запишешь на меня этого раба. Это мой Писец. Приобрёл его у Красса.

– Зачем тебе Писец, Кайсар?

– За тем, что я собираюсь поступить на ответственную должность.

– Наконец-то! Понял, наконец, что на крыльях состояние себе не сделаешь?

– Как знать, Дредус! Как знать!

– А тут и знать нечего! Твой Красс не стал бы магнатом, если бы не занимал ответственных должностей! На одних только проскрипциях три виллы и шесть ферм нажил!

– Красс скоро вернётся в Рим, так что ты язык-то прикуси! А то у него четвёртая вилла появится!

– Ты прав, Кайсар. Что-то я разболтался. Приболел, наверное. Пойду полежу! До завтра!

Дредус кивнул Помпее и ушёл.

– Ну вот, Помпея! Я затребую такую компенсацию, что этот засранец разорится! А Кретиний войдёт в историю как «золотой раб». Зато теперь будут знать, суки, как делать дерьмовый гарум!

13

Меня подселили в комнату к Фаллакусу с Теребинием.

В нашей комнате стояло два лежачка с матрацами, которые были набиты соломой, мелкий стол и горшок.

– Будешь спать на полу, – сказал рыжий Теребиний. – Завтра получишь матрац – набьёшь его соломой. На наш горшок не ходи – тут за углом – публичный сортир.

Я не стал спорить с рослыми соседями и лёг на пол, а парни заняли свои лежанки и затушили свечу.

– Кайсар – добрый хозяин, – сказал Фаллакус.

– И справедливый! – добавил Теребиний.

– Да. И справедливый. Он обещал дать нам свободу, если будем хорошо служить ему.

– Да, винт... винтигацию обещал нам устроить!

– Виндисакцию, дурень!

– Может, и тебя отпустит. Ты делай, что тебе говорят, и главное – не спорь и не переспрашивай.

– Да. Они этого не любят. Особенно Помпея.

– Да. Однажды она приказала зажарить в домашнем очаге одного испанского перца за то, что он замешкался и захотел спросить разрешения у Кайсара показать ей своего крепыша. Да и крепыш-то был, как выяснилось, – так себе... Потому, видать, и разрешение спрашивал – боялся расстроить хозяйку.

– Да. А я тогда устал дрова таскать – хреново горел, сука!

Потом вонь в доме неделю стояла!

– А что вы ещё делаете, кроме как занимаетесь очагом? – спросил я.

– Да всё подряд! На стройке работаем – кирпичи таскаем.

– Кайсар дом решил переделать.

– Да. На рынок ходим за харчами. Хозяйку в паланкине таскаем – она по Риму сама не ходит. В термополиях хозяйских помогаем – фазанов душим, ошипываем.

– Рабов порем, если борзеть начинают.

– Да. Завтра, похоже, Ангелию пороть будем! Доигралась, дура!

– Да. Помпея ей белила не простит.

– Не простит! Запорем до смерти!

– Жаль. Ноги у Ангелии красивые. Жопа большая, а сись-

ки – уж больно мелкие! Как фиги!

– А по мне так в самый раз!

– Да тебе всё равно, что жопа, что сиськи! Кидаешься на всё живое без разбора! Негритоски уже не знают, куда от тебя прятаться!

– Ха! От меня не спрячешься! – сказал тёмный Фаллакус. – А ты напрасно брезгуешь, Терebinий! Они сочнее многих!

– Кого?

– Хозяйки, например.

– Помпея – ненасытная сучка! Не даёт расслабиться!

– Да! Я, бывает, по два дня за негритосками не гоняюсь после прогулки с ней.

Я почувствовал удар по лицу и открыл глаза.

– Это обсуждается только в этой комнате! Понял, Пи-сец? – сказал Терebinий.

Я ответил, что всё понимаю, и беспокоиться не о чем.

– Если узнаю, что болтаешь – отрежу тебе язык и засуну в твой же зад! А Кайсару скажу, что ты его сам себе откусил!

– Ага! В порыве страсти! Твоему задку мы найдём применение!

– Тьфу! Опять ты, Фаллакус! Я не буду в этом участвовать!

– Привередливый ты, Терebinий!

В тот момент я, наконец, понял, что если мои соседи исчезнут навсегда, то я вряд ли пожалею об этом.

Утром я пришёл к Кайсару и попросил поселить меня всё равно куда, лишь бы не с крепкими приятелями-мордоворотами.

– Да я и сам думал об этом. Всё-таки Писец должен мыслить не только фаллосом, – сказал Кайсар. – Твою голову будем беречь. Я избавлю тебя от этого общества.

Кайсар позволил мне переселиться на чердак.

Фаллакусу с Теребинием моё переселение не понравилось.

– Брезгуешь нашим обществом? – спросил меня Фаллакус на завтраке, когда я чистил себе единственное фазанье яйцо.

– Думаешь, если ты Писец, то умнее нас? – добавил рыжий Теребиний.

– Ты ещё пожалеешь об этом! – пообещал Фаллакус.

Теребиний ударил меня жареной барабулькой по лицу.

В тот день Теребиний с Фаллакусом всё-таки заporоли Ангелию до смерти.

Прошла неделя или две.

Я со старанием писал для Кайсара письма, отправлял его распоряжения в термополии, с особенной тщательностью проверял финансовые отчёты, с выражением читал ему статьи Кикеро, и нареканий по службе не имел.

Я даже стал надеяться на виндикацию, хотя Кайсар даже не заикался о моём освобождении. Но я верил в то, что боги помогут мне обрести свободу.

Кайсар получил компенсацию за смерть Кретиния и ре-

шил отметить это важное для него событие.

Я прочитал, по его приказу, решение суда Помпее.

– Вот, Помпея, я разорил его, как и обещал! Не корысти ради, но в назидание другим! Теперь поедem в Африку налаживать деловые контакты! А сегодня будем гулять! Я пригласил Дредуса и Квинтлина в попин! Напьюсь! Ох, напьюсь! Ты не против, если я оставлю тебя вечером, дорогая?

– Не против. Ты молодец, Гай. И напейся! Не каждый день бывает таким удачным! И не забудь купить мне подарок!

– А что ты хочешь в подарок?

– Нового раба. Взамен Кретиния.

– Ну... Помпея, это дорогой подарок. Мы ещё не вышли в ноль, да и на должность я ещё не поступил. А новый раб – это ещё один рот. А рты у рабов, порой, больше хозяйских!

– Не только рты. А, по-твоему, я не заслуживаю дорогого подарка?

– Я не то...

– А барабулек на откорм ещё одного раба, полагаю, у нас хватит!

– Помпея, наступит день и я подарю тебе десяток рабов на любой вкус! Дай мне немного времени!

– Хорошо, Гай! Но тогда подари золотую фибулу!

– Отличный выбор, дорогая! Завтра же пошлю за ней!

Кайсар ушёл отмечать с друзьями выигранное дело, а меня позвали к Помпее.

Хозяйка сидела в полупрозрачной шёлковой тунике в сво-

ей спальне, а на её лице блестели дорогие белила из крокодильего дерьма.

– Тебе нравится у нас, Писец? – спросила Помпея.

– Да, госпожа. Так хорошо мне не было нигде и никогда! – сказал я.

– Кому ты принадлежал раньше?

– Крассу.

– Красс – жестокий рабовладелец. У него не забалуешь!

– Ты права, госпожа! Впрочем, как всегда! – ответил я с солдатской чёткостью и искренностью.

– Не подмазывайся, красавчик! Лучше покажи мне своего крепыша!

Я тут же вспомнил рассказ добрых парней о зажаренном в очаге испанском перце и без лишних слов выполнил приказ хозяйки.

– Ну что ж, недурно, – сказала Помпея.

Помпея встала, скинула с себя тунику и подошла ко мне.

Мне пришлось ей отдаться.

– Иди! – сказала мне Помпея под утро. – Кайсар знать не должен!

Я вернулся на свой чердак и уснул, потому что силы мои были на исходе.

Проснулся я лишь к обеду и испугался, что меня накажут за длительное отсутствие – спать рабам днём запрещалось. Но обо мне, к счастью, не вспоминали.

Кайсар уже вернулся с ночной гулянки, лежал в трикли-

нии на своём диванчике и пил вино.

– А это ты, Писец... Где ты был?

– Я... Я...

– Научись ясно докладывать. Что ты мычишь?

Кайсар махнул на меня своей рукой и зевнул.

– Из термополий отчёты приходили?

– Нет ещё.

– Как придут – сразу ко мне! Нет. Пожалуй, отложим до вечера.

Кайсар снова зевнул.

– Налей себе вина, Писец!

Я выполнил распоряжение хозяина и сел за свой столик в углу.

– Дредус рассказал мне, что в Этрурии можно купить карлика. Видел когда-нибудь карликов?

Я ответил, что видел.

Я тогда вспомнил, что Крикс говорил о рабовладельце из Этрурии, который поставил производство карликов на поток.

– Вот, думаю, приобрести на потеху. Чёрные рабы у меня есть, мордороты есть, даже грамотный Писец есть, а карлика нет. Да и Помпею побаловать хочется. Вместо фибулы ей подарю. Этих фибул уже полный дом! Карлики же не много едят? Как думаешь?

– Думаю, что прокормить карлика проще, чем Терebinия с Фаллакусом.

– Ха-ха! С этим не поспоришь! Кстати, где эти бездельники? А ну-ка позови-ка их сюда!

Я нашёл добрых парней во дворе – они играли в кости и с неохотой пошли в триклиний к Кайсару.

– Где вы болтаетесь? Опять в кости играли? Я вчера вам что приказал?

– Наказать раба, – ответил Фаллакус.

– Вы наказали?

– Да, хозяин.

– Да? А его сегодня видел, когда возвращался домой. И выглядел он ненаказанным! Совсем уже оборзели!

– Ну... Мы вырвали у него зуб и выпороли – всё как обычно. Он просто крепче остальных, видать!

– Если крепче, то и наказание должно быть соответствующим! Это же понятно! Расслабились? Не видать вам виндикации, как своих ушей! Нет! Пожалуй, я продам вас! За таких мордатых можно неплохие деньги выручить! Куплю, вон, себе карликов! Они едят меньше! Видели карликов?

Фаллакус и Теревений помотали своими большими головами.

– Они маленькие, но проворные. А вы – мало того, что тупые, так ещё и бездельники! Сегодня же выпорете друг друга при Помпее – она такое любит! Да ещё сама поддаст вам! Кстати, где она?

– Отдыхает, – сказал Теревиний.

– С чего бы это? Уже скоро ужинать!

– Это нужно у Писца спросить, – сказал Фаллакус.

– У Писца? Почему у него?

Мордовороты со злорадством смотрели на меня.

– Кайсар, мы можем остаться одни? – спросил я.

– Пошли вон! – сказал Кайсар мордатым рабам.

Они выбежали из триклиния, а я остался.

– Я... Я ... Не знаю как сказать...

– Что? Она позвала тебя к себе? Говори!

– Да. Но я не хотел! Кайсар, поверь!

Кайсар разозлился, а я испугался за свою жизнь.

– Так! Эй, позовите Помпею!

Негритянка с огромной грудью помчалась выполнять приказ.

Прошёл час. Помпея пришла в триклиний и легла на диванчик рядом с супругом.

– Будем ужинать, дорогой? – спросила она.

– Будем, но не сейчас.

– Ты чем-то расстроен, Гай?

– Да. Я недоволен, Помпея!

– Чем же, Гай?

– У нас с тобой есть договор! Твои рабы – это твои рабы, и ты можешь делать с ними всё, что пожелаешь! Но мои рабы – это мои рабы! А пользоваться моими вещами я тебе не разрешал!

– О чём ты?

– О Писце!

– А что с ним? – спросила Помпея.

– Не придуривайся! Я знаю, что ты вызывала его к себе, пока меня не было!

– Это он тебе сказал?

Помпея бросила на меня взгляд полный ненависти, и я уже начал представлять себя на вертеле, который крутят веселящиеся Фаллакус и Терebinий.

– Какая разница, кто сказал? О твоей похоти и так ходят слухи по всему Риму!

– Но я не изменяю тебе!

– Я знаю о твоей слабости, и я не против, когда ты используешь своих рабов, но теперь ты пользуешься моими! Так и до измены не далеко! Помпея, ты же знаешь – я хочу получить значительную государственную должность! Это нужно для нашего дела! Без этого мы не сможем завоевать мир своими крыльями! Мы не сможем зарабатывать деньги, а значит, до конца дней останемся в Субуре в этом клоповнике! Если станет известно, что мне изменяет жена, то можно будет поставить крест на моей карьере – за рогатых не голосуют!

Пламенная речь Кайсара тронула Помпею до глубины её женской души. Она подсела на его диванчик.

– Ну прости, Гай! Обещаю, что не буду брать твоих рабов!

Заботливая супруга поцеловала Кайсара в щёку, и он успокоился.

– Помпея, фазаньи крылья – дело моей жизни. Я хочу,

чтобы их ели в Риме, в Галлии, в Азии, в Африке, даже в Британии, чёрт бы её побрал! Видят боги, я не перед чем не остановлюсь, чтобы добиться своего!

– Я верю тебе, дорогой!

– Ты со мной?

– Конечно, Гай. Только купи мне ещё раба! Хотя бы одного... Ну, пожалуйста...

Кайсар повеселел.

– О! Помпея! Говорят, в Этрурии продают карликов. Хочу взять одного.

Помпея захлопала в ладоши.

– Гай, подари его мне!

– Хорошо, мы с Писцом завтра же отправимся в путь!

Помпея поцеловала Кайсара ещё раз.

– Ну, а теперь можно и поужинать! Эй, несите крылья и вино! – сказал Кайсар.

14

Утром мы с Кайсаром отправились в Этрурию за карликом для Помпеи.

Лишь к вечеру мы прибыли к огромной вилле. Она стояла на большом холме и выглядела как крепость.

У ворот нас встретил карлик. Он был вполовину роста Марцеллуса, но с большой головой и выразительными глазами. Эти выразительные глаза ничего, кроме ненависти, не выражали.

– Вы к господину Карлинию? – спросил он.

– Если он – хозяин, то к нему, – сказал Кайсар.

– Как вас представить?

– Кайсар из Рима. Это – Писец.

– Какова цель вашего визита?

Кайсар спрыгнул с лошади, подошёл к маленькому человеку и сел на корточки.

– Хочу купить такого, как ты, – сказал он.

Карлик был невозмутимым.

– Ждите! – сказал он и скрылся в маленьком лазу, который был проделан в углу ворот.

Я слез с лошади и подошёл к Кайсару.

– Этот Карлиний, похоже, не простой работоровец, – сказал он.

Ворота отворились.

– Проходите в дом! Лошадей я отведу в конюшню! – сказал Карлик, а мы направились к дому.

– Суки! – послышалось за нашими спинами.

Мы с Кайсаром обернулись, но следы карлика и лошадей уже остыли.

Зато мы заметили клетку со взрослым медведем необъятных размеров. Зверёк был чем-то занят и на нас внимания не обращал.

У входа в дом стоял огромный негр, а на поясе у него висел гладиус.

– Поднимите руки! – сказал он.

– Ты что, раб? Ты знаешь кто я, скотина? – спросил Кай-

сар.

Негр достал гладиус из ножен.

– Если не поднимите руки, я отсеку вам головы, и ваши тела никогда не найдут! – сказал он и показал на клетку с медведем.

– Ладно. Сейчас я этому Карлинию устрою! – сказал Кайсар.

Мы подняли руки, а негр нас обыскал и отнял у Кайсара нож, а у меня перо.

– Получите на выходе! – сказал он.

Дом был обставлен с размахом – золотые вазы, подсвечники, посуда украшали атриум. Каменные стены были раскрашены фресками, которые изображали животных, маленьких людей и большие деревья.

К нам вышел хозяин дома.

– Простите за обыск, но мы здесь живём уединённо и предосторожность нам не помешает, – сказал он. – Время беспокойное – даже рабы озверели и размечтались о свободе!

Хозяин был невысокого роста, седой, с азиатскими чертами лица и смуглой кожей. Носил он дорогую пурпурную тогу из самой лучшей ткани.

– Меня зовут Карлиний. А вы кто?

– Я – Кайсар. Это – Писец, мой раб.

– Раб?

Старик дал мне по морде.

Кайсар схватил Карлиния за руку.

– что ты делаешь? Это мой раб! Мой!

Карлиний одёрнул кайсарскую руку.

– Извини Кайсар, но им нужно почаще напоминать кто они и зачем существуют на свете! Иначе они перережут нам глотки! Не знаю, как тебе, но мне моя дорога!

– Ты в этой глуши совсем одичал! Держи себя в руках! Иначе я...

– Что ты? Что ты можешь? Не я у тебя в гостях, а ты у меня! А у меня свои правила! Будь так любезен соблюдать их! Я сделаю тебе скидку за неудобства. Ты ведь за карликом приехал?

– Да, но...

– Поговорим о деле за ужином. Это тоже моё правило. Эй, мелкие твари, накрывайте на стол!

Откуда ни возьмись появилось не менее дюжины карликов – и мужчин, и женщин – они принялись суетиться и шнырять по дому.

– Откуда их столько у тебя? – спросил Кайсар.

– Я их сам делаю. У меня тут мануфактура, если можно так сказать. Пойдём – покажу! Раба можешь оставить – здесь с ним ничего не случится.

– Уважаемый Карлиний, я хочу, чтобы мой раб сопровождал меня, – сказал Кайсар.

Карлиний провел нас во двор.

Мы подошли к большому каменному зданию с небольшо-

ми окнами. Старик ключом отпер дверь и пригласил войти.
– Входи – не бойся, Кайсар. Здесь они у меня доходят до кондиции.

Карлиний зажѐг масляные светильники.

На полках в два яруса стояли бочки, но из каждой торчала обритая детская голова. Головы с испугом смотрели на нас и молчали. Их было не менее трёх десятков.

– Вот. Каких-нибудь двенадцать лет и из обычного щенка, полученного от плодовой рабыни, я выращиваю отличного карлика! Если можно так выразиться... Размер бочки я подбирал целых два года. Этот оказался оптимальным. Их хорошо кормят – в рационе овощи, хлеб, и даже мясо бывает. В бочках есть отверстия для отправления нужды и помывки. Сегодня не выносили дерьмо, что ли? Аблиний, почему так воняет?

Из темноты показался пожилой карлик.

– Я убирал сегодня три раза!

– Врёшь, собака! Позоришь меня перед моими гостями, тварь! – крикнул старик и пнул карлика ногой в плечо.

Маленький человек отлетел и ударился головой об одну из бочек.

– Завтра же вычистишь здесь всё до блеска! Чтобы ни пылинки не было! Проверю! Если найду – будешь репетировать с медведем!

Карлик вскочил на ноги и скрылся в темноте.

– Давно бы его прикончил, да дорог мне как память! Это

же мой первенец, если можно так выразиться...

– Первенец, – повторил Кайсар в задумчивости.

– Да.

– Пойдём отсюда! – сказал Кайсар.

Мы вышли из здания.

– Зайдём сюда, Кайсар!

– Нет, Карлиний, я...

– Я настаиваю! Да и ужин ещё не готов!

Старик завёл нас в другой каменный сарай. Лампы в нём были зажжены, а на кроватях в два ряда лежали молодые женщины с большими животами и печальными лицами.

С женщинами в комнате находилась деловая карлица с седыми, но длинными волосами.

– Как дела?

– Отлично, господин! У этой будет двойня! – сказала карлица и показала на одну из женщин.

– Здесь они появляются на свет. Сами карлики рожать не могут – мрут, собаки, – слишком большой для них плод, видите ли. Приходится закупать молодых и плодовитых рабынь время от времени. Их осеменяют взрослые карлики, а они рожают каждый год! Правда, тожедохнут, несмотря на стерильность. Рекордсменкой была... Как её?

– Фелиция.

– Да, Фелиция. Аж пятнадцать лет подряд давала отличный приплод! Но и её в прошлом году боги забрали к себе. До сих пор скорблю.

– Продай нам скорее какого-нибудь Карлика, и мы поедем, – сказал Кайсар.

– Кайсар, я не отпущу тебя, пока мы не поужинаем. Я же говорил, что дела обсуждаю только за едой. Это правило! Понимаешь?

Спорить со стариком было делом безнадёжным и опасным, поэтому Кайсар позволил ему провести нас в триклиний. В нём, так же как и в атриуме, всё было позолоченным, даже лежанки и огромный стол.

На столе были расставлены серебряные блюда с изысканной едой. Там было мясо разных сортов, рыба, овощи, пироги и фрукты.

– Вот и славно. А твоему рабу я приказал дать каши.

Мне принесли деревянную тарелку с кашей, выдали деревянную ложку и усадили на пол у входа.

Карлиний предложил Кайсару занять одну из лежанок, и они оба легли.

– Вино палермское, устрицы из Брундизия, голуби местные. Мясо трёх степеней прожарки. Ты какое любишь? С кровью?

– Да.

К Кайсару подлетела молодая карлица с красивым лицом и положила в его тарелку мясо с кровью. Потом она налила вина в два больших кубка.

– Пускай Писцу тоже нальют вина, – сказал Кайсар.

Старик не стал спорить.

– Ты ешь, Кайсар! Мясо у меня отменное, – сказал Карлиний, когда выпили за Кайсара.

– Благодарю. Я смотрю, твоё дело приносит немалый доход.

– Да, карлики разлетаются, как горячие пирожки! Пока карликами можно удивлять публику, я буду снимать жирные сливки. Они стоят в разы дороже обычного раба, даже самого здорового и сильного.

– Ты обещал мне скидку.

Старик рассмеялся.

– Да. Я помню, Кайсар. Я слов на ветер не бросаю!

– Вижу, к делу ты подошёл серьёзно, Карлиний.

– А иначе – никак. Такое дело требует дисциплины и самоотречения. Зато я единственный, кто наладил такое производство в республике. А может, и во всём мире.

– Да. В изобретательности тебе можно позавидовать. А зачем медведь в клетке?

– Хочу сделать номер для местного театра. Представь, что медведь танцует с карликом под музыку, а потом берет его в лапы и качает, как младенца! Как тебе идея?

– Что-то в ней есть. Это несомненно.

– Да, но медведь всё время губит мой номер! Собака!

– А что такое?

– Танцует он отменно, а вот когда дело доходит до качания младенца, он откусывает карлику голову. И ничего с этим не сделаешь! Уже двоих мне загубил! Но я всё равно своего

добьюсь! Я всегда добиваюсь – такое у меня правило! Кстати, Кайсар, если ты согласишься переночевать у меня, то на завтра намечена репетиция. Сам посмотришь! Поверь, оно стоит того!

– Спасибо, Карлиний, но я лучше поеду домой. Меня ждёт жена и...

– Брось, Кайсар! Какая жена? Я тебе подгоню маленьких женщин! У меня есть на любой вкус! Они умеют абсолютно всё! Это бесплатно – от чистого сердца! Ты сегодня мой гость!

– Не нужно, Карлиний, я...

– Тина, пускай придут мои красавицы! – крикнул старик служанке.

– Карлиний, я благодарю, но не нужно!

– Выпей ещё вина, Кайсар! И не спорь – я этого не люблю! Ты мой гость – и баста!

В триклиний вбежали пять карлиц и стали в ряд.

– Смотри, какие красавицы! Одна лучше другой! Выбери, Кайсар!

– Я не хочу.

– Ты хочешь меня обидеть! Ты мало выпил! А ну-ка скидывайте свои тряпки!

Женщины сняли туники.

– Карлиний, я прошу тебя – убери их!

– Ладно. Пошли вон, мелкие твари! Какого карлика тебе нужно? – спросил Карлиний.

– Да не мне. Это для жены.

– Для жены? Она будет кататься с ним в паланкине и показывать подругам?

– Нет. Она будет... Она будет...

– Я понял. Я дам тебе самого выносливого. Эй, приведите Гира! Этот не подкачает, – сказал Карлиний.

Пришел молодой, но уже уставший от жизни карлик.

– Беру! – сказал Кайсар. Но отчего на столе нет фазанов? Ты их не жаришь?

– А на кой жарить фазанов, если есть голуби? Обожаю голубей! Особенно почтовых! Такое нежное мясо! А эти пёстрые фазаны – дерьмо для плебеев!

– Мне кажется, ты заблуждаешься, Карлиний, насчёт фазанов. За ними будущее! Может, ты не пробовал жаренных в гаруме фазаньих крыльев?

– Я не пробовал фазанов?! Кайсар, я ел даже медведей! И этого, если не одумается, тоже съем! Лучше я буду питаться медведями, чем фазанами!

– Полагаю, тебе лучше взять свои слова обратно, Карлиний! – сказал Кайсар.

Язык у Кайсара заплетался.

– Ты о чём? Тебе не понравилось про медведей? – спросил Карлиний.

– Мне не понравилось про фазанов!

– Что за херь?!

Кайсар встал.

– Бери слова обратно или пожалеешь!

Карлиний вскочил.

– Это ты мне?! Эй...!

Мы скрутили старика и связали ему руки, но в триклиний убежал огромный негр с гладиусом, который обыскивал нас у входа.

Большой и верный слуга рванул к нам, чтобы сбросить нас с хозяйского тела, но я вскочил, схватил со стола медный кувшин с вином и запустил его в разъярённого раба. Он выронил свой гладиус, но устоял на ногах и схватил меня за горло.

– Кайсар! – захрипел я.

– Писец! – крикнул Кайсар.

Он схватил с пола гладиус и ударил им раба по голове.

Но, как ни странно, негр не потерял сознания. Он оттолкнул Кайсара ногой и продолжал меня душить.

– Отпусти его, милый, – сказал ангельский голос откуда-то с небес.

Я почувствовал, что хватка ослабла.

Очнулся я уже на полу. У стены сидел Кайсар с закрытыми глазами – он потерял сознание от удара головой о фреску, на который был изображён улыбающийся гладиатор с карликом на руках.

Потом я увидел карлицу, которая стояла рядом с негром и была ему по пояс.

Великан поднял маленькую женщину – было похоже, что

заботливый чернокожий отец держит белого ребёнка на руках. Карлица приложила свою крохотную ладошку к трещине на негритянском черепе.

– Нам нужно бежать! Сейчас или никогда! – сказала женщина.

– Бегите! – сказал очнувшийся Кайсар. – Да поскорее! А со стариком мы поквитаемся! Фазаны ему, видите ли, не нравятся...

Негр унёс свою маленькую женщину, а мы с Кайсаром выпили вина, чтобы вернуться в хорошую форму.

– Что думаешь, Писец?

– Думаю, что надо кончать с ним!

Я тогда вспомнил слова Крикса и захотел выполнить его клятву.

– Подарим его медведю! – предложил я.

– Отличная идея! Устроим этому театралу спектакль!

Мы потащили Карлиния к клетке с медведем.

У клетки уже собрались карлики с факелами. Они с тревогой наблюдали за нами и перешёптывались между собой. Отбивать у нас своего доброго хозяина они не решались.

Медведь проснулся и с недоумением глядел в нашу сторону.

Кайсар обратился к собравшимся людям.

– Этот человек любит театр и медведей! И не любит фазанов! А ещё он считает вас мерзкими тварями! Но вы, хоть и рождены рабами, но имеете право сохранять своё тело та-

ким, каким оно даровано вам богами! И никто из смертных не в праве нарушить этот закон таким изуверским способом! Ибо этот закон утверждён самим Юпитером! Мы действуем от его имени! Карлиний нарушил закон!

– Что ты несёшь, болван?! – ворчал Карлиний. – Какой Юпитер?! Какой закон?!

– Заткнись! – сказал Кайсар. – Вершится правосудие!

– Завтра ты протрезвеешь и пожалеешь о своей выходке! Знаешь, что с тобой сделают? Тебя разделают на части и скормят медведю! Эй, мои верные слуги! Не слушайте его! Хватайте! Я разрешаю вам сделать с ним всё, что хотите! И дам вам по десять денариев серебром в придачу!

Когда карлики услышали про денарии, то на шаг приблизились к нам, а некоторые достали ножи.

– Я обещаю вам свободу! – крикнул Кайсар. – И римское гражданство!

Карлиний засмеялся.

– Зачем им твоя свобода, римский дурачок?

– И по таланту серебра! – крикнул Кайсар.

Толпа с одобрением загудела.

– Ха! Откуда у тебя столько серебра?! Ты даже одного карлика купить не можешь – скидку требуешь! Не верьте ему! Он вас обведёт вокруг пальцев! – кричал старик. – Хватайте его, или я прикажу Чёрной Заднице просушить вас на деревьях! Эй, Чёрная Задница, где ты?

– Я здесь!

Мы увидели, что рослый негр с перевязанной головой вёл лошадь, на которой сидела его маленькая возлюбленная.

– Нашёл время для конных прогулок! Хватай этих мелких тварей и развешивай на деревьях! Не видишь, что ли, – у нас бунт!

– Я ухожу, Карлиний! – сказал чёрный слуга.

– Как ты можешь уйти, если ты раб? Ты – мой самый верный и любимый раб!

– Мне не нравится, что ты называешь меня Чёрной Задницей! Моё имя – Абнуделлакхавр!

– Совсем с ума посходили?! Расслабились! Я вам устрою, мрази! Чего вылупились, мелкие уродцы?! Я вас укорочу ещё вдвое! А тебя продам на галеры! Там чёрных любят! Ублюдки! Уроды! Ох, разозлили вы меня сегодня! – вопил Карлиний и захлёбывался своей же слюной.

А жирную точку в этом деле поставил Абнуделлакхавр – он оказался решительнее всех карликов, да и нас с Кайсаром. Негр без слов подошёл к клетке, открыл её, развязал Карлиния, поднял его и швырнул к медведю. Потом он закрыл клетку и сплюнул в сторону.

– Теперь можно повеселиться по-настоящему, дорогая, – сказал Абнуделлакхавр своей маленькой женщине.

Она ответила ему улыбкой.

– Открой! Открой! Абну! Хавр! Я разрешу тебе жениться на этой уродице! – кричал Карлиний. – И отпущу на волю!

Но Абнуделлакхавр делал вид, что не слышит воплей сво-

его хозяина.

Медведь такого сценария, видимо, не разучивал, поэтому смотрел на нас и, казалось, ожидал подсказок.

– Ему нужна музыка, – сказал Абнуделлакхавр. – Где музыканты?

– Мы здесь! – сказали хором трое карликов и вышли из толпы.

– Инструменты при вас?

– Они всегда с нами. Ты же знаешь, что Карлиний запретил нам выпускать их из рук!

– Я запрещаю! – орал Карлиний.

– Тогда играйте! – скомандовал Абнуделлакхавр.

Двое карликов задудели, а третий музицировал бубном.

Мелодия была на редкость весёлой, и все карлики начали пританцовывать.

Кайсар лишь хлопал в ладоши, чтобы помочь музыкантам не сбиться с ритма.

Медведь воспринял музыку как сигнал к началу спектакля, встал на задние лапы и принялся двигаться в такт музыки.

– А-а-а! – кричал Карлиний.

Но его крики лишь подзадоривали толпу.

– А ты чего не танцуешь? – спросил Кайсар старика. – Смотри, как весело! Танцуй! Не нужно срывать нам спектакль!

Но Карлинию отчего-то не танцевалось.

– Суки! Твари! Не забуду! Не прощу! – твердил он.

– Покачай малыша! – сказал Абнуделлакхавр медведю и стукнул по клетке палкой.

Мишель услышал знакомую команду и начал танцевать в сторону Карлиния.

– Открой! Хавр! Чёрная Задница! Открой! – завопил Карлиний и забился в угол клетки.

Любимый слуга не выполнил приказа своего хозяина, и Карлиний расплакался.

Медведь не стал ломать комедию и, наконец, обхватил Карлиния своими огромными лапами, поднял и откусил ему голову.

Зверь сорвал зрительские аплодисменты.

– Всем вина! – крикнул Кайсар.

Абнуделлакхавр не стал праздновать победу и уехал со своей маленькой возлюбленной.

Беременных женщин отцепили от кроватей, и тоже налили им вина.

Кайсар пообещал дать карликам свободу, после того, как оформит права собственности на виллу и всё живое имущество.

Гулять закончили под утро.

Мы не стали отсыпаться после бессонной ночи, потому что Кайсар спешил в Рим, чтобы добиться выступления в Сенате. Он рассчитывал на обширные деловые связи своего друга – судьи Дредуса.

В Риме, с помощью своего приятеля Кикеро, Кайсар сочинил речь, с которой и выступил перед сенаторами через пару дней.

Он рассказал о Карлинии и его опытах над рабами и предложил «узаконить запрет на использование новых технологий для изменения внешнего вида и внутреннего устройства рабов, чтобы не провоцировать последних к массовым выступлениям против государственного строя».

Речь Кайсара так потрясла и растрогала сенаторов, что они тут же приняли новый закон и посмертно применили к Карлинию проскрипционные статьи, а Кайсару позволили унаследовать имущество «врага римского народа и республики» за заслуги перед Отечеством.

Он выполнил обещание и отпустил рабов Карлиния. За это каждый из них обязался выплачивать ему по три денария в год.

А ещё через неделю Кайсар получил должность квестора в Дальней Испании. Меня, как Писца, он забрал с собой.

15

В Дальнюю Испанию мы прибыли без приключений. Ветер без усталости надувал наши паруса, поэтому путь от Рима занял не более трёх дней.

Кайсару, как римскому квестору, выделили большой дом, а он поселил меня в комнате с видом на море.

Государственному чиновнику полагались служебные рабы. Кайсар взял себе дюжину слуг из сотни предложенных

на выбор.

Я, как обычно, составлял документы, проверял отчёты, читал Кайсару сочинения историков и греческих философов. Не читал я лишь писем супруги Кайсара Помпеи, да и ответные послания он писал ей сам.

Меня не наказывали, я спал до полудня, а вечером ходил с Кайсаром купаться в тёплом море.

А ещё я каждый день ел фазанов. Кайсар воспользовался своим служебным положением и открыл термополию, где подавали его жареные крылышки. Они пользовались успехом у местного испанского населения и заезжих торговцев.

В один из душных испанских вечеров Кайсар где-то кутил и вернулся позднее обычного.

– А ну-ка налей мне вина! Испанского. Оно мне нравится даже больше палермского!

Я налил Кайсару вина в его любимый кубок.

– Ну и себе налей!

Я налил и себе в кубок более простой, но не менее большой. Я не хотел изменять любимому палермскому, но и расстраивать Кайсара причины не было.

Кайсар сел в любимое кресло и сделал глоток.

– Я сегодня познакомился с одним чудным испанцем. Мы с ним выпили амфору вина. Он – интересный собеседник, начитан... У него тоже своё дело – нам было о чём поговорить...

Я не понимал к чему он мне это рассказывает, но слушал

и кивал своей головой.

– Он живёт в Новом Карфагене...

Я ждал развязки и пил вино.

– Знаешь, Новый Карфаген – отличный город! Я бывал там в юности. Там отличный театр! И женщины красивые.

– Я заметил, что испанские женщины отличаются от итальянских.

– Да? Ты очень внимателен, Писец. Налей мне ещё! Напьюсь сегодня – завтра не пойду на службу! Надо бы в Рим возвращаться. Иначе можно всю жизнь в этой дыре просидеть!

– Это не самая мрачная дыра.

– Да. Но зачем мне дыры, если есть Рим? Я вернусь в Рим, Писец.

– Отличная идея, господин.

– Но я вернусь один. Без тебя. Я проиграл тебя в кости, Писец. У него своя гладиаторская школа. Похоже, плебей он зажиточный.

– Но почему? Что я делаю не так, Кайсар?

– Ты хороший раб, Писец. И дело не в тебе! Я не хочу расставаться с тобой, но...

– А в чём же дело?

– В Помпее, Писец. В Помпее. Целый год она в каждом письме требует, чтобы я или продал тебя, или убил. Убил, Писец. Видимо, насолил ты ей от души. Угрожает, что выйдет из нашего дела, а самое главное – выведет свои деньги!

И тогда накроются «Жаренные крылышки Кайсара» медным тазом! Видят боги, я долго сопротивлялся, но деньги её папаша пока ещё держат меня и моих фазанов на плаву. Эх! Когда-нибудь настанет день, когда я смогу плевать на их сраные денарии! А может, и на них самих наплюю! Но не сегодня. А сегодня я решил, что пускай боги помогут мне: если проиграю в кости, то так тому и быть – пойду на уступки... Я проиграл, Писец. Я проиграл.

На следующий день к Кайсару пришёл мой новый господин. На вид ему было не более сорока, при этом он был невысокого роста, но с бегающими глазами.

– Ну, Кайсар, где мой выигрыш?

– Садись за стол, Триксий. Сначала я угощу тебя моими крылышками.

– Спасибо, Кайсар. Фазаньи?

– Да. И они покорят этот мир!

Триксий сел за стол, а рабы принесли гостю тарелку и кубок.

– А я искал тебя в магистрате. Мне сказали, что ты приболел.

– Да. Я не пошёл на службу. Вчера перебрали с тобой, пожалуй. Церес был лишним. Он хоть и галлийский, но с вином его лучше не замешивать.

– А я всегда так делаю. Привычка.

– Я решил вернуться в Рим, Триксий.

– Зачем? Совсем не обязательно после вина пить галлий-

ский церес.

– Скучно мне здесь. Чувствую, что квесторский жезл маловат для меня. Хочется великих дел! Да и по жене скучаю.

– Не поверишь – я в Риме ни разу не был.

– Напрасно, Триксий. Там есть, чем заняться.

– Да мне и в Испании занятий хватает. У! Кайсар! Твои крылья... Они прекрасны! Они великолепны! Они восхитительны, чёрт их побери! Это всё, что есть?

– Эй, Фелиция, нажарьте нам ещё крыльев! Триксий распробовал их! Запивай вином, дружище! Испанское хорошо с ними ладит.

– Давно не завтракал с таким удовольствием! В чём секрет, Кайсар? Купил себе толкового повара?

– Нет. Такие крылья может приготовить любой поварёнок-германец. Всё дело в рецепте. И соусе.

– Ну, так открой мне секрет!

– Это коммерческая тайна, дружище. Не могу – Помпея не простит меня.

– Открой секрет, а я не стану забирать у тебя раба!

– Нет, Триксий. Если я проиграл, то проиграл. Я привык платить по своим счетам.

– Хорошо. Тогда я заплачу тебе!

– Не проси, друг! Не могу. Пока мы с Помпеей не откроем ещё пару десятков термополий на римских территориях... Расширять республику пора, Триксий! Говорят, Британия – большой остров.

– Говорят, что у Африки нет ни конца, ни края! А я не верю! У всего есть конец, Кайсар!

– Да пёс с ней, с Африкой! Там дикари – они не знают толка в настоящей кухне! Да и нищие они! А мне нужны клиенты, Триксий! Чтобы за душой хотя бы десяток сестерций был. Дальше Египта, думаю, залезать не стоит.

– А Испания?

– Испания подходит! Тут вино хорошее! И народ любит пожрать!

– Это правда, – сказал Триксий и положил себе в тарелку десяток крыльев. – Ну, давай я открою термополию в Новом Карфагене за свой счёт, но под твоим именем, а ты мне – рецепт!

– Неплохая идея, Триксий! Давай-ка выпьем за неё!

– Давай, друг!

– Сразу видно – деловой человек!

Они выпили по кубку вина. Служанка с необъятной грудью принесла огромный поднос с фазаньими крыльями.

– О!

– Да. Я эту грудь сразу купил, как только увидел на базаре, – сказал Кайсар. – Даже не торговался. Хочешь помять?

– Да я не про сиськи! Так быстро зажарили? Как так? Мой повар за это время только огонь разжигает!

– Да. Это тоже наш секрет. Мы придумали как жарить с максимальной скоростью. Одна наша термополия может накормить крыльями две сотни харь ежедневно! Две, Триксий!

– Ого! Это же выгодно, Кайсар!

– Конечно! Стал бы я этим заниматься...

– Отдай мне Испанию!

– Испанию?

– Я завалю Испанию твоими крыльями! Я открою здесь по две... Нет! По три термополии... Как называется?

– «Жареные крылышки Кайсара».

– По три термополии с этим названием в каждом испанском городе!

– Это прекрасно! Но как у тебя со средствами, Триксий? Открытие термополий – дело хлопотное и дорогое.

– Мои добрые гладиаторы не дают мне опухнуть с голоду, Кайсар. У меня три виллы с бассейном и три десятка рабов, если не считать воинственных школяров. А связи...

– Связями я тебя обеспечу! Квестор я, или торгош гнилыми финиками?!

– Ты – лучший квестор из тех, каких я видел, Кайсар! Я хочу за тебя выпить!

– Нет!

– Ты хочешь меня обидеть?

Триксий вскочил на ноги.

– Ну что ты, дружище! Я хочу выпить не за себя, а за нас! За наше совместное предприятие!

– Это другое дело!

– Это наше дело, Триксий! За него!

Гость сел.

– Сегодня наемся на неделю вперед! – сказал Триксий. – А когда такие чудесные крылья будут жарить мои рабы, то могу и разжиреть, Кайсар! Впору будет из меня хамон делать!

– Больше двигайся, Триксий! Но будешь платить мне тысячу в год с каждой открытой термополии!

– Ну, если дело пойдёт, то я не поскуплюсь, Кайсар!

– Рад это слышать, друг.

– Но позови же, наконец, моего нового раба!

– А вот он сидит в углу.

– Этот?

– Да.

– Но мне показалось, что это твой любимый раб, раз он здесь.

– Так и есть. Но я проиграл его, Триксий.

– Кайсар, я...

– Проиграл. Ну, бывает!

– Хорошо. Как скажешь, дружище. А что он умеет?

– Он умеет читать, считать и хорошо писать. И он теперь неплохо разбирается в термополиях, так что будет полезным тебе, Триксий.

– Благодарю тебя, Кайсар. Когда я смогу забрать его?

– Да сегодня и забирай!

– Отлично. Вот только доем эти чудные крылья. Не оставлять же такое лакомство рабам!

К обеду Кайсар уснул, – он не умел, в отличие от Триксия, пить вино амфорами по утрам, – и слуги перетащили его в

покои. А я собрал свои нехитрые пожитки и последовал за новым господином. Точнее, я потащил его на себе, потому что ходить он уже не мог, но желал непременно очутиться в своей каупоне.

Но с тех пор Кайсара я более не видел.

А он всё же добрался до Британии и накормил британцев своими жареными крылышками.

16

На следующий день Триксий поручил мне заниматься сборами, а сам отправился подписывать с Кайсаром договор о долгосрочном сотрудничестве. Они заверили его у нотариуса и отметили событие в кайсарской термополии вином и крыльями, так что в каупону Триксий вернулся навеселе.

А вечером мы морем отправились в Новый Карфаген.

Всю дорогу мой господин пил вино, а я читал ему греческие комедии в латинском переводе – он купил свежее издание на пергаменте вкупе с двумя статуями обнажённых женских тел.

Мне нравилось, что Триксий был поклонником литературы и скульптурного искусства. Но, вероятно, лишь такой страстный ценитель культурных традиций может с успехом управлять школой добрых гладиаторов.

Триксий хохотал от души над греческими шутками, а я ждал скорейшего прибытия в карфагенский порт, потому что Марцеллус был напуган неизвестностью и не давал мне покоя.

Мы прибыли в Новый Карфаген ночью. Я не смог разглядеть города в темноте, но он показался мне большим.

Кое-где завывали хромые собаки, а добрые испанские морячки, как и положено, скрашивали свои морские будни в портовых попинах и нарушали ночной покой.

Триксий нанял для нас две лошади и повозку для своих скульптур и амфоры с гарумом, которую передал Триксию Кайсар.

– Я живу за городом. Ненавижу городскую суету.

Я разделял мнение своего господина о городах, о чём и не преминул ему сообщить. Триксию это понравилось. Знаете, если говорить своему господину приятные для него слова, то можно рассчитывать на дополнительную порцию крыльев.

– Эй, вы! Женщин грузите аккуратно! Они хоть и каменные, но стоят больших денег! Если расколете матрон – я вас куплю и продам дороже, но в Африку!

Грузчики пообещали Триксию быть аккуратными, а мы поехали на виллу.

Дом Триксия кричал о культурности своего хозяина и удивлял гостей изысканностью своего убранства и обилием предметов искусства. Триксий имел репутацию культурного человека плебейского сословия, но с большими возможностями.

Хозяин не захотел будить своих домочадцев.

– Тише ходи, Писец! Не хватало ещё разбудить Геру! Тебя проводят в рабские покои. Утром придёшь в триклиний!

Я кивнул, и меня повели в помещение для рабов.

Рабы Триксия жили в отдельном здании. Оно было небольшим, но с колоннами, и тоже было украшено фресками, а на крыше его стояли статуи животных.

Мужчинам отводились две комнаты. В одну из них меня и привёл раб.

– Будешь спать здесь, – сказал он.

На соседних кроватях храпели рабы.

– Как тебя зовут? – спросил я своего проводника.

– А тебе не всё ли равно?

Утром, как по команде, все рабы повскакивали со своих кроватей и разбежались.

Я тоже последовал их примеру, умылся и отправился в триклиний.

Там молодые рабыни накрывали на стол.

Я хотел с ними заговорить, но в этот момент в комнату вошла женщина.

На вид ей было около пятидесяти, и она когда-то была красавицей. Хоть женщина и была одета в богатую тунику и носила сложную причёску, но её взгляд меня напугал. А ещё у неё были сандалии с железными накладками поверх ступни – я такие видел первый раз.

Рабыни мигом убежали из триклиния и оставили меня наедине с хозяйкой.

– Кто такой? – спросила она низким голосом.

– Марцеллус Писец.

– Раб?

– Раб.

Хозяйка подошла ко мне и дала затрещину.

– Лежать! – крикнула она.

Я не привык к собачьим командам и замешкался.

Тогда добрая женщина повторила удар, и я таки сдался.

– Мама, кто это? – спросил кто-то другим, но тоже женским голосом.

– Твой отец опять раба приволок!

– Этот хоть симпатичный! В прошлый раз купил какого-то старика сорокалетнего на распродаже. Потом не знал, что с ним делать.

– Дорис, не вздумай!

– Мама, перестань! Вечно тебе кажутся всякие глупости.

Дорис подошла к столу и села, а я смог её рассмотреть. Ей не было и двадцати, и она обладала атлетическим телосложением – мышцы её радовали глаз своими формами, но грудь её была небольшой.

Лицом дочь Триксия была похожа на свою матушку. Красивые черты ещё не были тронуты морщинами, и взгляд её не утратил детской наивности.

Волосы у Дорис, как и у матери, были тёмными, но причёска её отличалась простотой.

– Не груби матери!

– Он так и будет здесь валяться?

– Пускай валяется, пока Триксий не придёт!

Женщина села за стол рядом с дочерью.

Дорис потянулась за персиком, но мать ударила её по руке.

– Мама! Я хочу есть!

– Будешь есть, когда придёт отец!

Девушка подчинилась матери и принялась рассматривать

меня.

– Чего на него пялишься? И даже не думай, Дорис!

– Да не думаю я!

– Я же вижу!

Дорис отвернулась к фреске, на которой был изображён бой гладиатора со львом.

Не прошло и часа, как пришёл глава семейства.

– Вы уже здесь?! Я сегодня что-то слишком хорошо спал

– не хотел прерываться. А почему не едите?

– Триксий, ты прекрасно знаешь, что в нашем доме есть правила.

– Иногда на них можно и наплевать!

Дорис похлопала в ладоши.

– Правильно, папа!

– Нельзя! Если мы будем плевать на правила, то от них ничего не останется!

– Опять! – сказала Дорис.

– Перестань!

– Ладно. Не ссорьтесь. Но, Гера, я считаю, что твои финикийские понятия о правилах поведения уже устарели. Карфаген пал, Гера, – сказал Триксий.

– Это не «финикийские понятия» – такие правила существуют в лучших домах Рима!

– Почём ты знаешь? Ты дальше Испании не бывала!

– Я знаю! Мне рассказывали! Патриции придерживаются строгих правил!

– Давайте уже поедим! – сказала Дорис и взяла персик.

Гера посмотрел на дочь с осуждением, но взяла и себе каких-то моллюсков.

А Триксий взял кубок с вином и, наконец, заметил Марцеллуса.

– А это что? Зачем Писец здесь валяется? – спросил он.

– А зачем ты ещё одного раба притащил? – спросила его супруга.

– Я открываю новое дело – он будет мне полезен.

– Что за дело, папа? – спросила Дорис.

– Тебе мало твоих гладиаторов? – спросила Гера.

– На юге я познакомился с одним прекрасным римлянином – он там служит квестором, так у него в Риме есть весьма прибыльное дело. Он предложил мне сотрудничество. Мы озолотимся! Я чувствую!

– Рабами торговать собрался? – спросила жена.

– Нет. Ни за что не угадаете!

– Ты построишь атлетический дворец? – спросила Дорис.

– Да ты что?! Кто туда будет ходить? Посмотри на эти лоснящиеся карфагенские хари! У них в голове мысли только о своём брюхе!

– Неужели термополия?

– И не одна! Дорис, я открою по несколько термополий в каждом испанском городе!

– Так к тебе толпами и повалили! – сказала Гера. – В Новом Карфагене они пустуют!

– Потому что торгуют дерьмом! Кому интересен их сухой хамон и дешёвый хлеб с анчоусами?!

– А за твоим дерьмом выстроятся очереди?

– Гера, я не буду предлагать дерьмо!

– А что же, папа?

– Крылья!

– Крылья?

– Фазаньи крылья, жаренные в лучшем гаруме! Это очень вкусно! Я уже приказал приготовить такие! Сейчас попробуйте!

– Ты совсем выжил из ума! – сказала Гера и проглотила моллюска.

Муж махнул на неё рукой и выпил вина.

Я лежал на полу и ждал, когда Триксий даст мне какое-нибудь поручение, но он не спешил.

Рабыня принесла блюдо с жареными фазаньими крыльями.

– Пахнет вкусно! – сказала Дорис.

Гера фыркнула и выпила вина.

– Налетай! – сказал Триксий.

Дорис взяла крыло и попробовала.

– Папа, это здорово! Нет, правда! Мама, попробуй!

– Гера, попробуй – пальчики оближешь! Зуб даю!

Женщина попробовала.

– Тебе не понравилось, мама?

– Хамон лучше во стократ! – сказала Гера и посмотрела на Триксию.

Тот, похоже, ожидал такой реакции своей супруги, поэтому не стал обращать на неё внимания.

– Скоро «Жареные крылышки Кайсара» покорят Испанию, Дорис!

– Я верю, папа!

Гера ухмыльнулась, но промолчала.

– Ну вот и отлично! Сегодня я начну переговоры с поставщиками фазанов и подберу помещения в городе. А после завтрака сходим в школу. Как там дела? Базилий ничего не передавал?

– Нет, папа.

– Нужно показать Писцу мои владения. Эй, Писец, хватит валяться! Вставай! Сейчас пойдём в школу, а то эти школяры без меня – как без рук!

17

После завтрака мы с Триксием пошли в гладиаторскую школу. Она находилась в полумиле от виллы и представляла собой трёхэтажное здание с большим перистилем, в котором десяток потных мужчин без туник дрались деревянными мечами.

– О! Тренируются, мои крепыши! Базилий!

К нам подбежал самый рослый и старший мужчина со шрамами на всех частях тела и блестящей лысиной на крупной голове.

– Да, мой господин! Я приветствую тебя!

– Привет, привет. Ну, как дела, Базилий? Докладывай! Что произошло, пока меня не было?

– Тренируемся каждый день по пятнадцать часов с двумя перерывами, как ты и приказал!

– Выдерживают?

– Один сдох. Остальные держатся.

– Это хорошо. Я думал, будет хуже. Ты увеличил им дневной паёк?

– Да, но...

– Что? Говори, Базилий!

– Не гневайся, мой господин, но боюсь, что этого недостаточно.

– Думаешь, нужно ещё больше кормить?

Базилий кивнул и уставился в пол.

– С вами разориться недолго! Хорошо, я подумаю и посчитаю! Мне нужно, чтобы они побеждали! Через год в Риме будет очередной большой праздник в честь победы над Карфагеном. Будет парад и гладиаторский турнир – съедутся воины со всех провинций. Каждую школу будут представлять лучшие гладиаторы. Я не говорил тебе?

– Нет, мой господин.

– Мне нужно, чтобы в турнире победил один из моих молодцов! Ты слышишь, Базилий?

Шрамованный мужчина снова кивнул.

– Если этого не произойдёт, то... я продам тебя Леонтию, пожалуй! Будешь крокодилов в Африке ловить!

Базилий посмотрел на Триксию, но промолчал.

– Это Писец. Будет вести учёт гладиаторов и хозяйственных расходов. Всё. Иди, занимайся! И помни об Африке!

Базилий стрелой улетел к своим ученикам, а мы отправились по делам термополий.

– Базилий – отличный боец с большим опытом! Я отдал за него почти целое состояние. Своё дело он хорошо знает. Думаю, первый приз в Риме будет моим! – сказал Триксий.

– А какой приз? – спросил я.

– А... Деньги. Небольшая сумма и вялая должность с нищенским жалованием, на которой даже подарков никто не предлагает! Но меня больше интересует слава. Обо мне должны узнать в Риме, Писец!

С того дня я и приступил к своим обязанностям.

Мне приходилось заниматься тем же, чем я занимался у Кайсара, но в большем объёме, потому что хозяйство Триксию было огромным, по меркам Испании. У меня не было свободного времени, но это было скорее плюсом.

Жизнь моя со временем наладилась – я получал хороший паёк и меня наказывали не чаще, чем раз в неделю.

Другим рабам перепадало каждый день – Гера не давала

спуску даже за малейшую оплошность, и рабы считали удачей, если их секли, а не заставляли неделю сидеть в бочке с морской водой или есть своё же дерьмо. Да, Гера была великой выдумщицей в том, что касалось наказаний.

Мне рассказывали, что одного раба она своими нежными ручками лишила пальцев на обеих его руках и с бесполезными культиками выгнала из дома.

Меня она не любила более других, потому что считала любимчиком Триксия и называла не иначе как «смазливой харей». Но в лице её мужа я нашёл надёжного покровителя.

Триксий приказал наказывать меня лишением обеда. Или завтрака, но не ужина, потому что ужина у рабов и так не было.

А Дорис я нравился как мужчина. Я чувствовал это, потому что на меня она смотрела не так, как на других рабов. Но она держала себя в руках и не давала воли своим добрым чувствам.

Не прошло и месяца, как мы открыли первую термополию в Новом Карфагене. Как и ожидал Триксий, народ распробовал фазаньи крылья, и за ними выстраивалась очередь, в которой можно было встретить и морячков, и местных матрон, и чиновников. Даже рабы, у которых водилась медная монета, старались обменять её на пару-тройку сочных крыльев.

Триксию пришлось даже утратить штат, чтобы обслуживать всех желающих полакомиться новым блюдом от никому тогда не известного Кайсара.

Триксий сдержал своё слово и завалил Пиренеи жареными фазанами – «Жареные крылышки Кайсара» появились в каждом испанском городе.

Дорис каждый день куда-то уходила, но я не знал куда.

Но в один из чудесных испанских дней я встретил её в гладиаторской школе. Я пришёл туда переписать всех гладиаторов и подготовить пару бойцов к продаже, и, когда я беседовал с Базилием, к нам подошёл гладиатор в защитном шлеме и кожаных доспехах, но в маске обезьяны.

– Базилий, собак привезли? – спросил гладиатор женским голосом.

– Да. Через час можно будет начинать.

– Отлично!

Гладиатор ушёл.

– Это Дорис? – спросил я.

– Да. Но не говори никому. Это наш секрет. Ей нравятся бои. С детства занимается атлетикой. Видел, как у неё развиты мышцы? Красавица! Мать запрещала ей быть «парнем», но... если Дорис чего-то очень хочет, то добывается своего. Это у неё от отца!

– Она хочет быть гладиатором?

– Мечтает стать лучшим бестиарием. Женщины в нашем деле – большая редкость, Писец. Тем более свободные. Это не приветствуется, так что помалкивай. Понял?

В тот же день я стал свидетелем разговора Дорис с родителями в таблинуме, потому что они разговаривали на повы-

шенных тонах, и даже переходили на крик.

– Я всё равно буду этим заниматься! – кричала Дорис.

– Дорис, ты заклеямишь позором весь наш род! Карфаген не знал таких наглых и распущенных девиц, как ты! – кричала её мать.

– Карфаген пал, мама! Плевать на Карфаген! Это моя жизнь, и я хочу жить так, как мне нравится!

– Твои подружки уже замужем и всю рожают детей, а ты...

– А я убиваю на арене собак! И мне нравится! И у меня получается! Базилий сказал, что скоро можно будет на быка замахнуться! Или медведя! Папа, купи медведя!

– Триксий, чего ты молчишь? Скажи ей! – кричала Гера.

– Во-первых, орите тише! То, что Дорис выбрала себе такое занятие – это её право! Но я не хочу испытать на себе радости инфамии! Никто не должен знать! Во-вторых, Дорис, медведи нынче дороги! На быках тренируйся!

– Триксий, зачем ты идёшь у неё на поводу? – говорила Гера.

– Затем, что считаю запреты худшим из зол! Каждый волен сам выбирать свой путь! Если бы я пошёл на поводу у своих родителей, я бы не...

– Твои родители умерли, когда тебе было семь лет!

– Неважно! Я знаю, чем бы всё кончилось! Они тоже жили древними понятиями, как и ты, Гера! Мир меняется!

– Но нужно же продолжать род! С этим ты не будешь спорить, дорогой?

– Мама! Зачем мне эти ничтожества, которых ты мне сватаешь? Они могут только вино амфорами пить, да цересом его запивать! Да лошадей бесконечно обсуждать! Или гладиаторов! А сами-то даже собак боятся! И поговорить с ними не о чем – они даже не знают кто такой Ганнибал!

– Хватит! Я уверен, найдётся достойный человек, который примет Дорис такой, какая она есть! И кончим на этом! На обед – крылья и тунец в лучшем гаруме!

Дорис вышла из таблинума и заметила меня.

– Ты всё слышал?

Я замялся.

– Не болтай! – сказала Дорис и поднесла указательный палец к губам.

Мне нравилась Дорис.

18

Она стала давать мне разные поручения и задания: то сходить в лавку за сладкими персиками, то станцевать для неё, то написать ей стишок. Я не мог отказать дочери своего доброго хозяина. Да и не хотел отказывать.

Гера заметила, что её дочь интересуется мной, и старалась мешать нашему с Дорис общению – она тоже стала давать мне поручения, но такие, выполнение которых требовало моего долгого отсутствия на вилле.

Это привело к тому, что женщины стали соперничать в своих поручительных устремлениях и соревновались в том, кто из них первой займёт меня каким-нибудь неважным де-

лом. Но в таких жёстких условиях я перестал справляться с делами важными и срочными, потому что на них не оставалось времени. Разумеется, это вызывало справедливое недовольство Триксия.

– Писец, почему ты не подготовил отчёт по фуражу? Я тебе ещё позавчера приказал посчитать и расписать!

– Я не успел, господин.

– Не успел? Почему ты перестал успевать? Раньше справлялся и с более сложными задачами! Писец! Я недоволен тобой!

Я молчал, потому что не хотел впутывать в дело Дорис.

– Завтра будешь голодать! Весь день! Вечером жду отчёта!

Я отправился готовить отчёт для Триксия, но в атриуме встретил его жену.

– Бездельничаешь, смазливая харя?! Писец, я хочу, чтобы ты сходил в город и... и узнал сколько стоит пурпурное полотно на тунику! И не делают ли они скидки по субботам!

– Но, госпожа... Триксий ждёт отчёта по фуражу, который...

– Что?! Вздумал перечить?!

Гера подошла ко мне и с размаху двинула по морде.

– Лежать! Мерзкий раб! Смазливая харя!

Я упал на пол.

– Вздумал перечить мне?! Я напомним тебе, кто ты есть! Я покажу тебе твоё место! Раб! Раб! Раб!

Она с особенным старанием повторяла слово «раб», и

каждый раз это слово сопровождалось болезненными ударами прелестной ножки по моему лицу.

В тот день я узнал о назначении железных накладок на сандалиях Геры. Моя кровь украсила ногу хозяйки.

Я схватил эту ногу и не отпускал её.

Гера завопила.

На женский крик сбежались все, кто был на вилле и мог бегать.

Рабы стояли и смотрели как я сжимал женскую ножку в своих объятиях, а Гера поколачивала меня своими острыми кулачками.

Прибежали Триксий и Дорис.

– Триксий, он напал на меня! Эта смазливая харя внезапно напала на меня! Я вся в крови! Он хотел унижить меня при всех! Убей его!

Триксий подскочил к нам и вызволил жену из моего капкана. Но он ещё и пнул меня своей ногой!

– Ты что, скотина?! Совсем озверел?! Писец! Твоё дело – считать и записывать, а не матрон унижать! – закричал господин.

– Убей его, Триксий! Иначе он накинется и на Дорис! – кричала его супруга. – Не дай ему вкусить господского тела!

– Он сейчас вкусит моего пинка!

Триксий ещё раз с размаху поддал мне, но схватился за свою ногу.

– Папочка! Ты ушибся? – закричала Дорис, подбежала к

отцу и обняла его.

– Тебе нужно почаще напоминать рабам кто в доме хозяин, Триксий! – сказал Гера.

– Нога опять опухнет...

– Я тебе потом покажу, как правильно бить, чтобы ничего не опухало и синяков не оставалось. Меня Базилий научил, – сказала Дорис.

– Чего вылупились, морды?! Вам тут театр? Пошли вон! У вас дел нет никаких?! Вечером не поленюсь – каждого проверю! Кто не доделает свои дела – будет жрать дерьмо! – крикнула Гера рабам, и те в панике разбежались.

Женщина подошла с стола, на котором стояла ваза с фруктами и взяла себе виноградную лозу.

– Вкусный виноград. Писца нужно наказать, Триксий! Убить его нужно!

– Гера...

– Убить, Триксий! Он уже на хозяев кидается! Он бешеный!

– Я не бешеный, – сказал я и выплюнул пару зубов. – Я не бросался на твою жену, господин! Она...

– Что?! Как ты смеешь, раб?! Молчать! – крикнула Гера.

Женщина выбросила сладкий виноград и изо всех сил ударила меня ногой.

– Видишь, Триксий? И никаких ушибов! – сказала Гера и показала на свою ножку с моей кровью.

Триксий махнул на супругу рукой и доковылял с помощью

дочери до кресла.

– Он стоит денег. Ты и так уже нескольких рабов загубила. Это убытки, Гера. Если бы я не запретил тебе списывать рабов, давно бы уже сухарики в воде размачивали!

– Триксий, ты хочешь, чтобы он нас унизил и убил?!

– Гера... Что ты такое говоришь?!

– А он это сделает – не сомневайся! Посмотри только, какая у него мерзкая харя со звериным оскалом! А зенки залиты кровью! Такой ни перед чем не остановится! А для тебя деньги важнее родной дочери! Убей его! Слышишь? Я настаиваю!

– Это может не понравиться Кайсару. Он уже спрашивал о Писце.

– При чём тут Кайсар? Это разве на его дочь кидаются рабы?

– Он Дорис не трогал.

– Ты хочешь дождаться, когда потрогает? Будет поздно!

– Дорис, дочь моя, как мне поступить? Убить Писца или продать? За него можно выручить хорошие деньги – грамотный раб втрое дороже обычного. Купим тебе большого медведя на распродаже...

Дорис взяла из вазы самый большой персик.

– Лучше отдай его в гладиаторы. Пускай займётся мужским делом, наконец. Посмотрим, умеет ли он ещё что-нибудь, кроме как пером каракули выводить, да на маму бросаться. А в школе он и отчёты проверять сможет, и считать

для тебя, как и прежде.

– Вот! Умница, Дорис! Отдам его Базилию! Будет у меня боевой Писец! Посмотрим, на что он способен! Может, и турнир какой выиграет! А? Слышишь, Писец? Быть тебе гладиатором!

– Триксий!

– Гера! Я так решил!

Гера топнула ножкой и удалилась в господские покои.

19

Триксий приказал рабам помыть, переодеть и отнести меня в гладиаторскую школу.

Они выполнили приказ, но бросили меня в атриуме школы на пол и ушли.

Пришёл Базилий и приказал двум слугам отнести меня в казарму и положить на свободную койку.

– Гера? – спросил Базилий.

– Она, – ответил я.

– Оклемаешься – приступим к тренировкам!

Вечером в казарму вернулись гладиаторы. Их было не более двух десятков, но все они выглядели уставшими и воняли потом.

– А это что за мудень? – сказал один из мужчин. – Ты кто?

– Писец.

– Кто?

– Похоже, ему отбили его долбанные мозги! – сказал второй потный воин с большой и перевязанной головой.

– А может, этот мударь хочет с нами пошутить?

– Он хочет стать калекой! Хочешь, мы сделаем из тебя долбаного калеку? Вздурем в два счёта!

– Поговори об этом с Триксием, – сказал я.

– Что?! Угрожаешь?!

– Он стукач. Доложит Базилию, что, мол, обижают девочку! Это Базилия растрогает, и он тебя обязательно пожалует! – сказала перевязанная голова.

Гладиаторы засмеялись.

– Идите накуй! Оба!

– Девочка борзеет! В этом доме посылать нас может только Бизилий! А давай-ка я сломаю тебе все рёбра!

Длинный воин достал из-под своей койки палку и замахнулся на меня.

– Отвали от него, Барберикс! – сказал кто-то из тёмного угла комнаты.

– Это кто бзднул? – сказал длинный человек и опустил свою тяжёлую дубину.

– Это сказал я!

– Уж не Безносий ли отважился подать голос?

Верзила подошёл к койке, которая стояла в тёмном углу, а с неё поднялся невысокий рыжий человек с забинтованным носом. Если быть точным, то носа у него не было вовсе, и тряпка лишь прикрывала две дырки на том месте, где когда-то находился нос.

– Безносий осмелел, парни!

К человеку без носа подошёл второй гладиатор с большой головой.

– Ты что, германский хер, захотел прилечь с этим муднем? – сказал он и показал свои кулаки.

– Он, наверно, хочет стать его подружкой! – сказал длинный гладиатор, и они с большеголовым рассмеялись.

Остальные гладиаторы обступили беседующих мужчин и с удовольствием наблюдали за их общением.

– Ты же видишь – он не может тебе отомстить. А бить раненого дешёвой палкой – занятие недостойное даже для долбаного галльского гладиатора! – сказал человек с дырками вместо носа.

– Не тебе учить меня манерам, германская свинья! – сказал верзила.

– Безносий здесь всего месяц, а уже решает кто тут раненый, а кто нет! – сказал большеголовый. – Надо бы указать ему на его долбаное место, Барберикс!

– Его место у параша, Тетрикс!

– Ты прав, друг! Давай-ка вздуем и этого мудня!

Большеголовый галл замахнулся и ткнул своим кулаком Безносия в лицо, но тот увернулся и ответил метким ударом в живот Тетрикса. Галл вскрикнул и стал задыхаться.

– На галла замахнулся, германская морда?! На-ка, отведай галльской палочки! – заорал длинный гладиатор.

Он замахнулся своей дубиной, но когда поднимал её, то заехал по морде своего скорчившегося приятеля. Тот

вскрикнул ещё раз.

Безносий воспользовался замешательством Барберикса и выхватил у него дубину. Ну, а потом он опустил её на глупую голову длинного противника.

Верзила упал рядом со своим приятелем Тетриksom.

Расстроенные зрители уложили Барберикса и Тетрикса на их койки, и до утра воинственные галлы более не просыпались.

– Спасибо, Безносий, – сказал я.

– Как тебя зовут? – спросил германец.

– Писец, – ответил я.

Безносий удалился в свой тёмный угол.

Утром явился Базилий и стал ходить между коек и пинать лежащих гладиаторов своими накачанными ногами.

– Подъём! Чего развалились, как долбаные шлюхи?! День уже начался! – разорался он на всю школу.

Гладиаторы вскакивали с коек и в панике накидывали на себя самые дешёвые туники.

– Что с твоей харей, Тетрикс? На дверь напоролся?

– Так точно!

– Хорошо, что у нас в школе крепкие двери! Раз в три дня кто-нибудь, да норовит попортить имущество! Бегом все строиться!

Базилий подошёл ко мне.

– Ну что, Писец, эти мудни посягали на твою честь? Триксий приказал мне беречь твою голову и правую руку. Про

остальное он ничего не говорил.

– Нет, Базилий. Парни оказались интересными собеседниками.

– Мы здесь не для бесед собрались! Через несколько дней встанешь в строй – я буду делать из тебя гладиатора, Писец!

– Я хочу стать лучшим! – сказал я.

– Похвально, Писец! У тебя есть два дня! – сказал Базилий и ушёл.

Я остался один.

Но потом пришёл слуга и принёс мне варёные бобы, яйца, хлеб с водой и кувшин для малой нужды.

Я поел, справил нужду и отпустил слугу с посудой.

Но не прошло и половины дня, как ко мне пришла Дорис в маске обезьяны. Девушка села на край моей койки.

– Ну как ты, Писец?

– С каждым днём всё лучше и лучше! Боги на моей стороне! – сказал я.

Дорис дотронулась до моей руки.

– Молчи, Писец. Я приду завтра, – сказала девушка, дала мне свёрток с фазаньими крыльями и ушла.

А вечером снова вернулись потные и уставшие гладиаторы. Но на этот раз Барберикс и Тетрикс не сказали мне ни слова – они сделали вид, что до смерти хотят спать, и завалялись на свои койки.

То же самое сделали и остальные воины.

Я подозвал Безносия и сунул ему пару крыльев, которые

я оставил для германца.

– Откуда? – спросил Безносий.

– Тише! Не важно! Никто не должен знать! – сказал я.

Германец поблагодарил меня и унёс угощение.

Ночью я не спал, потому что думал о Дорис. Моя гладиаторская карьера интересовала меня куда менее, чем эта скромная, но воинственная девушка с крепкими мускулами и маленькой грудью.

Утром явился Базилий, принялся пинать гладиаторов и орать про шлюх и новый день.

А гладиаторы всё так же вскакивали с коек и одевались.

Но Безносий забыл спрятать кости под матрац, поэтому они выпали из-под его одеяла на ноги Базилия.

– Это что? Безносий, я спрашиваю, что это?!

Германец молчал.

– Гладиаторам не полагаются долбаные кости! Кого ты съел, Безносий? Ворону? Крысу? Или украл с кухни фазана? Но фазанов готовят для меня! – закричал Базилий и двинул германцу в челюсть.

Но Безносий молчал.

– Или ты говоришь откуда у тебя эти кости, или я прикажу Барбериксу и Тетриксу выпороть тебя! Уверен, они сделают это с удовольствием!

Галлы расплылись в улыбках.

– Эй, Барберикс и Тетрикс! Выпороть эту безносую обезьяну!

Галлы подхватили Безносия под руки и утащили исполнять приказание своего командира.

– Если кто-нибудь из вас посмеет утащить с кухни фазана – забью на тренировке и спишу, как случайную потерю! Даже если Триксий меня оштрафует, я не пожалею об этом! Бегом строиться!

Ко мне снова пришёл слуга с бобами и яйцами, и мне пришлось поесть при нём и наполнить ему кувшин – он отказывался уходить с пустым сосудом, потому что до смерти боялся гнева Базилия.

К полудню, наконец, пришла, Дорис. Она так же была в маске и села на край моей койки.

– Ты можешь до меня дотронуться, Дорис. У меня уже почти ничего не болит – сказал я.

– Я знаю.

– Откуда?

– Базилий сказал.

– Уж ему-то откуда знать?

– Он сказал, что с завтрашнего дня ты будешь тренироваться со всеми, – сказала Дорис и поцеловала меня. – Мне пора! У меня сегодня важная тренировка – приведут быка!

Она оставила мне жареные фазаньи крылья и убежала встречать своего быка, а я остался ждать гладиаторов.

Все крылья я съел сам.

20

Утром в казарму снова явился бодрый командир и при-

нялся будить гладиаторов и орать на всю школу.

Я по привычке валялся и смотрел как воины вскакивают и одеваются.

Но Базилий пнул и меня, и заставил бежать и строиться со всеми остальными в перистиле.

Когда мы построились, Базилий вышел к нам и плюнул на землю.

– Сегодня мы расстаёмся с Барбериксом и Тетриком! – сказал он.

Гладиаторы переглянулись.

– Да, парни. Нашёлся покупатель, который готов заплатить за вас Триксию круглую сумму денег. Очень круглую! Самую круглую! Все знают, что я готовлю лучших из лучших! Так что... Вас отвезут на виллу к одному уважаемому гражданину – он будет праздновать свой день рождения, где вы будете развлекать его гостей своим кровавым представлением. И побольше крови – гостям такое нравится! Один из вас должен будет лишиться жизни. По традиции, это непременное условие для дня рождения, как вы знаете!

Барберикс и Тетрикс молчали.

– Такая у нас работа, парни! Работа как работа – ничего особенного! Зато тот из вас, кому удастся выжить, будет направлен в одну из лучших гладиаторских школ Африки и сможет продолжить повышать свой профессиональный уровень, но уже под руководством другого тренера. Идите, собирайтесь! И не забудьте забрать свои красные губки – вы

их заслужили!

Барберикс и Тетрикс неуверенной походкой зашагали к казарме.

– Слава галлам! – крикнул им вслед Базилий.

– Галлам слава! – подхватили гладиаторы.

Базилий снова сплюнул на землю.

– На этом проводы героев можно считать законченными! Теперь я представлю вам нового гладиатора! Вы ещё не успели познакомиться с ним?

– Н-е-е-е-т! – протянул строй, как будто корова промычала.

– А ведь он два дня валялся в казарме вместе с вами! Его зовут Писец! Выйди к нам!

Я вышел из строя и встал с Базилием.

– Писец, отныне эти прекрасные парни и я – твоя семья! – сказал он. – В нашей семье есть всего три правила, но нарушение любого из них заканчивается трагически для нарушителя! Он исчезает навсегда! Я правильно излагаю?

– Д-а-а-а! – пропел строй.

– Первое правило – исполнять всё, что я приказываю! Второе правило – выкладываться на тренировке на полную катушку и не жалеть ни себя, ни других! Третье правило – не брать в сортире красную губку, если ты её не заслужил!

Я с удивлением посмотрел на Базилия.

– Да! – сказал Базилий. – У гладиатора нет ничего личного, кроме красной губки! Тебе, как новичку, полагается бе-

лая губка – бери любую! А право на пользование красной губкой можно только заслужить – сдать экзамен на выносливость и умение побеждать сразу двух противников! Ты понял, Писец?

– Так точно! – сказал я.

Базилий взмахнул рукой.

– Ур-а-а-а! – заорали гладиаторы.

Так началась моя гладиаторская карьера.

Базилий назначил меня ретиарием, потому что такого типа гладиатора в школе на тот момент не было – наш командир считал, что не каждый может стать «кидальщиком», и что это карьера для избранных. Это решение Базилия сразу же подняло мой авторитет в нашем гладиаторском коллективе.

Мне выдали сетку и деревянный трезубец – настоящее оружие мы получали лишь на экзаменах, которые Базилий устраивал каждый месяц, и на турнирах.

Ещё мне полагался кинжал-пугио, который следовало крепить к металлическому поясу. А на левую руку, в которой я держал трезубец, надевалась мощная кожаная защита, чтобы обезопасить руку от ударов противника.

Для правой руки такой защиты предусмотрено не было, но, как выяснилось, в некоторых случаях, это может спасти жизнь.

У нас в команде были мирмилоны, которых вооружали гладиусами, и фракийцы, которые дрались изогнутым фра-

кийским кинжалом, и провокаторы в шлемах легионеров.

Базилий пообещал назначить для меня секутора, если я справлюсь со своей задачей и стану отличным ретиарием.

Мы подружились с Безносием – он стал моим другом, и наши койки в казарме стояли рядом. С ним было интересно говорить обо всём на свете, потому что наши взгляды на многие вещи совпадали.

Мне нравился Безносий, и я попросил Базилия назначить его секутором мне в пару, чтобы мы могли иметь возможность общения и на тренировках.

Каждый день гладиатора расписан по минутам и не оставляет ему свободного времени, если не считать вечерний отбой.

В школе Триксия мы занимались по пятнадцать часов в день с двумя перерывами по полчаса.

Я видел что мои успехи впечатляют Базилия – мне хотелось побеждать.

А потом я поверил в то, что смогу выиграть турнир в Риме, и что я стану свободным человеком.

По вечерам, когда остальные гладиаторы могли ложиться спать, мне приходилось проверять отчёты и писать письма для Триксия.

Зато я каждый день виделся с Дорис – она тоже тренировалась убивать зверушек без выходных, и когда у меня был перерыв на обед, мы уединялись с ней в дальней комнате.

Базилий знал, что мы с Дорис встречаемся и не протесто-

вал. Наоборот он помогал нам и делал всё, чтобы сохранить наши отношения в тайне от остальных.

– Я, наверное, кажусь хладнокровным убийцей... – сказал мне как-то Базилий, когда я ночью переписывал очередной отчёт из триксовских термополий.

– Нет. Все думают, что ты ворует мёд на пасеках.

– Мне приходилось убивать, но это не доставляет мне удовольствия. Это моя работа. Понимаешь? Кроме того, я раб, и работу себе не выбираю.

– Ты – хороший учитель, Базилий. Тебя уважают и боятся.

– Но я не хочу учить убивать! Я не хочу, чтобы мной пугали долбаных детей! Я не должен этого говорить, но мне... мне нужно кому-то это сказать, Писец.

– Почему Триксий не освободит тебя? Тебе уже больше сорока лет.

– Мне скоро пятьдесят. А Триксий боится, что я брошу его долбаную школу!

– Ты в отличной форме, Базилий!

– А что толку? Зачем рабу отличная форма? Какой в ней прок? Чтобы прожить немногим дольше других? Знаешь, чего я хочу? Я хочу жить на острове и ловить рыбу! Говорят, в Греции много островов – можно выбрать любой.

– Это так. Островов в Греции больше, чем сестерций у Триксия.

– Я не хочу видеть мерзких людишек, а хочу ловить долбаную рыбу, Писец! Я хочу встречать рассвет в своей лодке с

сетью в руках! Разве это так много? Почему боги не помогут мне? Ты грамотный, ты можешь объяснить!

– Знаешь, Базилий, боги помогают лишь тем, у кого есть цель и кто идёт к ней, несмотря ни на что, – сказал я.

На следующий день ко мне пришла мысль о том, как я могу помочь учителю.

Я рассказал Дорис о ночном разговоре с Базилием. Я знал, что Триксий прислушивается к мнению своей любимой дочери и попросил её поговорить с отцом о начальнике гладиаторов.

Мы придумали историю о том, что Базилий болен, но он скрывает свой недуг от всех, и ему осталось жить лишь пару лет, а его заслуги перед Триксием всем известны.

И что свобода, которую Базилий сможет получить после турнира в Риме, будет лучшей наградой для пожилого уже человека, который воспитал не одну сотню достойных гладиаторов, что позволило заработать Триксию немалое состояние.

Дорис пообещала попросить отца за Базилия, и даже пустить слезу, чтобы разжалобить Триксию и повысить шансы на успех.

На следующий день Дорис пришла весёлой и с двойной порцией крыльев.

– Он согласился! – сказала она. – Он даст Базилию свободу, после нашей победы в турнире!

– Отличная новость, Дорис!

– Но мы должны победить, Писец! Мы должны победить!

– Мы победим, Дорис!

А вечером ко мне подошёл суровый Базилий со слезами на глазах. Он стеснялся своих чувств, поэтому перед нашим разговором послал всех гладиаторов чистить сортир.

– Триксий сказал, что подарит мне свободу, если мы выиграем долбаный турнир! И не только мне, но и тому гладиатору, который получит венок победителя!

– Я рад за тебя, Базилий, поверь! Боги услышали тебя!

– Ты должен выиграть, Писец! Ты просто обязан вырвать у них этот долбаный венок! Зубами выгрызть! Только ты и сможешь это сделать!

С того дня Базилий сам занимался со мной и не давал мне спуска ни в чём.

Он даже запретил мне встречаться с Дорис, чтобы я не расслаблялся, пока он не уедет в Грецию.

Зато не прошло и месяца, как я прошёл испытания на право владения красной губкой в школьном сортире.

21

Когда пришло время выбирать кандидатов для отправки на турнир в Рим, Базилию не пришлось утруждаться – я был единственной его надеждой, а Дорис вытребовала своё право побороться за победу среди женщин-бестиариев у Триксия. Он не мог отказать ей, потому что любил свою единственную дочь и старался угодить ей во всём, несмотря на протесты жены Геры.

Нужен был ещё один гладиатор, и я попросил Базилия выбрать моего друга Безносия. Он дрался как лев!

На пирсе Триксия с Дорис провожала Гера.

Мы с Безносием и Базилием обошлись без провожатых. Да и кому придёт в голову провожать трёх рабов, одному из которых скоро стукнет пятьдесят?

Путь до Рима был тяжёлым для всех, кто страдал морской болезнью.

Но Триксий уже видел свой бюст на римском форуме.

Дорис хотела остаться в истории как лучшая женщина-бестиарий всех времён и народов.

Ну, а мы втроём ехали не за славой, и даже не за деньгами – нам была нужна свобода.

Ночью мы сидели на корме корабля, разглядывали звёзды и молчали.

Но в какой-то момент Безносию захотелось поделиться с нами своими мыслями.

– Даже если меня убьют, я всё равно стану свободным! – сказал нам с Базилием мой друг Безносий. – В Испанию я уже не вернусь.

– Откуда ты, Безносий? – спросил учитель.

– Я с Севера. Там, где живёт мой народ, море холоднее вашего.

– Почему у тебя нет носа?

– Потому, что рабу он не нужен! – сказал Безносий.

Я попросил рассказать его историю, и Безносий не смог

мне отказать.

– Моё племя было самым большим на побережье и самым боевым. Мальчиков с малолетства учили рубить мечом тела и убивать и людей, и животных одним ударом. Не проходило и месяца, чтобы мы не нападали на соседнее племя – женщин насильничали и уводили с детьми в плен, чтобы продать в рабство, а мужчин убивали – всё как полагается.

Я и Базилий слушали Безносия и кивали головами.

– Однажды мы напали на небольшое племя наших соседей, которое давно нам не нравилось – они мылись чаще нас и не учили своих детей убивать, но самое главное – они не приносили богам человеческие жертвы! Ну, куда это годится? Мы их не понимали и считали дикарями. А зачем нам соседи-дикари? Мы убивали их, как обычно, и насиловали, но тут, откуда ни возмись, появилась какая-то сварливая бабка, по виду – ведьма, и заорала, что она прокляла нас, а Один обязательно покарает наше племя.

– Да. Бабки – они все ведьмы! А кто такой Один? Хозяин побережья? – сказал Базилий.

– Нет. Хозяин мира.

– А-а-а. Бог.

– Пожалуй, бог. Но мы, конечно, не поверили той старухе, потому что боги обычно не мешали нам грабить, убивать и насильничать. Ну, я взял бабку за волосы и отсёк ей голову одним ударом своего меча, как меня и учили.

– Ну и правильно! С ведьмами так и нужно! – сказал Ба-

зилий.

– А потом мы вернулись домой, продали свою добычу и стали отмечать очередную победу и избавление от назойливых соседей. Но через какое-то время на телах всех соплеменников появились язвы. Поначалу мы не придали этому значения, но эти язвы разрастались, на коже появлялись наросты, и дети рождались уже с порченной кожей. Началась паника. Жрецы не могли ни объяснить, ни вылечить. А мы тем временем стали гнить заживо! Всё чёртово племя!

Мы с Базилием посочувствовали Безносию, а сам он занервничал и сжал кулаки.

– У меня сгнил и отвалился нос!

– Да... Мы заметили, – сказал Базилий и покачал головой.

– А потом сгнившие люди стали умирать! Тогда жрецы обвинили во всём меня – мол, зря я обезглавил бабку! А почему зря, если она обижала нас своими нелепыми воплями и полоскала доброе имя Одина на ветру?! А жрецы захотели принести меня в жертву богам, чтобы остановить мор. Вряд ли боги позволили бы племени выжить только потому, что мне перерезали бы глотку! В общем, как бы то ни было, мне пришлось бежать из своего же дома!

– Любой на твоём месте поступил бы так же! – сказал я.

– А я бы жрецов лучше порешил! – сказал Базилий.

– Я ушёл в горы и долго жил там отшельником в пещере. Я уже собирался помирать, потому что прогнил до дыр, но однажды в горах я встретил древнего старика-медовара. Он

не испугался меня, хотя я выглядел как мертвец, которого достали из могилы через полгода после смерти, а пожалел меня и приютил в своей хижине!

– Молодец старик! Уважаю! – сказал Базилий. – Я бы не смог гнилого в дом взять!

– Он выпрашивал у богов моего исцеления и давал мне отвары из горных трав с дерьмом какого-то дракона, а я за это помогал ему по хозяйству – делал всё, что он просил меня делать – работал на пасеке, собирал дрова, ловил мышей, даже пищу для него беззубого пережёвывал! И вы не поверите – через месяц от моих ран не осталось и следа, и гнить я перестал. Но носа я всё же лишился, и, похоже, навсегда.

– Да... С носом как-то... Да..., – сказал Базилий.

– В общем, я исцелился, но в племя вернуться не решался. Да и не знал, остались ли в нём живые... Так и продолжал жить у старика, а я считал себя его должником, и пить его изумительную медовуху, пока...

– Пока он не помер... – сказал Базилий.

– Пока я его не убил!

– Но зачем? Разве сложно пережёвывать корни и мышей? Если есть зубы, то...

– Однажды я перебрал с медовухой – уж слишком она была вкусна – и обиделся на старика за его слова. Он назвал меня чем-то нехорошим – не помню чем, но обиделся я крепко! Я схватил полено и забил им доброго медовара насмерть. На следующий день я жалел о своём поступке. Поверьте, мне

было стыдно и перед дедом, и перед самим собой, и перед богами. Я грустил не меньше двух дней! Потом я устал уби-ваться и принялся искать хорошее в своём недобром, на пер-вый взгляд, поступке. И, хвала богам, нашёл! Ведь теперь меня не связывали никакие обязательства, и я освободился от гнетущего чувства долга перед стариком! Да и старым был уже дед, и без зубов – мог только мёдом питаться без посто-ронней помощи! Для него жизнь – сплошная мука! Я успо-коился, похоронил деда с почестями и спустился с гор к лю-дям.

– Прекрасная история! – сказал Базилий.

– А они взяли и продали меня в рабство! Так я оказался в Испании.

Мы помолчали.

– Наверное, зря я всё-таки лишил старуху её долбаной го-ловы. Надо было побить её и прогнать!

– Ну... Не знаю..., – сказал Базилий.

22

Мы прибыли в Рим ранним утром.

Триксий с Дорис поехали заселяться в самую дорогую римскую каупону, из окон которой был виден форум, а меня и Безносия Базилий повёл в театр.

В театре для пребывающих гладиаторов были выделены комнаты в огромном подвале с клетками вместо дверей и крепкими замками.

– Это ваша квартира. Располагайтесь! – сказал Базилий и

запер дверь. – Без окон, зато сухо. Факел не жгите понапрасну. Потом принесу масляную лампу.

В комнате были подвешены два гамака, какие используются моряками.

– Гладиаторы живут отдельно? – спросил я.

– Конечно!

– Но почему?

– Иначе половина из них не доживёт до турнира! Ключ будет у меня! Выходить будете только на арену тренироваться раз в день, ну и на бои. Так положено. Еду буду приносить два раза в день.

Базилий оставил нам наше оружие.

– Тренируйтесь здесь тоже, чтобы не терять форму.

Справлять нужду предлагалось в дыру в каменной стене.

По свинцовой трубе нам доставляли воду. Сильный привкус свинца в воде, конечно же, удручал, но мы не могли позволить себе мучиться жаждой перед важнейшим турниром в своей жизни.

Соседние комнаты были ещё не заселены, и целый день мы провели в подвале одни.

Базилий отвёл нас на тренировку, и мы увидели арену, на которой нам и предстояло биться за нашу свободу. Она была больше тех, которые я видел до сих пор.

Я смог увидеться с Дорис – она тоже тренировалась в своей маске вместе с другими женщинами-бестиариями. Но женщин поселяли в другой подвал, и в нём были окна.

Дорис сказала, что Триксий уже отправился знакомиться с римлянами и отмечать свой приезд. Это означало, что до турнира мы его не увидим.

Базилий похвалил нас и в очередной раз высказал уверенность в нашей победе.

– Когда я был молодым, гладиаторам не давали расслабляться – не то, что теперь. В наше время всё было по-другому: биться было тяжелее, но почётнее...

Наш учитель предался ностальгическим воспоминаниям о своей молодости и едва не забыл об ужине.

Триксий не экономил на нашем питании, и два раза в день Базилий приносил нам большие порции из «Жареных крылышек Кайсара». Крылья сопровождались овощами и рыбной похлёбкой.

На следующий день, когда мы проснулись, подвал был заполнен прибывшими ночью гладиаторами.

– Смотри-ка! Это же Писец! – услышал я.

Я решил, что это мне приснилось или, возможно, показалось, но ошибся.

– Эй, Писец! Тебе конец!

В комнату, которая находилась напротив нашей, заселили двух моих старых и добрых знакомцев – Фаллакуса с Теребинием.

– Что, не ожидал с нами встретиться? Думал, свалил и обвёл всех вокруг пальцев?! Теребиний, боги на нашей стороне! Они послали нам Писца, чтобы мы, наконец, прикончи-

ли его! – кричал Фаллакус.

– А вас Кайсар таки продал! – сказал я.

– Из-за тебя, мудень! В отместку сучке Помпее! Тебе не жить, Писец! Скажи мне, что ты ретиарий! Скажи, Писец! – прокричал рыжий Терebinий.

– Ретиарий наш Писец! Вон сетка валяется! – сказал Фаллакус.

– Слава богам! Всё-таки я правильно делаю, что жертвы им приношу! Если бы тебя слушал, то боги сделали бы его долбаным провокатором!

Парни ударили друг другу по рукам.

– Твои добрые друзья? – спросил меня Безносий.

– Да. Рыжий, похоже, – секутор.

– А чёрный – ретиарий, как и ты? В таком случае, беру на себя загорелого!

Наша встреча на арене была неизбежной, потому что мы чудесным образом оказались в одной связке «ретиарий-секутор», и, по правилам, не могли драться в другими типами гладиаторов.

– А это что за безноса обезьяна, Писец? – кричал Терebinий.

– Это, наверное, его новая подружка! – отвечал Фаллакус. Мордовороты заржали.

– Эй, морды! – сказал Безносий, но продолжать свою речь почему-то не стал.

Через три или четыре дня начались римские народные гуляния.

Праздновать начали с Великого Парада Победы, который провели на форуме – в своём подвале мы слышали звуки труб и больших барабанов, под которые легионы с военной уверенностью чеканили шаг.

Гладиаторы волновались. Даже мордатые Фаллакус с Тербиниумом молчали и слушали как гудит древний город.

Когда парад закончился, к нам пришёл счастливый Базилий!

– Хорошо прошли! Я аж прослезился! Всё-таки равных Риму нет! С такой армией мы любых персов одолеем! Вы готовы? Скоро ваш выход!

Мы покивали своими головами.

– Где Дорис? – спросил я Базилия.

– Пошла переодеваться. Сейчас всех гладиаторов выпустят на арену, чтобы они поприветствовали народ. Она тоже выйдет.

После того, как театр забился до отказа, нас вывели из гладиаторских подвалов на арену.

А нас было более двух сотен – разного роста, цвета и комплекции.

Солнце слепило и мешало разглядеть трибуны, но по тому нестройному хору, который резал наш слух, можно было понять, что нам рады.

– Победа или смерть! Победа или смерть! – кричали люди

на трибунах.

Потом зрители замолчали.

Ведущий нашего представления, который стоял на специальном высоком подиуме в праздничной чёрной тунике, показал на нашу толпу рукой.

– Эти воины прибыли к нам со всех концов нашей республики! – сказал он в большую трубу. – Это лучшие из лучших гладиаторов, которыми так богат Рим! И они приветствуют вас! Идущие на смерть приветствуют римский Сенат и народ Рима!

Зрители завопили с новой силой. Мы помахали им своими руками, а нам в ответ стали кидать цветы.

Я нашёл в гладиаторской толпе Дорис – она была всё в той же маске, и единственная, с неподдельной радостью, махала рукой и одаривала публику воздушными поцелуями.

– Дорис! Где Триксий? Он не пришёл? – крикнул я.

– Вон он! – ответила Дорис и показала мне на нижний ряд.

Триксий сидел в компании каких-то знатных римлян, держал кубок с вином и смотрел на нас.

Я помахал ему рукой, а он показал мне кулак.

Потом нас снова разогнали по подвалам, чтобы вызывать на бои по-отдельности.

Базилий сидел с нами в подвале и волновался.

– Если сейчас вызовут – мочите соперника, несмотря ни на что! Первый день – самый сложный! Потом привыкните!

Вызвали пару парней, а мы молчали и слушали крики тол-

пы и музыку, которые доносились с арены, пока шёл бой.

Ведущий объявлял имена бойцов и комментировал сам бой, а публика то вздыхала, то подначивала, то свистела, то ругалась.

Базилий не выдержал нервного напряжения.

– Пойду гляну! – сказал он и убежал.

Потом привели одного из тех парней, которых вызвали первыми – он был ранен и ругался. Все гладиаторы прильнули к решёткам, чтобы посмотреть на счастливого.

– Долбаное солнце! – сказал он и сел у стены.

Руки его дрожали, а на глазах были видны слёзы. Видимо, он был как никогда близок к смерти, но боги смилостивились и разрешили ему ещё какое-то время потоптать землю своими дешёвыми сандалиями.

Вернулся Базилий – он выглядел озадаченным, но решительным.

– Сильные бойцы! Будет непросто, парни! Но ничего! Просто сделайте это – и всё! И всё!

А потом вызвали Безносия. Я обнял его, и мы пожали друг другу руки.

– Свобода или смерть! – сказал он и улыбнулся.

Базилий открыл дверь.

– И к солнцу – спиной! Только спиной! – напутствовал моего друга наш учитель.

– Не боишься потерять безносую подружку? – спросил меня Терebinий, когда Базилий с Безносием ушли.

– Его подружку боги оставят для меня! – сказал Фаллакус. Бой был долгим, а Фаллакус не ошибся – Безносий вернулся счастливым, но без пальца на руке.

– Дай перевяжу! – сказал Базилий.

– Безносая подружка стала ещё и беспалой! – сказал Тербиний, и мордороты засмеялись.

– Заткнитесь! – сказал парням их же наставник с чёрной бородой, который не был высоким и плечистым, но Фаллакус с Тербиниём боялись его и слушались, как малые дети.

Базилий кивнул ему, а бородач ответил учителю тем же – старые и опытные воины понимают друг друга без лишних слов.

Меня в тот день на бой не вызывали.

Зато в следующие три дня я провёл пять боёв, и в четырёх из них мне пришлось добивать своих соперников. Я ничего не имел против тех парней, но такова была цена моей свободы.

Безносий за эти дни выходил пару раз, и тоже вернулся победителем.

А Дорис, по словам Базилия, умудрилась умертвить быка и леопарда.

– Она – умница! – говорил про неё Базилий с отцовской нежностью, когда возвращался к нам после её боёв.

Дорис выступала в своей маске под именем Аустралия, и зрителям она, конечно, приглянулась – мы слышали, как это имя не раз повторяла благодарная публика.

Дорис стала настоящей звездой того турнира.

А Фаллукус с Теребинием громили своих противников с завидной лёгкостью и быстротой – я не успевал съесть фазанье крылышко с хрустящей корочкой, а они уже возвращались из боя без царапин и других видимых повреждений, но с улыбками и скабрёзными шутками.

Их молчаливый и бородатый наставник позволял им пить церес по вечерам.

А Базилий запрещал нам пить церес даже по утрам – мы давились свинцовой водой из подвальных труб.

На пятый день турнира вызвали Безносия и Фаллакуса.

– Сегодня можете прощаться навсегда! – сказал Фаллакус.

Не знаю почему, но и я, и Безносий, и даже Базилий, поверили чёрному провидцу. Фаллакус был сильнее германца.

Мы простились с Безносием без соплей и лишних слов.

– Сегодня ты обретёшь, наконец, свободу, – сказал я.

– Да. Похоже, боги не простили мне ту проклятую бабку..., – сказал Безносий.

– Убей его быстро! Слышишь? – сказал Базилий Фаллакусу.

Тот посмотрел на своего бородатого наставника – как будто спрашивал у него разрешения – и низкорослый бородач кивнул.

Базилий поблагодарил молчаливого и авторитетного человека таким же кивком головы.

– Я тебя не больно зарежу, – сказал Фаллакус Безносию. –

Но красиво!

Они ушли, а я остался.

Фаллакус исполнил приказ своего учителя – на всё у него ушло не более десяти минут. И с красотой исполнения у него тоже всё получилось – публика аплодировала до иступления.

Чёрный воин вернулся счастливым и весёлым и хлебнул переса, который был предложен ему в качестве поощрения.

– Заслужил! – сказал бородач и похлопал Фаллакуса по заднице – скорее всего, потому, что до плеча бойца он дотянуться не мог.

– Если бы ты видел, с какой любовью я всадил вилы в твоего приятеля, то пожалел бы, что не был на его месте! – сказал мне Фаллакус.

– Теперь твоя очередь, Писец! – крикнул мне Теребиний. – Тебе отсюда живым не уйти – не надейся!

– Завтра тебя поставят с Теребинием!

– Базилий, я...

– К солнцу – только спиной! Не забывай! Знаешь, почему Безносый отправился в могилу?

– Потому, что его убил Фаллакус?

– Нет! Потому что он встал своей безносой мордой к солнцу и поднял свои долбанные руки! Триксий рвёт и мечет! К солнцу – только спиной! И только к солнцу!

Базилий привёл Дорис ночью, когда уцелевшие гладиаторы спали, а мне снились кровавые сны – один ужаснее дру-

гого.

Меня растолкали, я открыл глаза и отпрянул в угол, потому что увидел страшную морду обезьяны.

– Это я! – сказала Дорис и сняла свою маску.

– Только быстрее! Никто не должен увидеть! – сказал Базилий, закрыл дверь и сел рядом с ней.

Я обнял девушку.

– Я вчера убила огромного льва! – сказала она. – Его шкура будет украшать таблинум самого консула! Это большая честь!

– Дорис, меня завтра могут убить!

– Я осталась единственным бестиарием! Представляешь? Всех остальных зверушки пожрали! Один только морж двух заделал! Ха-ха! Я лучшая! Я принесла тебе вина!

Дорис достала флягу и отдала её мне.

– Дорис, мы можем потерять друг друга!

– Почему? Всё так хорошо! Через пару дней ты станешь свободным, а я войду в историю!

– Завтра я стану не свободным, а мёртвым!

– Но ты должен победить!

– Теребиний сильнее меня! Понимаешь?

– Это тот германский красавец с фигурой атлета? Который убивает в два счёта?

– Да. Он уже убил в два счёта с десятков ретиариев!

– Дерьмо! Тебя с ним поставят? Ты точно знаешь?

– Точно! Больше его ставить не с кем! Я – последний ре-

тиарий!

– А что говорит Базилий? – спросила она.

– То же, что и ты! Что я должен победить!

Дорис задумалась.

– Что делать, Дорис?

– Есть один способ. Можно попробовать остаться в живых.

– Я готов пробовать! Говори скорее, Дорис!

– На празднике Победы публика обычно жалостливая. Они даже попросили меня не убивать моржа позавчера, и только потому, что он лишился в нашей схватке одного клыка! Но я была сильнее! И куда его теперь без клыка?

– Я не знаю, Дорис. Но мне кажется...

– В общем, когда почувствуешь, что тебе конец – отдай Терebinию руку или ногу! Если вызовешь у зрителей сочувствие, они потребуют оставить тебе жизнь! Тем более, что это ваш последний бой! У тебя есть шанс, Писец!

У меня не было ни малейшего желания отдавать Терebinию руку или ногу, но и других идей тоже не было.

– Я понял. Я понял.

– Хватит трепаться! Писцу нужно выспаться, Дорис!

– Уже иду! – сказала девушка и поцеловала меня в щёку. – Я буду на трибуне рядом с отцом!

Они ушли, а я остался высыпаться.

Но уснуть я уже не мог до самого утра.

Утром пришёл Базилий и принес мне какое-то зелье в своей фляге.

– На, выпей! Это прибавит тебе сил сегодня! Пей, чтобы никто не видел! Матёрка запрещена на турнирах! Еле пронёс сюда! Пришлось заплатить стражникам! Выпей всю!

Вероятно, мой учитель всё-таки сомневался в моей победе, но я сделал так, как он попросил.

Поначалу я не почувствовал действия того зелья, потом мне стало веселее.

А потом ко мне пришёл Безносий и пожелал удачи.

– Удачи тебе, Писец! Может, скоро свидимся, друг!

Заиграли трубы, забили барабаны и начался предпоследний день турнира.

Прошли несколько боёв и, наконец, позвали нас с Теребинием.

– Всё, Писец! Сейчас Теребиний тебя кончит! – сказал Фаллакус. – Добегался!

– А вертел я твоего Теребиния! – заявил я.

– Писец оборзел, Теребиний! Кончай мудня с особой жестокостью! Как ты любишь!

– За мной не заржавеет! Он будет без рук и без ног валяться и умолять о пощаде! Я ему даже долбаного коротыша отрежу, пожалуй! – заявил Теребиний.

Бородатый наставник похлопал Теребиния по заднице в знак своей поддержки.

– Пойдём, мордатый, я порву тебя! – крикнул я.

Базилий поскорее надел мне на руку кожаную защиту и вывел из подвала.

Мы вышли к арене, и я увидел Триксию с Дорис, которые сидели на первом ряду с местной знатью.

Дорис отправила мне воздушный поцелуй и показала жест, который с тех пор сохранился в употреблении, но с неприличным значением, хотя она лишь напомнила мне о руке, которой следовало пожертвовать ради спасения жизни.

А Триксию снова показал мне кулак. Мне было весело, и в ответ я показал ему язык.

– Помни про солнце! – сказал Базилий.

– Плевать на солнце! – сказал я и плюнул в небо.

– Спокойно, Писец! Перебрал ты с зельем! Бой могут перенести, и тогда тебе уже ничего не поможет, а я не уеду в долбаную Грецию! Убей германца сегодня же! – сказал Базилий и дал трезубец с сеткой.

– На арену вызываются гладиаторы: секутор Терebinий и ретиарий Писец! – объявил в свою медную трубу ведущий.

Музыканты заиграли героическую мелодию.

Мы тут же выскочили на арену.

Терebinий снял свой шлем и принялся бегать по краю арены с поднятыми руками, в которых он держал гладиус и щит. Зрители приветствовали его стоя.

А я вышел в центр площадки и принялся за чем-то вертеть сеткой над своей головой.

– Гонг! – крикнул, наконец, ведущий мужчина с пьедеста-

ла, когда Терebinий набегался вдоволь и подошёл ко мне с жуткой гримасой на своей морде.

Потом он надел шлем и приготовился.

Ударили в гонг.

Я скопировал позу своего противника и засмеялся.

Тем временем Терebinий начал атаковать.

Я уворачивался от ударов великана и продолжал смеяться.

Мне казалось, что это не битва насмерть, а какая-то игра, в которой я обыгрываю соперника, и даже поддаюсь ему. Это было странным, но, похоже, зелье Базилия оказалось эффективнее, чем сам учитель мог предполагать.

Удивлённый Терebinий уже начал выдыхаться, потому что тратил силы на бесполезные преследования по всей арене и сильные удары гладиусом по воздуху. Но он всё же намеревался меня убить и принялся снова атаковать.

Я посмотрел на Дорис. Она, видимо, подумала, что мне конец и снова показывала мне тот самый жест.

Но тут ко мне подбежал Спартак с Корнелией на руках.

– Тяжёлая, Писец! И грязная! Помоги донести до прачечной!

Я бросил оружие и протянул руки к полководцу либертарианцев, потому что не мог ему отказать.

Я заметил звериный оскал на потной харе Терebinия – он собрался меня кончать!

Я снова посмотрел на Дорис – она вскочила на скамей-

ку и уже с неё жестикулировала с таким надрывом, что заразила своей резвостью и публику. Видимо, зрителям, хоть они и не понимали значения сигнала девушки, понравился и тот самый жест, и новый способ выражения своих эмоций – они тоже повскакивали на скамейки и повторяли за Дорис её нехитрые движения – били одной своей рукой по локтевому сгибу другой руки.

Я заметил оживление на трибунах и, к счастью, вытянул свою правую руку в сторону Теребиния и попытался дать ему пощёчину.

Гладиус германца блеснул на солнце, а моя рука, длинная, как питон, отлетела в сторону.

На этом я посчитал свою жизнь законченной.

Но вместо встречи с богами, я очнулся в какой-то комнате с белыми стенами и приятным запахом цветов.

Я лежал на мягком диване, а в открытое окно задувал тёплый ветер и щекотал мои пятки.

У моего дивана сидела красавица Дорис и ела персик.

– Привет, дорогой! – сказала она и поцеловала меня в щёку. – Отличный бой! Красивый! Всё получилось! Ты жив! Скоро вернётся папа – он встречается с консулом.

– Почему Теребиний не убил меня? Он же мог...

– Ты разжалобил народ! У тебя получилось! А без руки жить можно!

Я посмотрел на перевязанную правую руку – она была укорочена по локоть, но болела, как ни странно, отсутству-

ющая её часть.

– Как я теперь? И я не выиграл турнир...

В этот момент в комнату вошёл довольный Триксий в сопровождении Базилия.

– Наш герой уже очнулся! Ты был великолепен! Всё-таки не зря я держу Базилия – это был лучший бой всего турнира! Народ пищал от счастья!

– Но я не выиграл турнир, – сказал я.

– Да, но зато о моей школе и обо мне теперь знает весь Рим! А это... В общем, я решил подарить тебе свободу!

Дорис заулыбалась, а Базилий посмотрел на Триксия с удивлением.

– Я...

– Без руки ты всё равно драться уже не сможешь. Да и писать, пожалуй тоже. Зачем мне такой раб?

– Триксий, я...

– Да и, честно говоря, за тебя просил сам консул! Какое-то! Он, как и все, был поражён твоим умением держаться на арене! Решили так: я подарю тебе свободу, а он наградит тебя талантом. Я про серебро.

Дорис захлопала в ладоши!

– Папа! Ты самый лучший! – сказала она и кинулась к Триксию на шею.

– Да! Я знаю! Сегодня же виндицируем тебя – и можешь отправляться на все четыре стороны!

– А я? – спросил Базилий.

– А ты... Твои ученики проиграли, не так ли? А один вообще сдох! Ты не выполнил условие нашего договора! И ты мне нужен! Но не унывай, дружище! Через четыре года новый турнир – у тебя есть время подготовить достойных гладиаторов и победить!

Вот так рассыпалась мечта доброго Базилия об острове и лодке.

Базилий посмотрел на меня с завистью.

– Собирайся, Писец! Через час жду тебя у претора – будем оформляться! Дорис знает где – она проводит! Пошли, Базилий!

Счастливым Триксий с печальным Базилием ушли.

– Как всё удачно получилось! – сказала Дорис и прилегла со мной. – Завтра у меня последний бой – притащат какого-то убогого медведя, а потом мы сможем уехать. Вместе.

– А Триксий не будет против?

– Нет. Он теперь на короткой ноге с самим консулом – остальное его мало интересует.

– А куда?

– На Сицилию. Говорят, там уютно. Я хочу открыть свою гладиаторскую школу для женщин. Папа обещал помочь. Женщины – тоже люди, и они хотят драться наравне с мужчинами!

– Да... Наверное.

– О чём ты думаешь? Тебе не нравится Сицилия? Тогда поехали в Грецию! Или в Африку!

– Мне нравится Сицилия. Но, может, не нужно медведя? Ну его к чертям! Поехали сегодня же после виндикации!

– Как не нужно медведя?! Ты совсем не думаешь, что говоришь! Я готовилась несколько лет, чтобы получить венок победителя! А ты хочешь, чтобы...

– Я хочу уехать. С тобой и поскорее!

– Уедем завтра! И не спорь! Иначе я уговорю папу пере-думать!

Меня освободили и выдали мне соответствующую грамоту с подписями Триксия и претора.

– Поздравляю, Писец! Заслужил! Руку тебе пожать не могу, но желаю удачи! Консульский талант ждёт тебя в каупоне.

Я поблагодарил Триксия и сказал, что приду на бой Дорис с медведем, чтобы поддержать его дочь. Он не был против, и даже купил мне билет на трибуну.

На следующий день мы встретились в театре. Моё место было на десятом ряду, но я видел всю арену и Триксия, который сидел внизу в обществе аристократов. Он улыбался, пил вино, и был доволен и дочерью, и мной, но более всего, полагаю, собой.

Базилий был, как всегда, в наставнической ложе у выхода из гладиаторских подвалов. Он сидел с задумчивым выражением лица и ни с кем не разговаривал.

Меня зрители узнали и просили побаловать их автографами. Я не отказывал римскому народу в такой мелочи и раздавал автографы направо и налево. Правда писать на гли-

няных табличках и папирусах приходилось левой рукой, но мои каракули расходились по трибунам и радовали людей, казалось, не менее, чем сами гладиаторские бои.

Заиграла громкая музыка, и ведущий представления объявил продолжение праздника.

– Итак, мы продолжаем! – завопил он в свою трубу. – Сегодня последний день турнира – мы подведём итоги и узнаем, кто из наших героев, победивших смерть и дошедших до конца, получит венок и титул чемпиона!

Народу понравились слова ведущего и он зааплодировал.

– А начинается представление та самая Аустралия, наша любимица, которая завоевала сердца римлян на вечные времена! Её имя останется в истории гладиаторских игр – такое решение уже принято нашим дорогим Сенатом! Встречайте! Аустралия – гроза свирепых хищников!

Зрители подняли шум, а Дорис в маске выскочила на арену.

Она приветствовала публику воздушными поцелуями и торжественным проходом по периметру арены. Дорис крутила задницей, как это делает каждая женщина, которая хочет понравиться, и кричала, что любит всех, кто собрался посмотреть на неё сегодня.

– Сегодня Аустралия встретится... с медведем! Его подарил нам новый герой Рима – Гай Кайсар!

Публика взорвалась.

– К сожалению, сам он не смог приехать – у него появи-

лись срочные дела в Африке, но он просил передать вам свой пламенный привет! Кайсар, по какой-то причине, уверен в победе своего медведя, поэтому жертвует гонорар за этот бой в фонд помощи калекам последних войн! Но мы не склонны разделять уверенность подающего надежды молодого защитника республиканских идеалов! Дерзкая Аустралия уже доказала нам, что палец ей в рот класть не надо – откусит!

Народ похлопал и посвистел ведущему в знак своей поддержки.

Ударили в гонг, зазвучала музыка, и битва началась.

Народ выкрикивал имя Аустралии, а медведя никто не поддерживал.

Дорис подбежала к нему и ткнула его своим длинным копьём. Медведь встал на задние лапы и начал танцевать в такт музыки, как он и привык делать.

Публика засмеялась, а Дорис ранила зверя ещё раз. Медведь, как настоящий актёр, терпел боль и продолжал танцевать.

Публика начала ругаться и требовать для зверя смерти.

Дорис не захотела убивать танцующего медведя, а решила устроить такое же театральное шоу, какое показал я днём ранее.

Она носилась вокруг медведя, выкрикивала обидные для него фразы и покалывала его копьём. Потом она стала изображать уставшую от жизни и раненую женщину и подходила

к медведю вплотную, и даже дотрагивалась до него рукой – публике такой спектакль нравился.

Дорис осмелела и трогала медвежьи клыки и била зверя ножом в ухо, но старательный танцор не обращал своего внимания на такие пустяки и продолжал свой милый танец.

Зрители хохотали и хлопали в ладоши, а я заскучал – мне хотелось забрать поскорее своё серебро и покинуть славный город.

Я закрыл глаза, чтобы не видеть этот спектакль – он мне не нравился, но услышал знакомую фразу, которая меня тут же взбодрила.

– Покачай малыша! – крикнул ведущий в свою трубу.

Я понял, что сейчас случится трагедия, и поспешил на помощь Дорис.

Ударили в гонг, и медведь начал танцевать в сторону Австралии.

Я скакал по головам зрителей вниз и кричал.

– Беги! Дорис! Беги! – кричал я.

Но девушка то ли не слышала меня из-за рёва толпы, то ли слышать не хотела. Она думала, что медведь так и будет танцевать и терпеть её болезненные выходки, а потом позволит себя заколоть в красивом прыжке.

К сожалению, она не знала о спектакле, который когда-то придумал для зверя Карлиний, как и я не знал о том, что Кайсар вместе с медведем прислал ещё и инструкции для ведущего.

Я выскочил на арену и побежал к Дорис. Наконец, она заметила меня, но я опоздал – медведь поднял её своими огромными лапами и откусил Дорис голову.

Музыка стихла, толпа замолчала, а я сел на песок.

Медведь подумал, что сделал что-то не так и испортил нам праздник – он опустил мёртвое тело на арену и положил рядом с ним голову. Он испугался, что его накажут за испорченный спектакль, лёг на песок и закрыл лапами глаза.

Мне было жаль и Дорис, и медведя, но не все истории имеют счастливый конец.

– Животное! – закричал Триксий и его голос, казалось, услышал весь Рим.

Озверевший отец выхватил меч у одного из легионеров, подбежал к медведю и несколькими ударами отсёк лежащему зверю голову. Потом Триксий сел со мной на песок и зарыдал.

Нас попросили уйти с арены, чтобы не мешать представлению – публике предстояло насладиться ещё несколькими боями.

Мы ушли из театра в подавленном настроении и не разговаривали.

– Что я скажу Гере? Скотина! Всю карьеру мне поломал – теперь станет известно, что Аустралия – моя дочь! Зачем я выбежал?! Теперь инфамии точно не избежать! Скотина! – говорил Триксий сам себе.

А потом он накачался вином и цересом до скотского со-

стояния, и я не стал с ним прощаться, как, впрочем, и с Базилием.

В тот же день я уехал в Африку, чтобы насладиться, наконец, свободой и начать новую жизнь.

25

На консульские деньги я открыл на африканском побережье небольшую мануфактуру по производству гарума.

Я научился писать левой рукой – обучение, конечно, заняло какое-то время, но результаты превзошли ожидания – моему почерку завидуют все, кто умеет писать.

А потом я женился на девушке из уважаемого рода.

Моя жена Виктория родила мне пятерых детей. Двое, правда, умерли ещё в детстве, но трое уже обзавелись своими семьями.

Мой старший сын Марк – морской офицер.

Младший сын Гай изучает искусство гарумоварения и унаследует мою мануфактуру.

А дочь Дорис замужем за римским наместником в Британии, которую Кайсар присоединил к Риму.

У меня шестеро внуков и одна внучка. Есть уже и правнуки – правда, их я ещё не видел.

Моя жена во всём поддерживает меня и помогает готовить самый лучший гарум.

Даже «Жареные крылышки Кайсара», которые появились в Азии, и в Британии, и даже в Африке, покупают гарум только у меня.

Но так как жить мне осталось не так много, как хотелось бы, то я расскажу вам о своём секрете.

Один мой раб, имени которого я не успел запомнить, потому что купил его всего за несколько дней до происшествия, накачался цересом и свалился в один из чанов, где выдерживался гарум. Он там остался и ферментировался вместе с рыбой, потому что не сумел выбраться.

Когда мы заметили исчезновение раба, то посчитали, что он сбежал в свою Британию.

А через пару месяцев гарум созрел, его процедили, разлили в амфоры и приготовили к отправке клиентам.

Как выяснилось позднее, рабы, которые этим занимались, заметили в рыбных костях кости человеческие. Они выбросили их вместе с остальными отходами, которые остаются после процеживания соуса, но о своей находке никому не сказали.

И этот чудесный гарум уехал в одну из римских термополей «Жареные Крылышки Кайсара».

Вы не поверите, но за один день эта термополия сделала месячную выручку!

Но когда в термополию пришла новая партия гарума, который не был выдержан с рабом, спрос на крылья тут же упал.

Когда я узнал об этом, то допросил тех самых рабов, которые были на разливе гарума. Они-то и поведали мне о человеке в чане. Я решил повторить эксперимент и, втайне от

всех, отправил в чан одного из этих горе-работников.

Чан закрыли, а через положенный срок готовый гарум отправили в другую римскую термополюю.

История повторилась – за крылышками из этой термополюи выросли мильные очереди. Рассказывали, что за фазаньи крылышки даже могли убить!

И тогда я понял, что это мой шанс!

Я не скупился и приобретал рабов десятками.

Я решил, что отныне я буду считать это моим жертвоприношением богам, чтобы они продолжали поддерживать меня во всех моих начинаниях.

Рабов добавляем в чан по ночам, чтобы никто не видел.

О секрете знают лишь избранные – я, мой сын и надёжный германский управляющий. Даже моя жена не знает тайны лучшего гарума во Вселенной!

Я продаю его под маркой *Garum Regius*.

Завтра я запечатаю эту рукопись в свинцовый ящик, отвезу его на маленький необитаемый остров в море и спрячу в пещере. Надеюсь, когда-нибудь его найдут, и людям станет известна тайна невероятного успеха жареных крылышек Кайсара...